
ЮЛИЯ КОВА
#20
ВОСЬМАЯ

#20 восьмая

Юлия Кова

Аннотация
Юлия Кова. «20 Восьмая»
От автора
Глава 1. C’est La Vie — 2012
Глава 2 . Carpe Diem
Глава 3. Velkommen til Danmark
Глава 4. Business / Casual
Глава 5. Kungelei
Глава 6. Dastish Fantastish
Глава 7. FAQ
Глава 8. Danke Schon
Глава 9. Back to Russia
Глава 10. Final Countdown
Глава 11. C’ est La Vie 2016

Аннотация

« — Знаешь, Лена, — задушевно начал он. — В детстве я прочитал много хороших историй. Но «Пятидесяти оттенков» среди них не было... Я сидела, сжимая кулаки, и приказывала себе не разреветься. Потому что прозрением всех блаженных поняла: я — жертва, Андреев — загонщик. И на меня был только что объявлен сезон охоты.»

Юлия Кова
«20 Восьмая»

От автора

Имена, характеры, места действия, как и все аналогии с действительными событиями, вымышлены или творчески переработаны.

Все совпадения с именами людей, ныне здравствующих или покойных, случайны. Все ошибки в географических названиях и наименованиях компаний и организаций — случайные или преднамеренные — остаются на совести автора.

Глава 1. C’est La Vie — 2012

«Знаете, что является самым сложным при написании любовного романа? Это - рассказать о начале любви. Диалоги, эротика, характеры и сцены развиваются с опытом и фантазией самого автора. Роман же традиционно заканчивается либо смертью одного из героев, либо тем, что девушка остаётся с "проблемным" парнем... Смешно — истории, написанные под копирку. В жизни всё по-другому.

Меня зовут Елена Ларионова. Мне двадцать шесть. Пять лет назад я встретила Макса. Я была счастлива с ним, почти. Оказалось, история моей любви ещё только начиналась...»

28.

«All the right friends in all the wrong places
So yeah, we're going down.
They've got all the right moves and all the right faces

So yeah, we're going down[1].
(«All The Right Moves», (c)«OneRepublic»)

Сентябрь. Московский вечер пятницы. Я сижу в представительстве датской компании «Systems One», рассматриваю странно-ломанный клип «OneRepublic» и жду, когда Таня Сиротина соберет мне папку. И думаю я о том, что уже в понедельник я отправлюсь на конференцию в Копенгаген. Отсижу две-три обязательных сессии, после чего с чистым сердцем растворюсь в пешеходных кварталах города, посмотрю на разноцветную набережную Нихавн, куплю билет в Амалиенборг, ну, и побываю на Строгет — самой длинной из всех пешеходных улиц Европы. А уж если мне совсем повезёт, то я смогу сбежать от Тани и в одиночестве отправиться в «Statens Museum for Kunst», где есть работы Кранаха и Липпо.

Тут надо сделать небольшое отступление и рассказать, кто такие мы с Таней. Начнём с того, что Татьяна Сиротина — директор по партнерам «Systems One», и выглядит она довольно затейливо (представьте себе располневшую Памелу

---

[1] Примечания: 1

«Нужные друзья в неправильных местах — так что, да, мы будем побеждены. Они делают верные движения, надев нужные маски — так что, да, мы будем побеждены.» (Перевод Лингво-лаборатории «Амальгама»).

Андерсен в костюме Хилари Клинтон). Я подвизаюсь у дистрибутора этой датской компании и в должности на порог ниже. Моя контора называется «Ирбис». Кроме «Ирбис», у датчан есть еще два аналогичных партнера — «Корса» и «OilИнформ». «OilИнформ» работает на нефтегазовом секторе, «Корса» ведёт всю «мелочёвку» на территории СНГ. «Ирбис» же охватывает необъятный корпоративный сегмент, редко, когда выполняет спускаемый ей датчанами план продаж, но при этом всегда — подчёркиваю, всегда! — получает больше денег на продвижение. В год примерно так на полмиллиона. Описав небольшой круг на счетах «Ирбис», эти деньги распиливаются. Часть идёт в карман моему генеральному, часть — в карман боссов Тани. Ну, а мы с Сиротиной прикрываем и тем, и другим задницы, вполне так профессионально стряпая фальшивую отчётность.

Здесь можно сделать изумлённое лицо и залить глаза праведным гневом: мол, и как вам не стыдно, девушка? Но давайте будем честны. Это — самое обычное дело для тех, кто давно и хорошо знает: прав не тот, кто работает, а тот, на кого ты работаешь. И если твоим боссам угодно, чтобы их бизнес развивался именно так, то ты

либо будешь соответствовать, либо на твоё место возьмут кого-нибудь потише и поспокойнее.

— Тань, где тебя подхватить? В аэропорту? Или мне за тобой заехать? Меня всё равно Макс в «Шереметьево» подвезёт, — поинтересовалась я у Сиротиной.

Таня, которая ещё вчера прожужжала мне все уши про Autlet, Illum, Frederiksberg[2] и датский Музей эротики, повозилась за своим огромным, как площадка для минигольфа, столом, усыпанным канцелярскими скрепками. Положила ножку на ножку, и, сурово сдвинув брови, продолжила собирать мне папку.

— Тань, ау? — напомнила я о своём существовании.

— Ленок, я никуда не еду.

— В смысле? — не поняла я. — Но у тебя же виза, и вообще…

— Сыч меня не отпустит.

«Сычом» (кстати, с моей лёгкой руки) в «Systems One» называли текущего замглавы и, в перспективе, будущего главу представительства. В миру же «Сыч» был ВладимВадимычем Спицыным. Выше «Сыча» был только датчанин Кристоф Кри-

---

[2] Примечания: 2
Крупнейшие торговые центра Копенгагена.

стенссен. Кличку же свою «Сыч» заслужил у меня благодаря своему выдающемуся астигматизму, который заставлял его неприятно прищуриваться и при этом не мешал выдёргивать меня из любой толпы, чтобы пообжиматься.

— Тань, жалко, что тебя в Дании не будет, — искренне огорчилась я. — А Сыч почему не едет?

— А в этом году в Копенгаген у нас сам Кристоф собрался. — Таня оглянулась по сторонам, точно в углах её кабинета притаилась не вековая пыль, а враги. — Ленок, по секрету, — сделав «страшные» глаза, Сиротина поманила меня к себе пальцем. — Только смотри, никому. В общем, Кристоф собирается на этой партнерской тусовке показать всех вас своему наследнику.

— Какому ещё наследнику? — не поняла я.

— Да ну тебя, Лена! — рассердилась Таня. — Соображай быстрее: Кристоф. Собирается. Показать. Партнёров и дистрибуторов своему наследнику — то есть, будущему главе представительства, — четко и раздельно произнесла Таня. — Поняла? Сам-то Кристоф через полгода уходит на пенсию, ну, и должен нового нам назначить.

У меня брови поползли наверх:

— Тань, подожди. Ты что же, хочешь сказать, что новым главным будет не Сыч?

— Аллилуйя. Сообразила!

— Сообразила. Тань, а откуда известия?

Таня неопределённо пожала плечами и мрачно указала глазами в потолок: мол, даровано свыше.

— Тань, а он хорошенький? — решила «подколоть» Таню я.

— Кто, Кристоф? — Сиротина оторвалась от потолка и ошарашенно воззрилась на меня. — Да бог с тобой, Ленка. Ты же сто лет его знаешь.

— Тань, да я про новенького.

— А-а... Да пёс его знает... Кстати о новеньком... — Сиротина подняла на меня чистый, как у ребёнка, голубой взгляд. — Ты, дорогая, что-нибудь на коктейль-party возьми. Типа платье — и всё такое.

— Зачем это? Я же не планировала никуда ходить.

— А затем, что Кристоф обязательно устроит себе отвальную. Снимет какой-нибудь датский гадюшник и поведет вас туда. Будете вырабатывать командный спирит[3], который ты так ненавидишь.

Я промолчала: у меня были свои планы, как

---

[3] Примечания: 3

От англ. spirit — дух.

избежать этих пьяных танцев. Потому что всё это уже было. А в итоге — аборт, слёзы и невозможность забеременеть, как мы с Максом и не старались.

— Ленок, папка готова, — отвлекла меня Таня от моих мыслей. — На, держи, и не забудь ознакомиться. Там программа, список выступающих — и всё такое...

— И всё такое, — принимая папку, зачем-то повторила я.

Папка была красивая: блестящая, серебристая, с огромным логотипом «Systems One». Логотип походил на звезду, манящую обещанием, что всё-всё обязательно будет хорошо. Но в чудеса я не верила. Не ведая о том, что меня ждёт (гром не загремел — не засверкала и молния) я чмокнула воздух рядом с Таниной щекой. Вздохнув знакомый Танин парфюм (дорогой, но приторный), я отправилась к выходу. Дойдя до стеклянных дверей, где к «нагнетке» надо было приложить пропуск, я на минуту замешкалась, путаясь между карманами пиджака и лайкового жакета. Папка потёрлась о мой бок и, кувыркнувшись, бухнулась мне под ноги, разбросав вокруг себя лифлеты, рекламы, программу, мой авиабилет и подтверждение брони.

— Что б тебя! — от всей души пожелала я папке, поддёрнула юбку, присела на корточки.

— Что б меня? — раздалось сверху хрипловато-насмешливое.

Ахнув, я торопливо вернула подол на его законное место. В это время перед моим носом возник носок элегантного мужского ботинка из коричневой замши. Рядом, помедлив, пристроился и второй. Все ещё сидя на корточках, я ухитрилась закинуть вверх голову и уперлась взглядом в то хрестоматийное место, где в мужских брюках заканчивается молния в ширинке. В ответ ширинка подёргалась (её владелец сунул руки в карманы брюк, сообразила я), и ботинки чуть-чуть отступили. «Молодец. Но, между прочим, мог бы даме и помочь», — с досадой подумала я, возвращаясь к сбору бумажек, веером рассыпавшихся по полу.

— Вам помочь? — весело поинтересовались сверху.

— Нет, на меня посмотреть, — тихо огрызнулась я, отклеивая от пола свой билет в Данию.

— А-а… Ну, как скажете.

Я прямо чувствовала затылком этот игривый взгляд и насмешливый голос.

— Может быть, вы меня всё-таки обойдёте? — предложила я, ловя липнувший к ламинату

лифлет с программой конференции.

— Не могу, — доложили сверху.

— Это почему?

— Да потому что вы присели прямо на дороге.

Мне сразу вспомнились и моё сочное детство, и подмосковный лесок, и пионерский лагерь под Клязьмой, и вся та ситуация, когда «мальчикам — налево, девочкам — направо». Невольно фыркнув, я всё-таки ускорилась. Собрав папку, начала подниматься. Я вставала, а перед моим взором проезжали серые брюки, пуговицы белой рубашки, отворот дорогого твидового пиджака, тугая линия шеи и чисто мужской подбородок. Наконец, я рассмотрела того, кто возвышался надо мной. Развёрнутые плечи. Высокий. Очень тёмные, почти чёрные волосы. Ухоженный, но не лощёный. А ещё от него исходил тот самый, потрясающий аромат, который я обожаю — «Fahrenheit», напоминающий запах осени на мужской коже. Незнакомец вообще относился к тому складу мужчин, о котором моя мама любила говорить: «Хочешь не хочешь, а хочешь». Но пуанту внешности моего незнакомца составляло даже не это, а самые странные глаза, какие я когда-либо видела. Очень светлые, прозрачные, текучие, как вода. Уверенные, острые. Мужчина

вообще производил впечатление человека, привыкшего, чтоб все его развлекали.

«Сколько ему лет? Тридцать пять? Тридцать?» Пока я разглядывала его, светлые очи хитро прищурились.

— Между прочим, вы забыли. — Мужчина с преувеличенной любезностью указал на моё упущение — прямоугольник белой бумаги, лежащий на полу. Прямо под моим каблуком. — Вы как, ещё раз присядете?

Он явно поддразнивал меня. Недолго думая, я наклонила к плечу голову, обозревая его с головы до ног. Медленно. Очень медленно. Но мужчина не смутился, а весело кивнул:

— Ладно, я понял. Тогда *я* присяду за вас.

Я ещё не успела придумать достойный ответ, когда мужчина аккуратно поддёрнул брюки и буквально стёк вниз по моим бёдрам. Мне стало жарко. Потом холодно, точно в желудке образовался жидкий лёд. А потом у меня вообще свело пальцы рук, когда у моего правого колена оказалась его темноволосая голова, плечо, и я вдруг почувствовала тепло. Мужчина был осязаемым. И очень живым. И он до меня дотронулся, отправив свою руку в район моих щиколоток, пробираясь пальцами между моих чуть расстав-

ленных ступней.

— Вы что? — встрепенулась я.

— Подбираю визитку, — невозмутимо доложил мне незнакомец, демонстрируя зажатый между пальцев белый прямоугольник. Я невольно попятилась.

— Вы мне пальцы отдавите, — пожаловался мужчина и протянул мне визитку. Он по-прежнему глядел на меня снизу-вверх, ухитряясь при этом одновременно поглаживать взглядом мои ноги. — Кстати, тут написано... — незнакомец опустил глаза и прочитал: — Елена Григорьевна Ларионова... Ларионова — это вы?

Я молча открыла папку — он изогнул бровь, но бросил визитку внутрь.

— Спасибо за помощь. Это было изумительно, — в своём фирменном стиле поблагодарила я, собираясь ретироваться (обойти его и выйти, наконец, из этого душного офиса, в котором явно было что-то не так с вентиляцией. Потому что мне катастрофически перестало хватать воздуха).

— Ещё не было, — поднимаясь, почти касаясь меня, тихо ответил мужчина.

— Простите, чего не было?

— Я говорю: изумительно вам ещё не было.

Как всегда, в момент гнева и растерянности, у

меня напрочь перехватило дыхание. Я стояла и хватала ртом воздух.

— Алексей? Лёха? Андреев? Ты? Какими судьбами? — загрохотал на другом конце коридора низкий бас. По коридору прямо к нам направлялся «Сыч». Сообразив, что ВладимВадимыч через секунду доберется и до меня и предложит мне объятия, отдающие кислым китайским чаем, я моментально юркнула за твидовую спину.

— Это вас, что ли, *кличуть*? — с говорком рязанской бабушки на завалинке осведомилась я, дыша смутившему меня «Лёхе» в затылок. «Лёха», чьё прозвище больше подходило к среднерусской возвышенности, нежели к дорогой замше, дёрнулся и обернулся. Прозрачные глаза задержались на моём лбу, потом съехали мне на переносицу, плавно и осязаемо спустились к губам, где и остановились.

— А ты язва, — шепнул он мне прямо в мой приоткрытый рот. — Но ты со мной не справишься. Так что даже не начинай, Ларионова.

Я замерла. «Лёха» безмятежно фыркнул, ещё раз обозрев мой приоткрытый рот и повернулся к «Сычу». Раскинул руки, как крылья, и пошёл к нему вальяжной походкой заглянувшей на огонёк звезды.

— ВладимВадимыч, — дурашливо запел «Лёха», — а вы все молодеете.

— Скажешь тоже, — загоготал довольный «Сыч». — Ну, как там в Германии?

«А, так ты, из Германии?»

— Гитлер капут, — совсем уж по-хулигански прошептала я в твидовую спину. «Сыч» прищурился, пытаясь разглядеть в коридоре существо женского пола. «Лёха» обмер. Я озорно прищёлкнула пальцами и пулей вылетела из офиса. Подставила лицо тёплому сентябрьскому солнцу и расхохоталась. «Занятный парень, — вспомнила я прозрачные глаза. — Но — не моё шоу».

— Макс, — открывая входную дверь и гремя ключами, позвала я. — Сафронов, ты дома?

— Дома, — в коридор выглянул Максим, на ходу надевая свитер. — Я только-только вошёл, Лен. А ты что так поздно?

Видя его открытую, во все тридцать два зуба, улыбку, я подумала, как же мне повезло, что мы вместе, и что Макс так меня любит. Он возник в моей жизни в тот несчастный день, когда я шла из больницы, услышав приговор врача: «Последствия хирургического вмешательства… Вы зачать не сможете». Был ливень, а мне казалось, что вместо со мной плачет небо. Из-за стены

дождя возникла огромная чёрная машина и остановилась рядом со мной, чуть-чуть не окатив меня грязной водой из лужи.

— Садитесь, я вас подвезу, — окликнул меня дружелюбный, густой мужской голос. Я покачала головой. — Садитесь, не бойтесь.

Откровенно говоря, в тот миг мне было всё равно, что он со мной сделает, но я помотала головой:

— Нет.

— Садитесь, я вас не трону. Ну, пожалуйста, садитесь.

Он уговаривал меня ещё минуты три. В итоге, я покорилась и забралась в округлый мрачный джип с затемнёнными стёклами. Водитель спросил мой адрес, кивнул, уверенно развернулся на двойной сплошной полосе, и повел машину в сторону Олимпийского проспекта. Покосился на меня, мокрую и несчастную. Вздохнул, порылся в «бардачке» и протянул мне пачку белых бумажных салфеток. А мне на колени упал цветной глянцевый флаер. «Архитектура. Авторские проекты. Шоу-рум на Фрунзенской. Хозяин — Максим Сафронов», — прочитала я.

— Возьмите, у вас выпало из «бардачка», — вернула я флаер водителю.

— Оставьте себе. — Он помолчал и добавил: — Максим Сафронов — это я. Может быть, однажды вы придёте ко мне со своим приятелем?

— Зачем? — я отвернулась к окну.

— А я бы очень хотел объяснить ему, что вас нельзя обижать.

Повисла пауза. Я вскинула на водителя ошеломлённые глаза. Тогда-то я его и разглядела. Макс — Максим Сафронов — был старше меня и на много. Но его улыбка мягко обняла меня, а карие глаза смотрели тепло и искренне.

— У меня нет приятеля, — прошептала я и вложила флаер в карман дверцы автомобиля. Сафронов ничего не ответил. У подъезда я протянула ему крупную купюру. Максим покачал головой и попросил мой телефонный номер. Так мы и стали встречаться, сначала редко, потом чаще. Макс медленно размораживал меня. Расспрашивал о моей учёбе, иногда забирал с занятий и водил на выставки, в кафе и в шоу-румы. Через месяц Макс в первый раз пригласил меня к себе, в свою двухэтажную студию, расположенную в известном всем москвичам доме на Набережной. Были свечи, хрусталь, музыка, в вазе — мои любимые розы, в бокале — сок для меня. Наверху — его спальня.

— Если хочешь, останься. Я буду рад.

И я осталась.

Он брал меня со спокойной уверенностью тридцатипятилетнего мужчины, который давно и хорошо знает, как удовлетворить женщину. Я поддавалась ему. Впрочем, в моих движениях и ответных стонах была только благодарность. Да, это глупо, но тогда мне был всего двадцать один год и мне очень хотелось отблагодарить Макса, вот так, за то, что он добр со мной. Я думала, эта ночь будет последней, но наступило утро, и Макс снова был рядом. Я приходила к нему ещё три летних месяца. В какой-то момент, растворившись в его огромной, помпезной, но пустой и холодной студии, я, постеснявшись изменить её под свой вкус, приняла решение копить на собственную квартиру. Мне всегда хотелось иметь просторную белую кухню с видом на лес — и спальню, в которой никогда не появится телевизионная плазма. Чтобы мы двое оставались здесь один на один, без сводок бизнес-каналов, зубодробительных новостей от «Первого» и ночного веселья от «Comedy». Обдумав мой кредитный план, Макс предложил мне взаймы, но я отказалась. К тому времени у меня уже была другая договорённость. Так я и стала хозяйкой симпатичных шестидеся-

ти трёх квадратных метров с кухней и лоджией с видом на лес. Макс в итоге сам перебрался ко мне, но навещал свою студию, когда ему требовались тишина, мольберт или зимние вещи. «Дань моде и отсутствие обязательств», — говорила про нас моя мама. Гражданский брак ей не нравился, а Максима она откровенно не одобряла: «Лена, он старше тебя, и он тобой пользуется».

Но мама ошибалась. Эти отношения были самыми честными из всех, что я только знала. Макс любил меня, он был нужен мне, и при этом ни один из нас не тащил в ЗАГС другого. Максу это было не надо («детей же все равно нет? Ну и чего заморачиваться?»). А я… в общем, с одной стороны я точно знала, что отсутствие штампа в паспорте держит Максима в тонусе. С другой, я, говоря ему о любви, использовала кучу слов. Было здесь и «ты потрясающий», и искреннее «мне хорошо с тобой». Было и чуть более лживое «я хочу тебя». Не было только трёх простых слов: «я люблю тебя».

— Макс, а я в понедельник улетаю в Копенгаген, — похвасталась я. — Что тебе привезти из Дании? Высокохудожественные альбомы с архитектурой? Каталоги из музеев? А хочешь…

— Надолго?

— Что надолго?

— Ты надолго едешь? — спокойно переспросил Максим.

— На три дня.

— Отвезу тебя в аэропорт, — кивнул он.

— А ты скучать будешь?

— Буду. Конечно, буду, Лен. — Макс привлёк меня к себе и положил подбородок на мою макушку.

— А ты мясо на ужин пожаришь? У тебя хорошо получается, — немедленно подольстилась к нему я.

— Ага, но попозже. Мне надо кое-то доделать. — Максим неохотно выпустил меня из объятий. Провел широкой ладонью по своим светлым, удивительно красивым волнистым волосам. — Представляешь, заказчик опять не доволен, — с легкой обидой пожаловался Макс, — так что мне придётся пересчитывать нагрузочную мощность на арки.

— Твой заказчик инфернальный кретин, — молниеносно среагировала я. Макс поднял брови, фыркнул и покачал головой:

— Лен, вот скажи, ну откуда это в тебе?

— От папы. Иди работай, — смутилась я.

— Минут через пятнадцать закончу, — пообе-

щал Макс, включая компьютер в нашем общем с ним кабинете.

— Тогда я тоже делами займусь. Посижу тут с тобой рядом, ладно?

Макс кивнул. Я бросила на стол папку. Переодевшись в джинсы и футболку с голубым Покемоном, с ногами забралась на диван и вытащила программу.

«Первый день суммита», — прочитала я очень пафосное начало, ошельмованное буквой «у», и, не сдержавшись, фыркнула.

— Лен, ты что? — недовольный Макс оторвал взгляд от компьютера.

— Опечатка смешная.

Вообще-то у Макса было хорошее чувство юмора, но, когда он работал, разговорам места не было. Так что я, на всякий случай сунула в рот ручку, и продолжила читать. Итак, «16:00 — открытие. Выступление Эрика Ричардссона, главы корпорации «Systems One». Итоги года и стратегические планы развития. 16:30 — Выступление Кристофа Кристенссена, главы представительства «Systems One», Россия. 17:00 — выступление Алексея Андреева, замглавы представительства «Systems One», Германия. 17:40 — выступление Элен Паркинссон, главы...» Так, стоп. *Андре-*

ева? *Алексея* Андреева? Передо мной тут же возникли очень светлые глаза, и знающий взгляд, с которым этот жулик рассматривал выпавший из моей папки билет на самолёт в Данию.

Покачав головой, я прогнала видение с прозрачными глазами и принялась читать дальше. «Второй день саммита. Круглый стол представительств и партнерских компаний». Невнимательно пробегая название сессий, я наткнулась на фразу: «16:40 — Общий круглый стол России и Германии». А потом меня чуть удар не хватил: из программы следовало, что замдиректора по партнерам российского дистрибутора «Ибрис» — Елена Ларионова (ага, это я) выступает (!) с презентацией (??) по программе освоения (!!!) маркетинговых фондов (фак). А ведет этот «круглый стол» — угадайте, кто? Правильно: Алексей Андреев. Я дважды моргнула. Потом закашлялась.

Макс посмотрел на меня:

— Лен, ну что опять?

— Что-то в горле першит, — слабым голосом отозвалась я.

«Ага, у меня в голове запершило.»

— Водички выпей, — стараясь быть вежливым, посоветовал Макс.

— Да, Макс.

«Да, мой хороший. Сейчас я выпью водички... Только сначала я кое-кому наберу. И такое устрою!»

Шагнула в коридор, плотно притворив за собой дверь кабинета. В сумке, оставленной в прихожей, нашла свой телефон и отправилась на балкон. Таня Сиротина взяла трубку только на пятом гудке.

— Да-а? — пропела она.

— Тань, — прошипела я, — какая ещё презентация? Мы так не договаривались.

— Какая еще презентация? — сходу не поняла Таня.

— Глаза разуй и папку открой.

— Какую ещё папку? — Таня явно была где-то далеко.

«Наверное, в Германии...»

— Папку с материалами вашего «суммита» открой. Что я вообще делаю в программе конференции?

— Подожди, Ленок. — Шелест бумаги, любимый Танин напев «maybe, maybe...», и — тишина.

— Твою мать, — задумчиво заключила Таня.

— Как исправлять будем? — поинтересовалась я.

— А никак, — мрачно отрезала Таня. — Кристоф

программу уже утвердил. И твоя фотка в буклете есть. Ничего, кстати, выглядишь, — неохотно похвалила меня Таня. — Ты где фотографировалась?

«*Где*? Таня, не заставляй меня рифмовать!»

— Таня, опомнись. Откуда это всё вообще взялось? — Мне рвать и метать хотелось.

— От верблюда, — вздохнула Сиротина. — Я так полагаю, что, пока я была в отпуске, мои обалдевшие от Сыча упыри срочно верстали программу, и, очевидно, взяли шаблон из программы прошлого года. И вместо этой твоей начальницы Измайловой — вечной любительницы выступать на подобных мероприятиях, но подвернувшей ногу — всунули в программу тебя. А поскольку Измайлова уже тогда бюллетенила, мои упыри решили, что ты за неё выступишь. Вот. Как бы всё.

— Твои подчинённые меня могли спросить? — вскипела я.

— Могли, — справедливо согласилась Таня. — Но не спросили.

— Тогда они — уж прости меня за рифму! — не упыри, а дебилы.

— Конечно, дебилы, — с легкостью сдала «своих» «великодушная» Таня. — Но поскольку

отвертеться без ущерба для меня у тебя не получится, то готовь презентацию.

— По освоению фондов? — желчно осведомилась я, прикуривая «ментолку».

— Угу. Но ты не расстраивайся. — У Тани, наконец, проснулась спящая совесть. — Круглый стол будет вести Лёша Андреев. Наш человек. Я его *тыщу* лет знаю, — похвасталась Таня. — И я тоже тебе помогу.

— Это как? Вместе со мной выступишь?

— Не ёрничай, — Таня строго одёрнула меня. — Вообще-то я имела в виду, что я могу попросить Лёшу, чтоб он тебя морально поддержал и к слайдам не докапывался.

Если что-то могло окончательно меня добить — то это понимание, как именно этот «Лёша» будет морально меня поддерживать после фразы «Гитлер капут».

— Тань, — слабым голосом отозвалась я. — Сделай мне только одно одолжение: забудь про своё желание звонить твоему драгоценному Лёше.

— Но...

— Или я тоже никуда не поеду. Вот возьму — и *возьму* больничный.

— Не получится. Я тебя сдам, — пригрозила Сиротина.

— Да? Ну, а я тогда скажу, что у меня диск из спины вылетел. И справку из Газпромовской поликлиники принесу. Ага?

— Только попробуй!.. Ой, у меня вторая линия. Всё, Ленок, потом-потом. — Таня ловко бросила трубку. Я вздохнула и медленно положила на подоконник iPhone — новогодний подарок Макса.

— Лен, пойдем ужинать? — постучал в дверь балкона Максим. — А потом, если хочешь, мы погулять сходим. Возьму тебя за руку, отведу в парк, куплю тебе мороженое...

Мороженое я любила.

— Нет, Макс, не получится, — я грустно затушила сигарету. — Мне, видишь ли, тоже «повезло»: придётся презентацию делать.

— Жаль, — вздохнул Максим.

— А мне-то как жаль...

В час ночи адский труд всей моей жизни был почти готов. Оставалось только проверить цифры и отправить слайды на корпоративный адрес Сиротиной. На это ушёл ещё один час. Вздохнув и стягивая на ходу «Покемона», я отправилась в душ. Вообще-то очень хотелось налить ванну, взбить пену, забраться в тёмную глубину и тихо там забыться, отрешившись от всех приключений этого дня. Но сил на метания с ванной не

было, и я просто скользнула к Максу в тёплую, нагретую им постель. Максим сонно посапывал. По потолку стайкой метнулись смешные серые тени, а я отчего-то вспомнила смеющиеся прозрачные глаза. «Это не моё шоу», — ещё раз повторила себе я. Не помогло. Вздохнув, я потянула на себя Макса.

— Ты что, Лен? — спросонья не понял он.

— Я тебя хочу.

— А-а. Ну, тогда иди ко мне. — Он поцеловал меня в плечо, привычно подмял под себя. Последнее, о чём я подумала перед тем, как закрыть глаза: “Я не хочу другого…”».

IV.

20 семь. Число женщин, с которыми я переспал за последние полгода — двадцать семь. Московская Юля двадцать пятая. Параллельно есть Света из Питера и Хелен из Германии. Особняком стоит Магда. А та, что я видел пару часов назад, возможно, моя двадцать восьмая. В ней что-то есть. Интересно, что? Смеющиеся карие глаза? Тёмные волосы, к которым я всегда был неравнодушен? Пикантная дерзость, приправленная смущением, что по-своему меня заводило? Или порода, которая чувствовалась в ней и которой не

обладал сам я?.. Лена. Её зовут Елена Ларионова. Я это имя запомню. Потому что она и я послезавтра встретимся в Дании. Ну, а дальше, как говорится, c'est la vie, и это — уже *моё* шоу…

Я сижу в глубоком кресле, в огромном гостиничном номере, снятом для меня в «SAS Radisson». Закинув ноги на стол, одним глазом наблюдаю за клипом группы «OneRepublic». Другим обозреваю голую Юлю. Юлька, призывно раздвинув ноги, спит на моей постели. Сегодня у Юли последняя ночь со мной. А потом, как в том анекдоте: «Я тебя трахаю, милая, а утром ты исчезаешь». И не потому, что ты порядком мне надоела. И не потому, что ты вбила себе в голову, что я у тебя почти в кармане и представляю собой твой заветный билет из Бирюлёва в Германию. А потому что я перехожу к последней фазе операции под названием: «Алексей Андреев делает свой гешефт». К слову, последние десять лет я работаю в немецком офисе «Systems One». Эта, изначально датская, а теперь мультинациональная контора имеет порядка сорока представительств в Америке, Европе и на так называемых рынках challenge, к которым принадлежит и Россия. Российский офис возглавляет шестидесятитрехлетний датчанин Кристоф Кристенссен. В 2000-х московское

представительство переродилось в «ООО», виртуально привозящее и складирующее на своей онлайн-территории системы управления предприятиями. С того времени прямыми продажами занимаются реселлеры, а продвижением — дистрибуторы. В России у «Systems One» их всего три, и все они находятся в относительно равных условиях. Дистрибутор первый — «Ирбис». Этой фирме дают в год на полмиллиона больше. После чего семьдесят процентов этой прекрасной суммы возвращается лично в карман к Кристенссену. Дистрибутор второй — «Корса». Так, не рыба, ни мясо, но «Корса» нужна, чтобы сохранять баланс сил в природе. И, наконец, самый сладкий кусок — «ОilИнформ». «ОilИнформ» работает по нефтегазу и принадлежит одному серьезному челу по фамилии Поручиков. Основной доход Григорию Поручикову приносит банк, занимающий десятое место в рейтинге стабильнейших российских финансовых институтов. В 2008-м, когда в России случился очередной кризис, Поручиков сделал только одну ошибку: пустил часть акций «ОilИнформ» в свободную распродажу. Угадайте, и у кого теперь эти акции? Барабанная дробь: правильно, у старика Кристенссена. Акции, правда, куплены на другое лицо...

Итак, обеспечив себе кормушку для неголодной старости, полгода назад Кристоф решил валить из кресла главы представительства. Тогда-то он и сделал мне предложение практически руки и сердца. Цена нашей сделки: Кристоф на совете директоров «Systems One» рекомендует меня на своё место, а я взамен помогаю ему быстро аннулировать «Ирбис», чтобы никто не смог схватить Кристофа за задницу, за его прежние шахер-махеры. Оптимальный способ выбрасывания «Ирбис» на улицу — выявление фальшивой отчётности по спиз... энтшульдигэн зи и пардон, по украденным деньгам. В таких случаях — рассказываю, потому что сам знаю, как это происходит — итак, в этом случае некто независимый указывает «безопасникам» «Systems One» на двойную отчётность. После серии внутренних разборок и громких угроз подать в суд на ворюг из «Ирбис», датчане в головном офисе придут к общему и разумному знаменателю: проще расстаться с гринами, чем публично признаться, что они полные лохи в бухгалтерии. В итоге, на улицу с «волчьим билетом» вылетят двое менеджеров — тот, кто готовил «фальшак» в «Ирбис», и тот, кто принимал его в московском представительстве. Ну, а «Ирбис» через полгода откроется уже под другим именем

и с другим генеральным директором. Всё. Гениально и просто.

И во всей этой истории на меня ложится парадная роль выявляющего. После чего Кристоф, как уже говорилось, валит в свой фатерлянд, а я пересаживаюсь в кресло главы московского представительства. Проработав в России два, максимум три года, я навсегда перебираюсь в головной датский офис, где и получаю свои датские бонусы, и, может, даже женюсь на Магде. И хотя Магда ничем не лучше Хелен, Юли, Светы, и всех других моих прочих, я готов на это пойти. И не потому, что подумали обо мне вы. А потому что я очень давно понял: я хочу будущее. И не такое, когда вся твоя квартира — это тридцать три квадратных метра, заставленные пустыми бутылками, а в нагрузку к ним — пьющая мать и дерущийся с ней отчим. И не такое, когда ты вынужден выживать в хрестоматийном Бирюлёве, откладывая в год по копейке на приличный мобильник, шмотки и дребезжащую «ладу». А такое, где нормальная, обеспеченная жизнь: яхты, лейблы, машины. Солидный банковский счёт. Хорошая кредитная история. Ежемесячные поездки в Лозанну, куда ты срываешься, не задумываясь, сколько денег на твоём счету. И за это я

не то, что Юлю, Свету и Хелен продам — я заложу свою душу.

«Ну что, встать и взять Юльку напоследок? Больше ведь не увидимся.»

Расстегнул пуговицы рубашки, начал вставать. И тут эта стерва всхрапнула. Представляете? Она всхрапнула! Желание тут же исчезло. Хмыкнув, снова сел в кресло. Перевёл взгляд на бокал, забытый Юлькой на подоконнике. Виски в стакане напоминал жжёный янтарь, что и вернуло меня мысленно к глазам точно такого же цвета… Лена. Елена Ларионова... Что-то есть в этой девочке. Вообще, её можно описать целой кучей слов, но мне проще закрыть глаза и представить её прозрачное лицо, сексуальную линию тела и откровенные глаза… Интересно, она какая? И — какого чёрта она вмешалась в это дело с крысятничеством?

О том, что Ларионова может иметь в этом деле свой интерес, мне походя рассказала Сиротина. Сдала так, мельком. Но сначала я проводил глазами уплывающую от меня Ларионову, зависая в коридоре с ВладимВадимычем. Слушал сплетни, прочий бред, понемногу поддакивал, и, вонзая ногти в ладонь, смотрел вслед уходящей от меня Ларионовой. Смотрел, смотрел, смот-

рел... Она меня сделала. Я ей понравился, но это абсолютно не помешало ей лихо отбрить меня и непринуждённо-стремительно свернуть всю нашу намечающуюся интимность к шапочному знакомству.

— Лёха, ты выглядишь, точно идёшь к зубному, — отметил выражение моего лица Спицын (кстати, довольно остроумно).

— Да ладно, — я рассмеялся. Подождал пять минут, потом сослался на занятость и отправился прямиком к Тане. Приоткрыл дверь: Сиротина фривольно раскинулась в кресле и фальшиво мурлыкая «maybe, maybe...» точила пилкой ногти. «Ты бы здесь ещё педикюр себе сделала», — невольно подумал я.

— Здравствуй, Таня, как поживаешь? — Я прошёл и сел на стул, стоявший напротив. Таня вскинула на меня свои голубые очи.

— Ой, Лёшенька, здравствуй! — пропела Сиротина. Заметив мой красноречивый взгляд, брошенный в сторону пилки, рывком выдвинула ящик стола. Запулила туда пилку, после чего уселась в кресле поглубже, поставила ноги поровней и с готовностью («я вся ваша») воззрилась на меня. — Лёшенька, как поживаешь? Ты так долго меня не навещал. — («Я тебя вообще никогда не

навещал — ты сама приходила, чтобы под любым предлогом утащить меня в свой кабинет или в лажовую лаунж-зону.») — Может быть, хочешь чаю? А хочешь, в лаунж сходим и там кофе попьём? — Таня сладко прищурилась.

— Нет, Тань, спасибо, но в этот раз я к тебе ненадолго и исключительно по делам. — Таня всем телом изобразила обиду. — Расскажи мне, что ты знаешь про некую Ларионову?

— Э-э.... это которая из «Ирбис»?

— А что, у тебя ещё какая-то есть? — Я изогнул брови и взял в руки скрепку, бесхозно валявшуюся на Танином столе.

— Нет, другой нет, — раздражённо квакнула Таня.

— Вот и расскажи мне всё про эту твою, единственную.

— В смысле? — насторожилась Сиротина.

— В смысле, кто она. Какая она. Где живет. Чем занимается?

— А можно поинтересоваться, тебе это зачем? — нахохлилась Таня. — Вообще-то, мы с Ленкой дружим.

«Да кто бы сомневался, что ты именно так и скажешь.»

— Можно.... Поинтересоваться, конечно, мож-

но, Тань, но ты уж не обижайся, если я тебе пока не отвечу на твой вопрос. Ну, так что, есть у тебя информация для меня, твоего старого, доброго друга, или мне к Спицыну обратиться?

— Зачем к Сычу… э-э, то есть, зачем к Владимиру Вадимычу? — покраснев, очень быстро исправилась Таня.

— Подожди, как ты Спицына назвала? — расхохотался я. — Сыч? Тань, пять баллов.

— Это не я придумала, — моментально открестилась от выдумки Сиротина.

— А кто?

— Ну, предположим, Ленка…

«А я не ошибся в ней: восхитительная девочка. Интересно, а меня она как окрестила? Впрочем, какая разница, если мы это скоро узнаем. А если что — и подправим…»

Я усмехнулся. Отловив косой взгляд Тани, быстро исправил лицо:

— Ну, так что с Ларионовой?

— Ну, есть кое-какая информация... — неохотно начала Таня. Я сделал бровями знак, мол, не томи. — Ну, Ленке уже двадцать шесть, — подчеркнула Таня туповатое наречие «уже». — Ленка... она никогда не была замужем. Но у неё есть постоянный, симпатичный такой. Он архитектор.

Довольно взрослый дядька. Работает на богатых людей. На очень богатых людей, — со значением добавила Таня.

— Ну, дальше, — не поверив в рассказ про архитектора, поощрил Сиротину я. — Не останавливайся на достигнутом.

— Да что рассказывать-то? — снова ощерилась Таня. — Я же не архитектор и с ней не живу. Дай хоть направление, в каком копать?

— Школа. Институт. Увлечения. Как она в профессиональном плане. Знание языков. Ларионова датский или немецкий знает?

— Не знает, — помедлив, сказала Таня, — Ленка только английский и знает.

— И как знает, прилично? — Я разогнул скрепку.

— Прилично, — пришлось смириться Тане. — У Ленки экономика и бухгалтерия в нефтегазовом на английском шли. GAAP там, IAS, аналитика. — Таня поморщилась.

— А как Ларионова по работе? — Я свернул из Таниной скрепки фигушку.

— Да нормально, вроде бы. Я лично не жалуюсь.

— Не жалуешься? То есть Ларионова по работе что-то делает лично для тебя? — Из фигушки я

слепил розочку. — И что же именно, позволь спросить?

— Ну, на Ларионовой лежит вся отчётность.

— И — какая отчётность, если не секрет?

— Не секрет. Твою Ларионову взяли в «Ирбис» мне в помощь. Именно поэтому она в двадцать четыре стала замдиректора по партнёрам. — Таня небрежно фыркнула.

— Ясно, — кивнул я. Вскинул глаза на Таню, которой было тридцать, и которая тоже никогда не была замужем. — Тань, а скажи-ка мне, по баблу, откинутому на продвижение, Ларионова тоже отчёты пишет? — Я распрямил скрепку и упёрся взглядом в Танину переносицу. Сиротина немедленно подобралась на стуле:

— А ты с чего это взял?

— А я не брал, Таня. Это ты мне намекнула. А я только выводы сделал.

Таня испуганно раззявила рот.

— Держи, Сиротина, — я вручил Тане скрепку. — Ну, так что там ещё с Ларионовой?

— Да не знаю я её хорошо, — заюлила Таня. И тут в её глазах промелькнул боевой огонёк: — А хочешь, я запрошу для тебя информацию у безопасников? Скажу, у руководства к Ларионовой претензии есть.

«Ого! Удар ниже пояса. А как же женская дружба, Таня?»

— Не, Тань, не хочу, — засмеялся я. — Мне с тобой интересней. Кстати, а вы в кафе с Ларионовой ходите? Ну, хоть иногда?

— Ну да. Мы иногда обедаем. А что?

— И — что заказываете?

— Ну, я беру суши, компот... то есть фреш, — поправилась Таня, потому что слово «фреш» звучало лучше, чем «компот».

— Да не ты — Ларионова. — Я с интересом наблюдал за Таниными потугами.

— А-а... Ну, она только салатик берёт. Или кофе с мороженым. Она вообще следит за фигурой. И к тому же у неё Макс хорошо готовит, так что Ларионова у нас всегда и сытая, и довольная. — В прилагательное «довольная» прокрался намёк на похотливые обстоятельства.

«Значит, у Ларионовой действительно архитектор есть? Лиха беда начала. А я-то собирался её в Дании к интиму склонять. Впрочем, ничего не потеряно, если заранее определить вкусы и слабости женщины.»

— Вино заказываете? — задал следующий вопрос я, беря новую скрепку.

— Я — нет! — гордо бросила Таня.

«Да ладно! А мне твой “Сыч” пять минут назад очень ехидно поведал, как ты на очередном корпоративе в одно рыло выкушала литр “Mouton Cadet” и даже не закусила.»

— А Ларионова? — не дрогнул я.

— И Ларионова нет. Ленка у нас пить *ваще* не умеет.

— В каком смысле «пить не умеет»? — Я поднял глаза на Таню. — Твоя Ларионова что, потом песни поет? «Maybe, maybe…»? Это ваш с ней любимый репертуар от «Suede» в столичных караоке?

— Нет, — Таня обиженно шмыгнула носом, откладывая мою скрепку. — Она вообще не поёт. Она просто быстро хмелеет. Она от спиртного становится такая, такая… дерзкая, одним словом. — Таня игриво закатила глаза и бодро прищёлкнула пальцами. А я отчего-то подумал, что эту привычку Сиротина слямзила у Ларионовой. Только у той девочки это получалось изящно, а у Тани — топорно.

— Понятно. Ну, и последний вопрос, — перешел я к финальной фазе допроса. — Вообще, какая она, Ларионова, на твой взгляд?

— В смысле?

— Ну, жадная, добрая? Честная, искренняя?

А может быть, недалёкая? — предложил я свои варианты. В глазах у Сиротиной мелькнула житейская хитрость. Сиротиной явно хотелось соврать, но она была опытной бабой и отлично понимала, что я и сам могу докопаться до правды.

— Ну, она такая... короче, Ленка не от мира сего. —Таня всё-таки нашла, чем уесть «подругу».

— То есть Ларионова в ближайшее время собирается в монастырь? — насмешливо предположил я.

— Да нет, — Сиротина досадливо поморщилась. — Она... короче, ей вообще ничего не надо. Ни от кого. Она, видишь ли, дочь богатых родителей. Отец трудится — или трудился в Газпроме. А мать — та пела в Большом театре. Элина Витальевна Ларионова. Мать Ленке денег на квартиру давала, но Ленка не взяла их. Сама хату купила.

— Ух ты. И — что за квартира?

— А, так, двушка — бэ-ушка на Ленинском. С видом на парк... Хотя я бы на эти деньги взяла дом в Испании, потому что там...

«Двушка на Ленинском? А не дурно для девочки.»

— Тань, — перебил я некстати размечтавшуюся Сиротину. — Скажи мне, а что, в «Ирбис» всем так

хорошо платят?

— Да нет, какие там у них заработки. — Сообразительная Таня очень быстро исправилась. — Но Ленка умеет копить. А вот тратить бабло не умеет.

«А ты умеешь, Таня. Вот поэтому ты и сидишь передо мной в дорогих “лабутенах”, а на подоконнике у тебя стоит сумочка от “Mulberry” стоимостью в восемьсот фунтов стерлингов. Так кто же из вас с Ларионовой по-настоящему крысит бабло? И хотя я точно солью тебя — не зли меня, Таня, не говори, что тебе не знаком принцип “грабь награбленное”. Потому что я и сам такой.»

Я невольно покосился на свои наручные Swiss Luxury Watch «Vacheron Constantin» стоимостью в кучу Таниных сумочек и кивнул:

— Ясно, Тань. Филен данк тебе за информацию.

— Лёш, а ты для чего про Ларионову-то спросил? — Взгляд Тани с проворством старухи-процентщицы мазанул меня по лицу.

— А ты сама догадайся, — усмехнулся я.

— Ты что же, хочешь с ней…? — Таня широко распахнула глаза и уставилась на меня.

— Я с ней не хочу, — хмыкнул я. — Как ты давно знаешь, у меня есть невеста, и я очень её люблю.

— А, ну да, — коряво вздохнула Таня.

Кстати, говоря про невесту, я не кривил душой: дочь главы московского представительства, Магда Кристенссен, действительно собиралась за меня замуж. И хотя Магда общалась с Сиротиной (о чём хорошо знал я), Магда всегда умела правильно вести себя с подчиненными отца, в отличие от Тани, большой любительницы амикошонства по отношению к начальству.

— Лёш, так всё-таки, зачем тебе Ленка понадобилась? — отвлёк меня голос Тани.

— Тань, а ты представь, что мы с Сычом решили взять её на твоё место.

Это было лихо закручено, но в цель не попало.

— То есть Ленка вам обоим нравится? Как делить-то её будете? — ехидно нашлась Таня. Впрочем, Танины щеки побелели, а пальцы, как пауки, вцепились в мою скрепку.

— Тань, — вздохнул я. — Как я тебе уже сказал, я очень люблю Магду. Но твоя Ларионова очень нравится Сычу. А мне Сыч очень нравится. — Я встал и пошёл к выходу. На пороге оглянулся. — Тань, последняя просьба к тебе: памятуя о том, что теперь вы с Ларионовой не подруги, а конкурентки, не говори своей Лене о нашем с тобой разговоре. Не делай ошибок, ладно?

— А то что? — прищурилась Сиротина.

— А то плохая примера. Ты же знаешь, кто после Кристофа сядет в его кресло? Вы же с Магдой общаетесь не первый год. Как ты говоришь, *дружите*.

Повисла пауза.

— Вообще-то это шантаж, Лёш, — произнесла Таня.

— Вообще-то, это переговоры. Carpe Diem, Сиротина. Лови момент, ты же девочка умная?

— Хорошо, Лё... Алексей Михайлович. Я.... я сделаю, как вы хотите.

И я понял: я выиграл. Потому что это было в первый раз, когда Сиротина, обожавшая интимно «тыкать» мне, обратилась ко мне по имени-отчеству. «Шах и мат, Таня.» Насвистывая «maybe, maybe...», я вышел из кабинета.

«Сиротину я в любом случае заменю, — думал я. — А что касается Ларионовой, то это мы ещё подумаем... это мы ещё поглядим. В конце концов, мальчику из Бирюлёва очень хочется узнать, какими бывают девочки из Газпрома».

От Тани я направился прямиком к Кристенссену. Набросав с будущим тестем схему убиения «Ирбис», сел в служебный автомобиль, направил шофера в сторону «SAS». Подумал и набрал

Магде.

— Как ты, милая? — «Как ты там, дорогая и нелюбимая?»

— Все хорошо. — Магда немного помолчала. — Скажи, Алексей, а что ты сегодня вечером делаешь? — осторожно начала она.

— Что, ты уже поговорила с этой стервой, а та настучала тебе про наш разговор о Ларионовой? — Ага, я всегда быстро пикировал. Правда, пройдя цензуру в моей голове, эта фраза по-датски приняла следующий вид: «Милая, тебе что, звонила Таня Сиротина?» Услышав вопрос, заданный ей прямо в лоб, Магда смутилась, а я разом решил поставить все точки над «і»:

— Магда, скажи, ты мне вообще доверяешь?

— Конечно, — неискренне ответила Магда.

— Хорошо, Магда. Это хорошо. А отцу своему ты доверяешь?

— А к чему последний вопрос, Алексей? — холодно спросила Магда. И я прямо увидел, как она морщит лоб и смотрит на свой мобильный с отвращением человека, заставшего в любимом

смёрребрёд[4] нечто мерзко-склизкое.

— А к тому, — повысил я голос. — Позвони своему отцу и спроси у него, зачем ему нужна фирма «Ирбис». И если Кристоф ответит тебе на этот вопрос, то и я расскажу тебе, зачем я расспрашивал Сиротину... Магда, не придумывай историй там, где их нет, — рявкнул я повелительно. «И любовь тоже не ищи там, где её нет», — добавил я уже мысленно. Магда тут же сдулась. Впрочем, она всегда сдавалась от моего напора, взгляда, тона и диких укоротов, которые я периодически устраивал ей то ли от пустоты жизни в Германии, то ли поддерживая миф о загадочной русской душе (правда, в моем случае — еврейской). Закончив с Магдой, я чертыхнулся и позвонил Юльке.

— Привет, кукла. Как съемки, закончились? Подъедешь ко мне?

— Лёш, ты? Ну, естественно!

И вот моё «ну, естественно» пришло. С порога содрало с меня джинсы. Быстро залезло на меня, лихо меня обслужило, а потом уснуло. А я смотрел на неё, и думал, до чего ж мне тошно.

---

[4] Примечания: 4

От датск. smørrebrød. Так называется одно из самых популярных в Дании блюд, дословно «хлеб и масло». Обычно это кусок ржаного хлеба, намазанного маслом, с кусочками мяса (или рыбы), сыра, овощей и паштета.

Меня с души воротило и от этого дня, от Сыча и от Сиротиной. От Магды, которая всегда бесила меня и никогда не удовлетворяла. Мне было мерзко от самого себя. От того чувства внутренней несвободы, заставляющей меня трахать всё живое. От того, что я — такой, каким я был и какой я есть — уже никогда не стану нормальным человеком, у которого нормальные ценности: честность, порядочность. Друзья, задушевные беседы. Возможность хоть с кем-то поделиться своими проблемами и планами, даже если этим планам не суждено сбыться. Женщина, которая тебя любит. Семья. Ребёнок, который вырастет и возьмет самое лучшее от своих родителей. И, наконец, желание и возможность жить в стране, в который ты родился, которую ты любишь — и которой ты именно по этой причине не можешь простить ни своего родного отца, которого ты никогда не видел, ни матери, нашедшую радость в бутылке. Ни нищего, полуголодного, одинокого детства в задрипанном Бирюлёве.

Мне всегда было сложно осознавать, что с каждым прожитым годом из моей души уходило что-то необыкновенное, нечто очень важное. Это была вера в чудо. Сначала я верил, что мать придёт в себя, а отчим меня примет. Потом я ве-

рил в то, что я, лучший ученик в школе, никогда не получу по морде за отказ дать списать контрольную по немецкому языку. Ещё я верил, что девочка, которая очень нравилась мне, пойдет со мной, несмотря на то, что я тощ, голоден, плохо одет и совсем в себе не уверен. Последнее, во что я верил — это в то, что я обязательно попаду в иняз, потому что у меня «пятёрки» по профилирующим предметам, а не «волосатая рука» в их приёмной комиссии. Но мечты не сбылись — и я всеми правдами и неправдами выбил себе визу в Германию. В страну, где родилась моя еврейка-мать — дочь заслуженного военного, сгоревшего от инфаркта, когда мне было семнадцать лет. Единственного человека, которому я был хоть как-то небезразличен.

Всю свою последующую жизнь я боялся не получить, не заслужить, не добрать. Давным-давно дед учил меня, что на земле рождается три типа мужчин: те, у которых «всё уже позади»; те, у которых это «всё» всегда впереди — и те, у кого получается стать хозяином своей настоящей жизни, каждого её дня. И если первые и вторые уйдут в никуда, то третьи остаются в истории. Я не хотел оставаться в истории — я просто хотел быть счастливым. Деньги решали большую

часть проблем. Воля — всё остальное. На фантазии оставалось незначительное время по ночам или в командировках, когда ты в баре, в пабе, по дороге в отель находишь себе кого-нибудь. Но почему-то именно сегодня ко мне в первый раз пришёл абсолютно новый, неизведанный мной ранее страх никогда не узнать, что это значит — быть с женщиной, которая понравилась тебе. Понравилась по-настоящему. Понравилась до такой степени, что ты чуть-чуть не попёр из-за неё на старика Кристенссена…

Кстати, по поводу женщин и чудес. Бесконечно долго можно смотреть на то, как горит огонь, течёт воды, как другой человек работает, но не на голую девушку, лежащую в твоей постели. Тем более, если у неё темные волосы и глаза карего цвета. Всё остальное, как всегда, довершала фантазия. Я встал, расстегнул джинсы, стянул майку, прилёг рядом с Юлей.

— Детка, просыпайся. — Я укусил её за плечо. — Ну, давай, открывай глазки.

— А, что, съёмки начались? — сонно дёрнулась Юлька, которая снималась то ли для «МТС», то ли для «Мегафона». Впрочем, точно не знаю.

— Порадуй меня напоследок.

— А потом что? — испугалась она.

“А потом ты исчезнешь...”».

Глава 2 . Carpe Diem

IV .

«Ты так красива. Невыносимо
Рядом с тобою быть нелюбимым.
Останови же это насилие,
Прямо скажи мне — и тему закрыли.»
(«Quest Pistols»)

«В понедельник, в полшестого утра обретаю себя, подпирающим колонну у “Шереметьево”. По крыше, как моё несчастье, барабанит серый московский дождь. В пальцах — сигарета. К уху прижат телефон. В трубке — злой голос. Магда.

— Алексей, папа не пускает меня в Копенгаген. Говорит, что ты в курсе. Это так?

Для справки: лет семь назад семейство Кристенссена переехало в элитный пригород Копенгагена. Этот новый скандинавский посад называется затейливым словом Брондбю. Мать Магды считала его эталоном для создания «прочных семейных гнездышек». На мой же скромный взгляд, Брондбю больше смахивает на тщательно культивируемую площадку для внеплановых

посадок НЛО (ага, сами посмотрите на него через «Google Map» взглядом «из космоса»). А судя по тому, что происходит здесь и сейчас, строилось это проклятое место не столько для НЛО, сколько чтобы загнать туда бедного еврейского парня и сделать его пожизненным рабом дочери беспринципного викинга.

Оценив собственное остроумие, я фыркнул.

— Алексей, ты что, смеёшься надо мной? — моментально взвилась Магда.

— Тебе показалось, — так же быстро соврал я. — Мне просто дым попал в лёгкие. Магда, а что конкретно сказал твой отец про этот датский саммит?

— Ну, папа сказал, что у вас какая-то важная партнерская конференция, и что я там буду вам мешать. — Магда обиженно фыркает, а я мысленно показываю большой палец старику Кристенссену. — Алексей, что происходит? Ты что, будешь там не один?

— Да, — стряхиваю пепел, — конечно. Я там буду не один, а…

— Что-о?

— … а в окружении трёхсот человек, которые будут порядком удивлены, увидев на закрытой тусовке дочь главы представительства россий-

ского отделения «Systems One». То есть тебя, — преспокойно закончил я.

— Я могла бы просто пожить в твоём номере, — холодно жалуется Магда.

«Ага. Вот *прям щас*, как говорит Сиротина. У меня, милая, собственные планы на свой business-suite. И тебя в этих планах нету.»

— Магда, опомнись. Ты что, полковая маркитантка? Куда обоз — туда и воз?

— Я не понимаю эти твои русские идиоматические обороты! — Магда уже шипит.

Пришлось потратить пятнадцать секунд на то, чтобы объяснить этой интеллектуальной стерве, как поглядят на неё мои будущие русские подчинённые. Как они пошепчутся за её спиной. И как будут показывать на неё пальцем, когда встретят её уже в моём офисе. Сделал паузу, ожидая, чем закончится в голове Магды мучительный бой между силами добра (воспринять мою логику, и сделать, мать твою, как я сказал) и силами зла (удержать меня под контролем). В итоге добро со скрипом, но побеждает.

— Ну хорошо, — неохотно соглашается Магда. — Ну ладно, ты прав. Это не совсем удобно.

— Умница, — хвалю я Магду. — Вот за это я тебя и люблю.

И тут я слышу:

— Но я приеду встретить тебя в «Каструп».

«Каструп» — это датский аэропорт. Расположен примерно в десяти километрах от проклятого Брондбю.

— Магда, — осторожно начинаю я, — а зачем тебе ехать в такую даль?

— Потому что я по тебе соскучилась.

«Пять баллов. Ну и чем мне крыть? Боюсь, что в этот раз н*е*чем.» И хотя мне откровенно в падлу видеть Магду, скажи я ей «нет» — и всё, обид не оберёшься. И её подозрений. Главное, её подозрений. В них-то всё дело...

О том, что над моим проектом заезда в кресло главы представительства нависла туча-угроза, я понял из пятничного визита к отцу Магды. Это было вечером, когда я уже пообщался с Сиротиной. Я постучал в стеклянно-белую дверь:

— Кристоф, добрый день. Не заняты?

— Здравствуй, Алексей. Я тебя ждал.

Холодный свет из окна. Холодный кабинет. Холодное и морщинистое лицо на черепашьей голове. А ещё руки Кристофа. Они никогда не двигались: как мёртвые, всегда лежали на столе. Холодные, ледяные, белые, с узловатыми синими венами — очень цепкие руки, которые всех и

всегда держали только за горло.

— Садись, Алексей. — И он всегда очень правильно произносил моё имя.

— Кристоф, что-то случилось? — Я сел, небрежно закинул ногу на ногу.

Жабьи веки Кристенссена дрогнули. Он посмотрел на кисти своих рук, потом перевёл взгляд на меня.

— Алексей, — тихо, своим шелестящим голосом, начал он, — есть разговор перед тем, как мы поговорим про «Ирбис». Этот разговор очень простой, и, я надеюсь, короткий. Потому что мы с тобой очень давно знакомы. Нас много лет связывает общий бизнес и одно общее дело. А теперь рядом с тобой есть и моя дочь, Магда. Не могу сказать, что я очень рад этому, — пауза, — но я с этим смирился, потому что это выбор моей девочки. Однако, есть то, с чем я никогда не смирюсь. Я не позволю сделать мою дочь несчастной.

— Разве Магда несчастна? — с фальшивой искренностью возразил я. — Мне казалось, мы с Магдой прекрасно ладим.

Кристоф сидел неподвижно, не сводя с меня глаз.

— Вы ладите, потому что Магда любит тебя, а ты достаточно сообразителен, чтобы этим поль-

зоваться, — отрезал он. — И осторожен. И именно по этой причине ты должен поставить точку в некоторых твоих историях.

— Простите, в каких историях? — Я аккуратно снял с серой брючины несуществующую пылинку. Кристоф откинулся в кресле, снова взглянул на свои руки, точно хотел получить у них совет, что же со мной делать. Поднял на меня свой знаменитый взгляд, отдающий могильным холодом.

— Магда знает о твоих связях, — веско сказал он. — О том, что у тебя есть любовницы.

Я почувствовал себя так, точно с разбегу врезался в кирпичную стену.

— Так что сделай правильные выводы, Алексей, — разглядывая моё лицо, продолжил добивать меня Кристенссен. Речь его лилась плавно. Выдавал его только голос. Холодный, без модуляций, он всё равно подрагивал. — Видишь ли, Алексей, в это трудно поверить, но я и сам был молодым. Было и безумие. И увлеченность. Были и романы… А потом я встретил мать Магды. Анна была правильно воспитанной женщиной и умела закрывать глаза на некоторые мои истории. Потому что Анна понимала: я знаю разницу между этими историями. А ты, — и тут впервые за все время нашего разговора Кристоф подвигал пальцами, — и

ты, прежде чем войдёшь в мою семью, тоже должен усвоить разницу между этими историями.

— И в чём же разница? — Я уже начал приходить в себя.

— В том, что истории бывают или длинными, или короткими. Короткие истории очень быстро заканчиваются и не имеют продолжения. А у длинных историй — длинные следы. И имена. Например, Света, Оля, Юля… Мне стоит продолжать этот список?

«Кто меня сдал? Водитель? Портье? Кто? Его «безопасники»? Впрочем, какая разница. Играть — так играть.» Я выпрямился. Положил руки на стол, отзеркалив позу Кристенссена.

— Извините, Кристоф. Да, я усвою ваш урок, — задушевно сказал я, — и сегодня поставлю точку в своих длинных историях. А что касается коротких историй, то тут есть одна небольшая проблема.

— Какая? — поднял на меня взгляд Кристенссен. В глубине его глаз сверкнул очень недобрый огонёк.

— Мы с Магдой пока не женаты.

— Но ты с ней… спишь, — нахмурился он.

— Возможно, — я не стал спорить. — Но обсуждать с вами нашу с Магдой постель — это дурные

манеры.

Кристоф помолчал. Посмотрел на свои пальцы, которые начали оживать, двигаться, искать, чем зацепить меня. Я терпеливо ждал — я не люблю паузы, но, при необходимости, умею их держать. Сузив зрачки, я наблюдал за стариком, который пытался меня контролировать. Который почти подмял меня под себя. Старик поднял веки. В его глазах полыхала ненависть, но Кристоф кивнул мне. И я решил, что в этот раз я у него выиграл.

— Кристоф, это всё, что вы хотели мне сказать? — преувеличенно вежливо осведомился я.

— Почти, — Кристоф поймал мой взгляд. — Но запомни: с этого дня никаких длинных историй. И ещё. Если ты бросишь мою дочь — я уничтожу тебя... Может быть, даже буквально…

— Так мы встретимся в «Каструп»? — вернул меня на землю пронзительный голос Магды.

— Безусловно. Конечно, приезжай. Я буду очень рад. Очень.

Магда отключилась первой. Я нажал на «отбой», посмотрел на часы: пора было на регистрацию. Собрался подхватить свою сумку, когда отловил взглядом лихо подъехавший ко входу «Porshe Cayenne». Представив себе толчею, которая сейчас образуется в «вертушке» стеклянного входа,

вздохнул и притормозил. Пусть пройдут. Вытащил новую сигарету. Краем глаз отметил, как из машины выпрыгнул какой-то чел примерно моего возраста, но — с зонтиком. Чел открыл дверцу и выпустил из автомобиля девушку. Джинсы, куртка, ботинки. На голове — шапочка. Так, ничего особенного. Девчонка не зацепила меня. Я уже готовился чиркнуть зажигалкой, когда желтая свеча раструба фонаря облила лицо девушки светом, и я замер: в каплях дождя стояла она, Ларионова... Дурачась, она запрокинула голову и приоткрыла рот, ловя прозрачные капли. Серебристый дождь приземлился ей на губы, и Ларионова облизнула их. Язык был розовым, движение — мимолетным, но я замер. «Кошечка, — пронеслось в голове, — сладкая… кошечка…» Сердце исполнило сальто, и дикое, мучительное желание пронзило сразу, как мощный удар, исполненный мне прямо в пах. Как тогда, в коридоре «Systems One».

— Лен, возьми зонт, — помог мне очнуться её чел.

Опомнившись, я потянул ко рту сигарету. Но оказалось, что я сломал её, стиснув в кулаке. Чертыхнувшись, отбросил сломанную сигарету в сторону. Ларионова приняла поданный ей зонт,

а чел потащил из багажника аккуратный «Самсонит». Поставил чемоданчик на землю, вытянул длинную ручку и вручил её Ларионовой. А до меня донеслось повелительное:

— Лен, обожди меня здесь.

— Хорошо, Макс, как скажешь.

Так значит, это — её архитектор? И он любит командовать? А она? Или ей больше нравится подчиняться? Но в «Systems One» Ларионова отбивалась от меня просто с кошачьей яростью. Тогда в чём дело? Во мне? Я сузил зрачки, разглядывая того, кого она выбрала. Высокий. Как я. Широкоплечий. Как я. Но — более массивный. Старше меня лет на семь. Тяжёлый. Уже «поплывший»: ленивая сила и взгляд вечного баловня судьбы. Он мне не понравился. Мы были разными — по жизни, по натуре. По сути, по характеру. Но самое главное отличие между нами лежало в нашем отношении к женщинам. Я был охотником, а он позволял на себя охотиться. Мы только в одном совпадали — ему и мне очень нравилась маленькая Ларионова.

Между тем архитектор уселся за руль и направил свой «Porsche» в сторону парковки. А Ларионова достала из кармана миниатюрный чёрный кожаный дамский портсигар. Вытянула

тонкую сигарету и с наслаждением затянулась. Пока я размышлял, пройти ли мне мимо неё, чтобы поздороваться, чел-архитектор Макс успел вернуться, уцепить за ручку «Самсонит», приобнять Ларионову и, позволив ей толкнуть для него стеклянную «вертушку» дверей, потопал в зал ожидания. Выждав пару минут, я отправился следом. Держась на расстоянии, я наблюдал за ними. Я хотел понять, почему она его выбрала. Архитектор по-хозяйски сдал «Самсонит» на стойке регистрации, взял Ларионову за руку и повёл её в кафе на втором этаже. Сам выбрал столик, но услужливо отодвинул ей стул, подождал, пока она усядется первой. Заняв место у лестницы и, косясь на них в висевшее на стене зеркало, я смотрел как этот Макс заказывает ей кофе. Не выдержал я только, когда Ларионова принялась шутливо вытирать своему архитектору «молочные усы» от капучино. Я поднял сумку, чтобы уйти. Последнее, что я услышал, было:

— Макс, я буду очень по тебе скучать.

“Нет, кошечка, — с неожиданной злостью подумал я. — Поверь мне, ты — *не* будешь!”»

28.

«Я тебя ненавижу-вижу, но ко мне ты всё бли-

же-ближе.»

(«Агата Кристи»)

«В понедельник, в полвосьмого утра обнаруживаю себя сидящей в десятом ряду салона экономического класса «боинга» «SAS». Моё место рядом с проходом. Спасибо Сиротиной — заказывая для меня билет, Таня вспомнила о моей аэрофобии. Справа от меня, у иллюминатора, разместился не очень трезвый молодой человек с блуждающими глазами. Между мной и соседом — пустое кресло. Оборачиваюсь: позади также много пустующих мест. Ну да, а кому охота подниматься на рассвете, чтобы сесть в этот самолёт? Пока я размышляю о превратностях судьбы, заставивших меня лететь в Данию в семь утра, да еще и в кампании с алкоголиком, картинно улыбающаяся стюардесса закрывает шторками бизнес-класс. Значит, и там рассаживаются. Причём, судя по всему, размещаются с комфортом: из бизнес-класса долетает чей-то смешок и голос стюардессы, которая кокетливо переспрашивает: «Только содовую, или содовую с виски?».

И вот, наконец, заветное:

— Доброе утро, дамы и господа! Командир корабля Стив Ларссон и экипаж авиакомпании «SAS» рады приветствовать вас на борту нашего

самолета, выполняющего рейс….

— Нет. В полвосьмого утро это *мы* рады вас приветствовать. На борту *нашего* самолёта! — доносится чья-то остроумная реплика из бизнес-класса.

Мой сосед справа заходится визгливым смехом. На параллельном ряду тоже кто-то хихикает. Те, кто сидят сзади, переспрашивают или пересказывают шутку, и в итоге весь салон приходит в бодрое настроение. В это время командир корабля, не подозревающий, над чем все мы тут киснем, переводит приветствие на датский язык. А из бизнес-класса тот же острослов переводит свою шутку на датский, безупречно вклинивая её ровно в то же место фразы. Теперь к смеху присоединяется и миловидная стюардесса, вышедшая в коридорчик. Она показывает давно набившее всем оскомину шоу (где аварийный выход, как надевать маску), но в её глазах вместе обычной тоски — смех.

— А еще раз покажите на мне, как жилет расстёгивается, — снова доносится из бизнес-класса. Мой сосед взвизгивает, а мне становится интересно, как этот шутник выглядит. Голос странно знакомый, где-то я его уже слышала. В это время самолет разбегается и готовится оторваться от

земли. Я непроизвольно вскрикиваю и стискиваю зубы.

— Вам нехорошо? — моментально проявляет участие сосед. — Хотите хлебнуть для храбрости? — Он заговорщицки подмигивает и протягивает мне пластиковую фляжку, из которой разит запахом коньяка типа «изделие третьего сорта — не брак». К моему горлу моментально подступает рвотный ком.

«Где он взял это пойло? Ведь в “Duty Free” продавалось нормальное спиртное.» Я откидываюсь в кресле и, как кукла, мотаю головой.

— Что? — лыбится сосед.

— Спасибо, но не надо, — с трудом выдавливаю я.

— А если за знакомство? — продолжает домогаться до меня этот тип. — Кстати, а вы случайно не на конференцию «Systems One» летите?

Я стискиваю зубы и еще раз отрицательно качаю головой. Мне и так плохо от бомбящего мой мозг ощущения, что этот чертов «боинг» вот-вот сорвётся в пропасть. И бездна, которая погребёт меня, будет состоять из коньяка соседа и запаха его дезодоранта.

— Меня зовут Денис, — между тем продолжает клеиться сосед. — Если что, я директор депар-

тамента партнерских отношений компании «Корса». А вас как зовут?

— А её зовут «отстаньте», — громко отвечает голос из бизнес-класса. Но теперь в его тоне больше нет юмора. Там — повелительные нотки, проблески молнии и раскаты грома.

— Э-э… — замираем мы с соседом. Потом переглядываемся. В его глазах — шок. В моих — назревающий смех. Особенно веселит меня то, что этот Денис из «Корсы», растерянно похлопав глазами, наклоняется к переборке, и, стараясь приглушить собственный голос (чтобы не опозорится на весь салон в случае конфликта, соображаю я), начинает учтиво общаться со стеной:

— Простите, а вам не кажется, что это невежливо?

— Правда? — хмыкают из бизнес-класса. — Я сейчас прямо умру от горя.

Отворачиваюсь и смотрю в проход, прикрывая ладонью улыбающийся рот. Всё-таки наглость — это действительно счастье. Денис, отметив мою реакцию (закрытые глаза и трясущиеся в смехе плечи), с разобиженным видом начинает разглядывать розовые облака в иллюминаторе. «Боинг» набирает высоту, и я вдруг впервые получаю удовольствие и от полета, от того факта, что

за меня заступились. Мама всегда говорила, что мне нужна твёрдая рука. И мой Макс это знает.

Между тем в салоне начинается движение. Мои лёгкие поглощают аромат кофе и свежего чая. «Это стюардесса, — догадываюсь я, — сейчас будет разносить напитки». Первыми в очереди после бизнес-класса оказывается наш ряд.

— Что вы будете? — вежливо спрашивает девушка в форме.

— Мне коньяк. Какой у вас лучший? — тут же вклинивается сосед.

— Разрешите начать с дамы? — Стюардесса улыбается вежливой, но прохладной улыбкой.

Сосед Денис тут же тушуется.

— А, ну да… — И начинает разыгрывать передо мной джентльмена: — Что хочет дама? — Он наклоняется через разделяющее нас кресло, обозревает бутылки с разнообразной выпивкой. — Бренди, водка, виски. Хотя я всё-таки рекомендую коньяк. Тут вроде неплохой есть.

Ещё бы он не плохой: на тележке стюардессы красуется VSOP.

— Апельсиновый сок, пожалуйста, — говорю я. Стюардесса протягивает мне аккуратно наполненный стаканчик и поворачивается к Денису:

— А вам, молодой человек?

— А я своих пристрастий никогда не меняю, — важно отвечает тот. Девушка в форме наливает ему коньяк, который Денис тут же и выдувает одним залпом. При этом его острый, гулящий в шее кадык неприятно дёргается, и я отворачиваюсь. По запаху чувствую, что сосед наклоняется ко мне.

— А вы… — снова заводит он шарманку своего словоблудия.

— Простите, — холодно говорю я. Открываю сумку, достаю iPod, наушники и закрываю глаза.

Кажется, музыка убаюкала меня — я очнулась, когда услышала голос, искажённый динамиком:

— Дамы и господа, сейчас вам предложат сувениры из зоны «Duty Free». Все наши товары есть в буклете.

Порядочно подгулявший Денис начинает судорожно озираться вокруг, пытаясь сообразить, где лежит реклама. Сказать ему? Но тогда он вообще от меня не отстанет. И я протягиваю руку, чтобы показать ему пример: все буклеты нашего ряда заправлены в аккуратные сеточки, прикрепленные у переборки, отделяющей нас от бизнес-класса. Денис тут же выхватывает свой журнал и начинает его изучать. А я отлистываю на последнюю страницу, где под заголовком «Duty Free» первым

номером идёт парфюм (надо будет Тане купить, чтобы отблагодарить её за поездку), солнцезащитные очки (о, моя страсть!) и — игрушки. Я приглядываюсь к брелоку за шестнадцать евро. На кольце красуется белый маленький «боинг» с надписью «SAS». Судя по описанию, у самолёта двигаются крылышки. Прелесть. Порывшись в сумке, достаю кошелек. Подплывает стюардесса с тележкой.

— Что-то заинтересовало? — ласково спрашивает она у меня.

— Да. Вот этот самолётик. И еще духи, «Opium», для моей подруги, — поймав её удивленный взгляд, зачем-то объясняю я.

Стюардесса кивает и протягивает мне две коробочки. Духи прячу в сумку, а самолётик устраивается на моей ладони. «Это для Макса, — думаю я, — ему точно понравится». А в процесс покупок уже вмешивается неукротимый Денис, закупая сразу три бутылки «Hennessy». Пытается перехватить мой взгляд (мол, впечатлена ли я его выбором?). Но я делаю вид, что не замечаю его потуг. Стюардесса отходит к другому ряду, я готовлюсь снова вставить наушники. И вот тут происходит то, что я чувствовала и подозревала. Из бизнес-класса на меня надвигается длинная

тень с запахом «Fahrenheit». Вздрагиваю, и наушники шмякаются из моих рук прямо на ковролин пола.

— Забавно, — звучит сверху задумчивое. — Вам, очевидно, нравится, когда я вам в ноги кланяюсь?

Поднимаю голову, готовясь дать «Лёхе» отпор по всем статьям. В это время Андреев буквально стекает на корточки вниз, и мы сталкиваемся глазами. У Андреева они прозрачные, как стекло, за которым я вдруг прозреваю искры, разгорающиеся в очень опасное пламя. Когда в минуты близости Макс смотрел на меня, мне всегда представлялось, что меня укутывают в тёплый плед и усаживают к камину. А зрачки Андреева обманчиво легко протянули мне руку, готовясь сдёрнуть меня в самое пекло. Я непроизвольно сглатываю. Мне категорически не хватает воздуха. Андреев же, как ни в чём не бывало, спокойно кладёт наушники на мои колени, и, не опираясь на спинку моего сидения, легко встает. Наклоняю голову и стискиваю в руке самолётик. Мне жарко. Нет, мне холодно. Нет, я должна сейчас встать и уйти. Нет, я ничего не должна ему!

— Молодой человек, вас как зовут? — между тем спрашивает кого-то Андреев.

«Ах, так он не ко мне шёл?» Мне сразу становится легче.

— Де-Денис, — почему-то отвечает сосед.

— Очень хорошо, Денис, — ведёт голос Андреева. — А меня зовут Алексеем Михайловичем. Вы, как я понимаю, на саммит? Так?

— Да, — теперь Денис сглатывает. — А вы кто?

«Бабник он!»

— А я руководитель вашего круглого стола. — Перед моим носом возникают ухоженные мужские пальцы, причём между указательным и средним зажата визитка Алексея Михайловича. Денис с пьяной самоотверженностью вцепляется в неё. Пробегает глазами и вскидывает на «Лёху» восхищённые глаза.

— Очень, очень приятно, Алексей Михайлович. У меня к вам столько вопросов. Я как раз хотел к вам на круглом столе подойти. — Денис начинает судорожно рыться в карманах. Потом заливается краской: — А я… а мои в сумке… и я...

— Ничего страшного, — барским тоном начальника, выдающего бонус, отвечает Андреев. — Потом мне отдадите. А пока не окажете мне одну любезность? Не посидите за меня в бизнес-классе? А то у меня там вещи.

— И — что? — Денис не догоняет. Зато дого-

няю я.

— К сожалению, не получится, — медовым (но дрожащим) голосом объявляю я. — Стюардесса не пустит в бизнес-салон пассажира из эконом-класса.

— Правда? — тут же сдувается Денис.

— Да ладно, — лыбится «Лёха». Его длинные ноги делают шаг к переборке, и он зовёт: — Аня, Анечка, подойдите сюда.

В «coach» вспархивает стюардесса.

— Да, Алексей Михайлович? — поёт она, преданно глядя на Андреева.

— Анечка, можно Денис посидит на моём месте?

— Можно, — сдаёт меня Анечка.

— Спасибо, дорогая. И VSOP Денису налейте, — повелевает Андреев.

«Нет слов. *Ваще*. Так говорит Сиротина». Мне остаётся только подпереть дрожащей рукой подбородок, в другой сжать самолётик и беспомощно наблюдать, как окрылённый Денис чешет за переборку. А «Лёха», изгнав нежеланного свидетеля, преспокойно садится рядом.

— Ну привет, Ларионова, — в своей интимной манере весело начинает он, и кладет ладонь рядом с моим подлокотником.

— И снова здравствуйте, — холодно отвечаю я, убирая локоть подальше.

— И эта вся твоя благодарность за спасение от пьяного насильника? — Андреев улыбается.

— А мы что, уже на «ты»? Мы же с вами вроде как на брудершафт не пили.

Андреев задумчиво оглядывает меня:

— Хорошо, Лена. Как и Денис, можешь обращаться ко мне на «вы» и по имени-отчеству.

Пауза. Следом мысль: «Ну, ничего себе…» И вот тут во мне взыграло ретивое. Вместо того, чтобы судорожно вздохнуть, что со мной случалось в минуты злости или растерянности, набираю воздух в лёгкие — и в последний момент передумываю устраивать «Лёхе» укорот. Действительно, зачем мне скандалить с высокопоставленным сотрудником «Systems One», который уже завтра будет оценивать моё выступление на круглом столе? Тем более, что в игру, предложенную им, можно играть вдвоём. Вопрос только, кто первым не выдержит.

— Как скажете, Алексей Михайлович, — подобострастно отвечаю я. — Вам видней...

— Вот именно.

— …вы ведь в возрасте почтенном, — невинно заканчиваю я свою мысль и победоносно фыр-

каю. А Андреев смеётся. У него приятный смех — глубокий и искренний, он почти убивает мой страх перед ним, и я расправляю плечи.

— А знаешь, ты мне нравишься, — отсмеявшись, заявляет мне «Лёха».

— А вы мне — нет.

— А ещё мне нравится, как ты произнесла моё имя, — задумчиво говорит Андреев. — Повтори ещё раз. И скажи ещё что-нибудь. Ну, давай… *кошечка*.

Я ошеломлённо распахиваю глаза. Андреев же удовлетворённо прикрывает свои ясные очи, стекает вниз по сидению и кладет ногу на ногу. Он явно ожидает свой приз.

— Вот что, Алексей… Михайлович, — пытаюсь взять себя в руки я, — а вам случайно не пора обратно в бизнес-класс, а то без вас там весь коньяк закончится?

Андреев хмыкает, взмахивает ресницами, садится прямо и разворачивается ко мне. Точёный нос, греховный рот, на скуле — маленький шрамик. «А хорошо тебе кто-то вломил», — с неожиданной злостью думаю я. «Нет, не надо так на него смотреть», — останавливает меня мой разум. И я отворачиваюсь.

— Ладно, Лена, прости. — Оказывается, Андреев

успел осторожно дотронуться до моей руки. Я непроизвольно вздрагиваю. — Слушай, я не хотел смутить тебя, — винится Алексей Михайлович. — Вообще-то, я пришел попросить прощение за ту встречу в коридоре... Ну как, теперь мир?

Я моргаю и одновременно пытаюсь найти выход из тупика.

— Предположим, да, — осторожно отвечаю я.

— Вот молодец. — Это звучит покровительственно.

— А если бы я сказала «нет»?

— О-о, я тебе не советую.

— А — это почему?

— А дурная примета. Лёгкой жизни не будет.

Наши глаза сталкиваются. И его взгляд начинает буквально поглощать меня. «У него всё это уже было, — соображаю я. — И он прекрасно знает, как вести себя в подобных ситуациях. А ты ничего не знаешь, потому что у тебя такого опыта нет. У тебя есть только Макс».

— Лена, — Андреев интимно наклоняется ко мне. Его тёплая рука мягко ложится на мой кулачок. Тон, обращённый ко мне, нейтральный, голос — гибкий, а у меня снова мурашки по коже. Я вырываю руку и отвожу взгляд в сторону. — Лен, ну хватит придумывать со мной несуществую-

щие конфликты. У тебя же хватает ума не бросать мне открытый вызов? Ну давай, просто скажи мне «да». Сама. Ну, пожалуйста… — и его пальцы скользят по внутренней стороне моего запястья.

Это было нечто. За три минуты меня со знанием дела пытался выдрессировать мужчина, у которого было очень спокойное лицо и отточенные манеры. Я опустила голову вниз и закусила губы. На Макса это действовало как удар кнута. Андреев же помолчал, с интересом меня разглядывая. Потом вздохнул.

— Ладно, пойду, пожалуй, — сообщил он мне так, точно это я его задерживала. Но, проходя мимо, он всё-таки остановился: — Лен, может быть, передумаешь? Сама?

«Странно, — мелькает в моей голове, — на конце вопроса у Макса всегда стоял восклицательный знак. А у Андреева — многоточие. Точно обещание». Я зажмуриваюсь: мне опять не хватает воздуха. И тут я чувствую дыхание, опалившее мне щеку.

— Ну что ж, в таком случае, этот день закончится иначе, чем ты его себе распланировала.

В голосе Андреева решимость. Многоточий больше нет. Я оцепенела. Сжалась в кресле, глядя теперь только вниз. Увидела длинные ноги в

чернильных джинсах, дорогие кроссовки «Nike Sweeper Textille», которые уверенно шагнули за переборку. Потом, сквозь шум в ушах, услышала подвыпивший голос Дениса и — «о нет, Анечка, Денису больше не наливать, а то он забудет, куда он летит».

Я сидела, слушала их смех, сжимала в руке самолётик и приказывала себе не разреветься. Потому что поняла прозрением всех блаженных, кто не раз попадал в беду: Андреев — загонщик. Я — жертва. И на меня был только что объявлен сезон охоты.».

Глава 3. Velkommen til Danmark

«Когда ссорятся друзья, всплывает истина.»
((с) Виктория Холт).

28 .

«Самолёт пошёл на снижение, и из бизнес-класса, опираясь на стюардессу, выкатился пошатывающий, но очень довольный Денис. Посмотрел на меня. Открыл было рот, чтобы что-то сказать, но обречённо махнул рукой и плюхнулся на своё место. «Андреев его уже обработал», — с горечью сообразила я, отметив и мутный взгляд Дениса, и отсутствие у него желания вовлекать меня в очередной беспонтовый разговор. Загорелась надпись «fasten your seat belts». Покружив, «боинг» коршуном бросился к огонькам уже близкой земли. Преодолев ком, вставший в горле, я дождалась, когда самолёт мастерски зайдёт на посадку. Вместе со всеми похлопала командиру корабля и бережно убрала в сумку свой игрушечный «боинг». «Я справлюсь, Макс, — пообещала я Сафронову, — этот “Лёха” ничего мне не сделает». Вытащила телефон, написала Максиму и маме

по эсэмэске. Получила от мамы развернутый, как простыня, ответ и игривый смайлик от Макса.

Пройдя длинный, как кишечная полость удава, серый телетрап, забрала с багажной ленты чемодан. Преодолела контрольно-пограничный пункт, перешла в общий зал. Нашу группу я опознала сразу. Достаточно было увидеть типично светловолосого для скандинавов паренька с табличкой «Systems One», и льнущего к скандинаву Дениса. Несчастный датчанин поправлял очки, старательно игнорировал Дениса и тщательно пересчитывал пребывающих по головам. Денис же покачивался и с интересом разглядывал девушек нашей группы. А я трусливо покрутила головой, но Андреева не увидела. «Он с нами не поедет», — решила я. Обрадовавшись этому, с удовольствием рассмотрела, наконец, внутренности «Каструп». Аэропорт был огромным. Пятиэтажный, раскинутый, как огромная сфера, с тёмным полом и крышей, похожей на алюминиевую капсулу, откуда лучами ниспадал свет. Воздух, стекло — и скульптуры двух латунных дам, навсегда замерших от любопытства не то на втором, не то на третьем этаже. «Красиво, стильно, вдохновенно», — так в подобных случаях говорил Макс. Достав iPhone, нацелила на латунных дев камеру и при-

целилась сделать снимок для «Инстаграмма».

— Лена, Леночка, привет! — распахнув объятия, подбежала ко мне Света, одна из лучших менеджеров по продажам у наших питерских реселлеров. — Ну, как твои дела?

— Хорошо, а ты как?

Света Аверина рассмеялась. Я с удовольствием оглядела её. Длинноногая, как балерина, тридцатилетняя Света в избытке обладала тем, чего не было у меня: интеллигентной невозмутимой насмешливостью и готовностью снести всё на пути ради своей цели.

— Леночка, ты чудесно выглядишь. Прекрасная стрижка. Где делала? — И Света шутливо потянула меня за прядь. — Впрочем, какая разница… Тебе очень идёт. А, кстати, ты случайно Андреева здесь не видела? Бизнес-класс ведь уже выпустили?

«Упс. Похоже, Алексей Михайлович знаком со всем светом.»

— Нет, Свет, — я покачала головой, — я его здесь не видела. А ты разве с нами летела, а не питерским рейсом?

— С вами. Я с четверга была в Москве, — объяснила Света.

— А почему в «Ирбис» не зашла?

— Ну, я больше по своим делам в Москву приезжала, — уклончиво объяснила Аверина. — Хотела кое с кем увидеться, но… скажем так, не сложилось. Так ты не знаешь, Алексей с нами до гостиницы поедет? Или он сам по себе?

Я на минуту задумалась.

— Свет, — осторожно начала я, — я с твоим Алексеем плохо знакома. Так с чего бы ему докладывать мне о своих планах?

— Ой, да ладно тебе, засмущалась она. А чего он тогда подходил к тебе в самолёте? Я же видела, — Света улыбнулась знающей, очень женской улыбкой, в которой вдруг промелькнуло нечто неприятное. Это была… ревность? Я замерла. Похлопав глазами, попыталась разрядить обстановку:

— Свет, Алексей Михайлович подходил не ко мне, а к Денису из «Корсы». После чего увлёк его в свой первый класс, где и накачал до состояния железного дровосека. Вон, сама оцени, — и я указала подбородком в сторону экс-соседа.

— А-а, — с явным облегчением выдохнула Аверина. — Я, — и она наклонилась ко мне, — откровенно говоря, по этой самой причине и не стала в самолёте к тебе подходить. Потому что пьяный Денис — это нечто. Ужас! Я с ним как-то

летела в Питер и чуть с ума не сошла. — Пикантно вздёрнутые к вискам глаза Светы заблестели, на этот раз, симпатией и искренним сочувствием ко мне. — Лен, а ты точно завтра на круглом столе выступаешь? — Я кивнула. — Тогда завтра я обязательно приду тебя поддержать. В качестве компенсации за то, что бросила тебя в самолёте на растерзание Дениса.

Пока мы фальшиво изображали лучших в мире подруг, к нам подошли поздороваться ребята из других партнёрских отделов: Янина Савельева, с которой я когда-то давно дружила и именно по этой причине пристроила её в «OilИнформ». Всегда добродушный Миша, который на партнёрских тусовках добровольно брал на себя роль моего поклонника. Иван из Киева — и ещё человек двадцать, которых вела Измайлова.

— А вы откуда взялись? — удивилась я (в «боинге» я их не видела).

— А они с пересадкой летели, — объяснила мне всё всегда знавшая Света.

— Лен, а Лен, оставь за мной первый танец на сегодняшней вечеринке, — галантно подмигнул Миша.

— А мне второй, — включился в игру «кто первым затанцует начальство до смерти» Иван.

— А со мной что, никто танцевать не будет? — Аверина надула губки. Янина кинула на неё неприязненный взгляд и отошла в сторону.

— Я всегда с тобой, дорогая, — покровительственно положил Свете руку на талию Иван. — И кстати, не пойти ли нам, после заезда в гостиницу, погулять по городу?

— Hej, Magda. Hvordan går det? — услышала я голос Андреева.

Аверина пружиной развернулась в его сторону. Правда, через миг побледнела и до крови закусила губы. «Что это с ней?» Изогнув голову не хуже ужа (и откуда только взялась гибкость в теле?) я тоже рискнула обернуться назад. Метрах в пяти от нас стоял Алексей Михайлович с сумкой на плече и, с улыбкой на ланитах, клевал в щёку поцелуем комнатной температуры худощавую женщину. Высокая, средних лет. Стильная, прекрасно одетая. Деликатный запах дорогих духов. В женщине только одно было плохо: светлые, как и у Андреева, глаза её были не живые, а — мёртвые.

— Goddag. Alexey, fint, — между тем ответила Андрееву женщина и внимательно оглядела всех нас.

«Ещё один администратор», — решила я. И

хотя датский я знала плохо, моих лингвистических навыков вполне хватило, чтобы понять: Андреев спросил у женщины, как у неё дела, а та ответила, что всё хорошо. После чего злой взгляд датской мадам упёрся прямо в Свету, и датчанка щёлкнула челюстями. Аверина же, как ни в чем не бывало, небрежно передёрнула плечиками и, изобразив улыбкой солнце, непринужденно увлекла Мишу в разговор о красотах Дании. Оглядев Свету с видом овчарки, у которой из-под носа попытались увести кость, датчанка повернулась к Андрееву и начала что-то тихо выговаривать ему. «Ulækkert», — донеслось до меня. Перебрав в голове свой сомнительный русско-датский словарь, я перевела это слово, как «отвратительно» и удивилась: с чего бы этой Магде так невзлюбить Андреева? Алексей Михайлович равнодушно покачал головой. Потом ответил «den mund halten», что на немецком означало «замолчи». Я онемела. Но поразила меня даже не эта амикошонская фраза, а приказной тон Андреева и его небрежная, абсолютно не понравившаяся мне интонация по отношению к женщине. Перехватив мой откровенно-неодобрительный взгляд, Андреев прищурился. Что-то сообразил, моргнул, подхватил под локоток возмущённую мадам и

повёл её в сторону выходов из «Каструп».

— Это что за стерва? — услышала я насмешливый голос Ивана.

— Это? А это персональный ассистент Алексея Михайловича, — загадочно усмехнулась Света.

— Везёт же некоторым. — Миша с явным интересом изучал очень стройные ноги Магды.

— Вниманье, — неожиданно громко, по-русски произнёс паренёк в очках и посмотрел на Янину. — Пожалуйста, ваше внимание, — продолжил паренёк, делая в русском небольшие смешные ошибки. — Поскольку вся наша группа собралась, а я еще не всех вас знаю, то прошью подойти ко мне, представиться и назвать себя. Потому что директор по партнерам русский офис «Systems One» не смогла приехать, и я буду администрить вас. Меня зовут Петер Йенс, — паренёк улыбнулся, и у меня стало теплей на душе, — я чуть-чуть говорю на русский. И я — менеджер по работе с партнерами по ИМЕА энд чэллендж маркетс. Сейчас ми поедем в «Copenhagen Marriott Hotel», где вы отдохнете, пообедаете, может, даже сходите на Строгет, а в четыре часа спуститесь на конференция. И ещё, — скандинав хитро прищурился. — Velkommen til Danmark, дамы и господа. Добро пожаловать в Данию!».

IV .

«Интересно, какого чёрта Магда сделала стойку на Светку, а не Ларионову? Ведь Ларионова Авериной сто очков вперёд даст, — спрашивал себя я, направляя «ауди» Магды в сторону тёмно-синего «Марриотта», возвышающегося над заливом Эресунн. — Или у Магды та самая интуиция сторожевой собаки, которую отличает преданность Хатико и хватка волкодава?»

Я кинул на Магду вопросительный взгляд. Магда казалась грустной.

— Ну, что опять? — Положил свободную от руля руку на её колено. Магда вздрогнула, и я убрал ладонь. «Она никогда по-настоящему не отзывалась на меня, — с горечью подумал я. — Никогда. Ни разу. Так какого же чёрта я нужен ей? Или это такое странное чувство, на грани “любовь-ненависть”?»

— Знаешь, Алексей, — Магда развернулась на сидении, лицом ко мне и уперлась глазами в мою переносицу — совсем так, как это любил делать её отец. — Я сегодня впервые подумала о том, что тебя можно возненавидеть. Причём, так же сильно, как и любить.

«Опля, приехали.»

— То есть ты считаешь ненависть полезным

женским навыком? — усмехнулся я, обходя «пикап».

— Нет!

— В таком случае, будь любезна, внеси в свою речь больше полезной информации.

— Эти твои русские псевдофилософские рассуждения абсолютно не уместны! — Магда сердито дёрнула сигарету из мятой пачки «Camel». А моя память услужливо поднесла мне изящный портсигар Ларионовой и то, как её губы занимались любовью с «ментолкой».

— Знаешь, — между тем зловеще продолжила Магда, — сегодня у меня появилось желание затянуть у тебя на шее свою любовь. Узлом. Как ненависть.

Я промолчал. Перестроился в правую полосу, готовясь свернуть в сторону «Марриотта». Очень хотелось поскорей распрощаться со взбешённой Магдой и вернуться к занимательной охоте на маленькую Лену. «Интересно, когда их автобус подъедет? Я ещё успею подняться в номер? Или будет лучше перехватить кошечку внизу, сразу в холле? Пойти с ней пообедать… Предлог? Обсудим наш круглый стол. Куда пригласить? Кажется, на Строгете есть неплохой ресторан и… и что там ещё талдычит Магда?»

— … потому что я, вместо того, чтобы заботиться о своём здоровье и думать о ребёнке, которого я бы хотела тебе родить, курю эту дрянь. Фу, гадость, — Магда закашлялась и прижала ногтём сигарету к пепельнице. Точно мою шею придавливала.

— Так не кури, — равнодушно пожал плечами я.

— А ещё потому, что ты, — Магда точно меня не слышала, — потому, что ты используешь меня в войнах с моим отцом. И потому, что сегодня я, наконец, увидела, ту, с кем ты спишь, — храбро заключила Магда.

«Ах, так вот в чём дело, оказывается.»

— Я тебе ещё в аэропорту объяснил, что история с Авериной закончилась. — Я сказал, как отрезал.

— И когда именно, позволь спросить? — Магда зло улыбнулась. И она никогда не верила мне.

— Вчера поздно вечером закончилась. По телефону. Быстро и жёстко, как хотел твой отец.

Магда промолчала. А мне вдруг стало жаль её. Магда никогда не была слабой женщиной. Обладая хрупкой внешностью своей пять лет назад умершей матери, дочь Кристофа покоила свой экстерьер на железобетонном характере Кри-

стенссена, который считал любовь слабостью, а отсутствие эмоциональных уз — силой.

«Вот и ты становишься таким же, Андреев... Хотя нет: ты уже стал таким же.»

Мы выехали на набережную в гробовом молчании. Я думал о себе, о том, кем я мог быть и кем я стал теперь. Магда, видимо, размышляла о том же. А может быть, и о том одиночестве, на которое я обрекал её, вымещая на ней все свои страхи, всю свою ненависть к её отцу, которого я… боялся.

— Магда, скажи, ты хочешь, чтобы мы расстались? — Впервые с момента разговора я взглянул ей прямо в глаза.

— Я? Я не знаю. — Магда устало отвернулась к окну. — Ты… Просто ты как будто забрал из моей души всё хорошее, — неохотно призналась она, разглядывая поднимающийся голубым дымком Эресунн. — И, наверное, именно поэтому мне иногда очень хочется, чтобы ты хоть раз испытал то, что чувствую я, когда смотрю на тебя. А потом я пугаюсь этой мысли и отгоняю её: я боюсь, что ты испытаешь это чувство не ко мне, а к другой женщине. А ещё я поняла, что нельзя заставить другого человека полюбить себя.

И я вспомнил Ларионову. То, как она закинула

голову там, в Москве, и, смеясь, хватала ртом капли дождя. Как с любовью и нежностью смотрела на своего архитектора. Как с шутливой заботой вытирала ему «молочные усы». И то, как она испуганно забилась в угол и зажмурилась, когда я сел с ней рядом. Мне стало больно. И обидно. А потом пришло понимание. Есть такое понятие «твоё» и «не твоё». Как это ни странно, но именно Магда была моей, а Ларионова — нет. «Оставь девочку в покое, — посоветовал мне разум. — Ты никогда не будешь нужен ей так, как нужен Магде. К тому же, тебе всё равно через два дня придётся «слить» Ларионову. Так зачем вся эта рискованная возня? Из-за твоего самолюбия? Из-за того, что ты вспыхнул, как порох, как только её увидел? Или из-за того, что ты подспудно чувствуешь: даже последняя ссора с ней приведёт не к выяснению отношений, а к бешеному слиянию на куче одежды, сорванной с вас в прихожей, что не заменит никакую постель? Но ведь в итоге ты всё равно выберешь Магду — ты обречён это сделать.»

Как ни жаль, но здравый смысл был прав. И хотя раньше я сам, первым, никогда не отказывался от женщины, в этот раз мне предстояло узнать, что это такое...

Мы с Магдой подъехали к «Марриотту». Магда

обречённым жестом скинула ремень безопасности, готовясь пересесть на водительское сидение и вернуться в свой Брондбю. В те самые круги ада, где были только холодные стены, холодные белые окна, призрак рано умершей матери — и пустота. Из-за меня.

— Ну что ж, ты на месте, — произнесла Магда. — Передай папе, что у меня всё хорошо, и что я...

— Магда, ты очень торопишься?

— Нет. А что? — Она даже растерялась.

— Хочешь, съездим на Ланжелини? — предложил я. — Как тогда, когда мы познакомились с тобой.

Магда медленно подняла голову.

— Ты имеешь в виду ту самую первую нашу поездку? — Она смотрела на меня так внимательно, точно в первый раз разглядела. Я кивнул. — Ту самую, куда мы отправились после того, как встретились у моего отца в офисе? Ту, когда папа попросил меня показать тебе Копенгаген?

— Ага. А ты сослалась на занятость, и я попытался уговорить тебя на свой лад.

Губы Магды дрогнули.

— Ту поездку, когда я решила прокатить тебя в нашем метро, чтобы потерять тебя, а ты понял это и поинтересовался, где тут выход из катакомб,

потому что привык к мрамору, статуям и мозаике? — неуверенно пошутила Магда.

— Да. Ту самую.

— И ту самую, когда ты поцеловал меня в первый раз? — едва слышно спросила Магда.

«Сделай мою дочь счастливой», — пришёл ко мне ледяной голос Кристенссена.

Я осторожно привлёк Магду к себе. Она покорно закрыла глаза, и сама пошла ко мне в руки. Я поцеловал её. Потом отодвинул широкий ворот-хомут её бледно-синего свитера и переместил губы на тёплое, сухое плечо. Магда вздрогнула и издала первый сдавленный стон. Провела рукой по моим волосам, волнуясь, как на первом нашем свидании. Я поцеловал её ещё раз, и ещё. Я целовал её ровно до тех пор, пока она не расслабилась и не стала послушной в моих руках. Отстранился и посмотрел на неё. Полураскрытые губы, влажный лоб. Магда распахнула глаза — но уже не ледяные, отцовские, а нежно-синие.

«Магда всегда отвечала тебе. Это ты не хотел её, — донесся до меня трубный глас разума. — И вот сейчас самое время пригласить Магду в твой номер, лечь с ней в постель и заняться любовью». А вот этого я не хотел точно. Шутка Бога заключается в том, что мужчина может спать с

женщиной и при этом хотеть другую. Женщине же для близости нужна любовь или хотя бы иллюзия отношений. Но именно женщина может изобразить страсть, а мужчина не может.

— Ну, так съездим на Ланжелини? — Я отвёл от своей щеки тёплую ладонь Магды. Магда вспыхнула и кивнула, приняв мои корчи за нежность. Я развернул машину и отвёз Магду на пристань. В сто пятнадцатый раз посмотрел на русалочку. Подержал Магду за руку, выслушал все её монологи. Свозил пообедать туда, куда хотела она. Заказал Магде капучино — такое, как любила она, с пышной молочной шапкой. Вот только «молочные усы» я ей вытереть не смог и просто дал ей салфетку.

— Ты меня любишь? — робко спросила Магда.

— Да. Конечно, люблю.

— Тогда поцелуй меня.

Никогда не видели взгляд женщины, которую отвергают? Вот и я не хотел его видеть. И я поцеловал её. Я вообще сделал всё, что потребовали от меня опыт, разум и смысл. И только тело не смогло довести игру до конца — плоть была обезличена.

Спустя два часа моих адских мук Магда высадила меня у «Марриотта». Обойдя машину,

я выдернул из багажника сумку. Шагнул к специально раскрытому для меня рядом с её водительским местом окну. Поставил в проём локти, наклонился.

— Ну что, мир? — Я улыбнулся ей.

— Мир, — рассмеялась Магда. — Как ты любишь эту фразу, Алексей.

— Ты меня хорошо знаешь. — Я провел костяшкой пальца по её щеке. Магда затрепетала, отвела глаза, и тут её взгляд сместился в сторону бокового зеркала. Магда болезненно сжалась.

— Что? — сходу не понял я.

— Тебя… там ждут. У входа. Эта твоя… твоя, — упавшим голосом прошептала Магда. Её ещё минуту назад счастливое лицо заволокло туманом. А я мгновенно ощутил, как Магда от меня закрывается. Она точно выставляла меня вон из своей души и нашего с ней будущего. «Ну, нет!» Я обернулся. У стеклянной вертушки, в шагах так в пятнадцати от нас, я увидел свою экс-питерскую и — вот же scheisse, а? — свою недо-двадцать восьмую. Аверина наблюдала за нами с Магдой с нескрываемой яростью. Ларионова же — с необидным любопытством. Впрочем, в её лице я заметил ещё кое-что. Это было… безразличие? От неожиданности я моргнул. Перехватив мой

взгляд, Ларионова преспокойно уткнулась в мобильный и принялась что-то быстро печатать. «Кому она пишет? Этому, своему архитектору?» А вот это был прямой вызов живому мне. И я моментально ощутил острое, болезненное желание в три минуты показать этой девочке, чего лично я стою.

— Алексей! — одёрнул меня повелительный голос Магды.

Я вздрогнул и разжал кулаки. Позади меня была дочь Кристофа. Впереди — всё моё будущее. Все «экс», «недо» и «потенциальные» должны были раствориться, как круги на воде от камня, уже брошенного в залив Эресунн. С трудом, но я повернулся к Магде:

— Мне никто не нужен, кроме тебя. Ты поняла меня?

Магда недоверчиво сверлила меня ледяными глазами. Но я выдержал этот взгляд. Стоял и глядел на неё до тех пор, пока в зрачках Магды не начал таять айсберг.

— Магда, перестань терзать себя, — уже тише и спокойнее попросил её я, точно гипнотизируя. — Повторяю, все истории закончились. — Я упорно, словами добивал последние мёрзлые осколки в её глазах. — Хочешь, позвони мне сегодня вече-

ром? А хочешь, я позвоню тебе, а ты за это меня поцелуешь. Но — прямо сейчас. Идёт?

А вот это сработало.

— Не буду я тебе звонить, — задорно фыркнула Магда. — И целовать я тебя тоже при всех не стану.

— Ах, так? — И я лихо сунулся к ней прямо в окно. — А ну-ка, иди сюда.

Магда расхохоталась и начала отбиваться от меня:

— Да ну тебя, сумасшедший … Всё, иди в гостиницу... Алексей, ну, перестань, это же неудобно.

И я понял, что победил.

— Поезжай домой и ни о чём больше не думай.

Магда кивнула, хихикнула, по-молодецки рванула «ауди» с места. Проводив глазами её исчезающий за поворотом автомобиль, я мысленно перекрестился, взвалил на плечо сумку и направился к гостинице.

— Алексей Михайлович, здравствуйте, — со значением поздоровалась Аверина.

— Здравствуйте, — глядя мимо своей «экс», холодно бросил я на ходу и толкнул «вертушку». Стеклянная карусель закрыла меня от Авериной, точно отрезала. Впрочем, на Светку мне было давно наплевать. А что касается Ларионовой, то

— как бы эта девочка не нравилась мне — всё должно было закончиться здесь и сейчас. Лучше рвать мимоходом, просто игнорируя.

На подъёме, полный уверенности, что я справился с собой, я прошёл вестибюль «Марриотта». Кинул паспорт на стойку ресепшен:

— Goddag, business-suite, Алексей Андреев.

Администратор улыбнулась мне дежурной улыбкой служащей и придвинула карточку:

— Goddag! Selv tak.

Беру шариковую ручку, чтобы расписаться в анкете. И тут мимо меня с хохотом и прибаутками проходят двое мальчишек. Я видел их в аэропорту, облепивших «кошечку». Весёлая парочка киндер-сюрпризов вываливает на улицу, и до меня доносится:

— Лен, а мы тебя ищем. Пойдём обедать? Ну, куда ты хочешь?

— На Строгет, — смеётся она. — В Музей эротики.

Я моргнул. Не удержался и обернулся. Поглядел, как эти двое берут Ларионову под руки и как она хохочет и уходит с ними, на ходу подзывая к себе Аверину.

— Ну что, видишь? Согласен? — окликнул меня здравый смысл.

— Да, — скрипнул зубами я, — да... Да пошёл ты!».

Глава 4. Business / Casual

«Если ты следуешь правилам, игра теряет своё очарование.»
((с) Дисана Кумыкова.)

28.

«В 15:50 я, в сопровождении Светы, Яны, Вани и Миши, захожу в почти полный конференц-зал «Марриотта». Делаю робкую попытку смыться в самый дальний ряд.

— Сядем подальше? — робко предлагаю я. Иван и Миша кивают.

— Нет, мы сядем поближе, — командует парадом Аверина.

Вздохнув, смиряюсь со своей участью. Тем не менее, ухитряюсь пропустить впереди себя Яну, Ваню и Мишу. И вот таким дипломатическим образом пристраиваю себя в самом крайнем кресле справа. Это место ближе всего к выходу из конференц-зала. А у меня есть прямой резон сбежать до выступления Андреева. Особенно после того, что я, идиотка, наделала.

В два часа дня я и Аверина болтались в вести-

бюле «Марриотта». Успевшая принарядиться Света (юбка, бархатная курточка, аромат «Trésor Lumineuse», который в рекламе называют «декларацией абсолютной любви») нетерпеливо поглядывала на часы. Я бродила рядом, разглядывала журналы, икебаны, консьержку и старалась дозвониться до Макса. Но Максим упорно не отвечал, и это меня беспокоило. «Что с ним? Может, он просто занят, и я зря волнуюсь? А если он, не дай Бог, в аварию попал? Он иногда так гоняет на этом своем идиотском “Cayenne” …»

— Лен, давай на улицу выйдем? Что-то тут душно. — Аверина по-прежнему смотрела на часы и явно что-то прикидывала. Откровенно говоря, Ташкента я в «Марриотте» никак не наблюдала, но за Светой пошла. Устроившись у входа, как постовой на часах, Света принялась вертеть головой. А я снова попыталась дозвониться до Макса, и только тут в первый раз обратила внимание на подсевшую в iPhone батарейку. Всего девять процентов зарядки. «Наверно, из-за этого связь сбоит.»

— Свет, можешь дать мне мобильный? А то я кое-кому дозвониться не могу.

— У тебя новый друг сердца? — Света лукаво изогнула бровь.

— Нет, у меня старый друг Сафронов.

Аверина хихикнула и вытащила свой «Blackberry». С трудом освоив незнакомую конструкцию кнопок и меню, я начала набирать цифры, когда к пандусу подлетел снежно-белый «Audi TT», из которого чёртом из табакерки выкатился Андреев. Я мысленно закатила глаза, представив себе, что сейчас будет, если он начнёт домогаться до меня на виду у Светки. Но Андреев обошёл автомобиль, сунул локти в приоткрытое окно со стороны водителя и начал дружелюбно с ним болтать. Послав поклон богу удачи Кайросу, я продолжила мучить Светин телефон. И тут из автомобиля раздался весёлый женский смех. Я потеряла дар речи. Краем глаз отметила, что Андреев, наигравшись с «водительницей», направился к нам с Авериной. Вежливо поздоровался в ответ на глубокомысленное приветствие Светы, мазанул по мне взглядом и молча прошёл мимо. «Он меня игнорирует?» От понимания этого мне стало и хуже, и легче.

— Свет, давай реселлерам позвоним? Я есть хочу, — стараясь отключиться от этих ощущений, попросила я. В ответ Аверина замысловато выругалась. Я замерла. Было странно и неприятно слышать такое, сорвавшееся с интеллигентных

питерских уст. Перехватив мой вопросительный взгляд, Света не то усмехнулась, не то всхлипнула.

— Знаешь, Лен, — с несвойственным ей отчаянием выпалила она, — иногда я очень жалею, что я родилась женщиной. Потому что мне очень хочется дать в морду таким, как Андреев. Только у меня сила женская, и удар не получится. — Света стиснула кулачок. — Но если однажды мне повезёт, то я кое-что сделаю.

— Сменишь пол?

— Что? — Впервые за много лет Света растерялась. Потом, сообразив, что я пытаюсь пошутить, натянуто, но засмеялась. — Нет, Лен. Я просто ему отомщу.

«Опля. Она спала с ним…» До меня медленно, но всё-таки дошло.

— Думаешь, я с ним спала? — выдохнула Аверина. Её зрачки посверлили мои изумлённые глаза. — Нет, Лен. Я с ним не столько спала, сколько за ним бегала. Ровно два года. Вприпрыжку. А потом он до меня снизошёл. Ровно один раз. И всё, мне напрочь снесло голову, — Света нервно поправила прядь, выпавшую из прически, и мрачно уставилась на мою стрижку. — Вообще-то Алексей Михайлович у нас мужчина серьёз-

ный. Одно только плохо: он напрочь испорчен женским вниманием и измождён плотскими удовольствиями. Его одно только привлекает: некоторая доля враждебности. Вот когда он к тебе в самолёте подвалил, я поначалу решила, что ты ему батарейки перезарядишь, и он прилипнет к тебе, как… как…

— Свет, — попыталась оборвать я неуместное сравнение себя с той частью тела, к которой прилипает банный лист.

— Лен, — взорвалась Аверина, — а можно, я, наконец, выговорюсь? Я два года молчала. Могу я хоть кому-то нормальному душу излить? Будь ты моей соперницей — я бы тебя убила.

— Свет, мы не соперницы. — Чем дальше, тем больше мне не нравился этот разговор.

— Не бойся, сама это вижу, — мрачно отрезала Света. — Алексею Михайловичу что на тебя, что на меня наплевать. Ему не наплевать только на эту… его сучку.

— На помощницу? — решила помочь я. — Ту, что в аэропорту его встретила? Это она его сюда привезла?

Аверина закинула голову и расхохоталась, ухая, как филин:

— Да, Лен, на неё. На ту, что сюда его привезла.

Её, кстати, зовут Магда. Тебе это имя ни о чём не говорит?

— Нет, даже не шепчет.

Мы помолчали. Авериной явно хотелось развить тему Магды, но, посмотрев на меня, она передёрнула плечиками и нервно смахнула с пышных ресниц две круглых слезы.

— Дождь, что ли, начался? Не пойму… — неловко начала она. Я вздохнула и взяла её за руку. — Что, жалеешь меня, да? — Аверина попыталась вырваться.

— Света, — я осторожно обняла её, — да, я не спорю, по-своему он привлекательный. Но свет не сошёлся на нём клином. У тебя же наверняка кто-то есть?

— Нет у меня никого. Андреев мне всю душу вымотал!

— Ну, значит, ещё будет. Ты же такая красивая. И умная. Ты кому угодно голову задуришь.

Чисто по-женски мне было очень жаль Свету. Впрочем, было ещё кое-что, о чём я предпочла умолчать. Дело в том, что внутри меня медленно, но верно поднимало голову одно странное чувство. Я откровенно, как-то сразу и до конца поняла, насколько сильно *я* нравлюсь Андрееву. И в самолёте, и в аэропорту, и в коридоре

«Systems One» — и даже когда он болтал с этой своей помощницей — я затылком чувствовала его напряжённый взгляд. Я знала, что он меня рассматривает — жадно, профессионально, внимательно. Очевидно, я действительно разнообразила его жизнь своей полудетской враждебностью. Понимание этого факта принесло мне пусть крохотное, но удовлетворение. Тёмная же сторона луны заключалась в том, что, когда Андреев прошёл мимо меня, мне вдруг отчаянно захотелось узнать, как далеко ради меня он был готов зайти. «Осторожней в своих желаниях, Лена. Все желания на краю пропасти. Не оступись», — в таких случаях советовал мне мой разум. «Да, — мысленно согласилась я с ним, — да. С такими, как этот “Лёха”, не стоит перегибать палку».

Но я всё-таки её перегнула. Когда Андреев входил в вестибюль «Марриотта», мои реселлеры уже выкатились на улицу. Издав громкий хохот гетеры (кошмар) и призывно вильнув бёдрами (пакость), я взяла Мишу и Ваню под руку и предложила сходить в Музей эротики (стыд и позор на мою голову). И вот теперь, сидя в конференц-зале, я отчаянно трусила, ждала, когда выступит Эрик Ричардссон, чтобы воспользоваться паузой

и сбежать в свой номер, в Амалиенборг, на залив Эресунн — да куда угодно! — лишь бы не попасть под раздачу раздразнённому мной «Лёхе».

— Нет, Лена сядет со мной, — выдернул меня из раздумий голос Авериной. Очнувшись, поднимаю глаза: Света обращается к Янине, уже зависшей над креслом в центре. — Лен, иди сюда, — а вот это уже приказ мне. Вообще-то командам я подчиняюсь плохо.

— Свет, — откидываюсь на стуле, — я не хочу.

— Но отсюда же лучше видно.

«Это тебе оттуда лучше видно твоего принца.»

— Свет, я тут максимум до выступления Кристенссена. А потом я исчезну. Пойду звонить Максу. Ферштейн?

— О-о, — ни с того ни с сего пытается укусить меня Света. — Так ты по-немецки, оказывается, говоришь?

А вот это уже намёк. Прищуриваюсь (почти как Андреев).

— Да, — отвечаю слёту. — Говорю. Например, так: дастиш фантастиш.

Сражённая моей аллюзией на её похождения, Аверина затыкается, а на моё счастье в зале гаснет свет. Ряды, кресла, зрителей — всё окутывает полумрак. Грохочет музыкальное вступление, и

на сцену, в единственный круг света, бодро вбегает Ричардссон. Всемогущий глаза «Systems One» сухопар, подтянут и моложав. Мне он импонирует своим внешним сходством со Стивом Джобсом — и тем, что всегда знает, что и как сказать к месту. Ричардссон поправляет наушник-микрофон, светит широкой улыбкой и произносит:

— Hi guys. Let's start.

С изящной небрежностью подворачивает рукава традиционно-тёмного свитера и делает ладонью рубящий взмах. Он — как волшебник: по мановению его руки на стене вспыхивает плазма. В тёмный зал брызжут неоново-синие лучи, на потолке расцветает звезда — логотип «Systems One». Вступают басы и ударные, музыка набирает темп и ритм, звезда становится осязаемой (формат 3D, соображаю я, рисуют лазером) и вот уже из потолка к моим ногам сыплется настоящий звёздный дождь.

— Офигеть, — восторженно шепчет Миша. — Лен, ты желание загадала?

«Нет. Оно бы всё равно не сбылось...» Тем не менее, я киваю, помимо воли заворожённая и зрелищем, и размахом фирмы, на которую я работаю. Ричардссон с лёгкой иронией кланяется залу и снова делает взмах рукой. Звезда медленно

гаснет, а на плазме возникают цифры. Успехи, победы, достижения. Логотипы самых известных компаний, использующих наше программное обеспечение. Миллионы пользователей: ЕС, США, «Латины». Рынки развивающихся стран, к которым принадлежит и Россия. В какой-то момент раздаются хлопки, но Ричардссон шутит на ту тему, что всем нам, мол, надо ещё копать и копать, а у конференции есть временные пределы. Таким образом, всеобщее ликование и аплодисменты откладывается на потом, а по плазме уже бегут слайды про финансовые результаты офисов. Звездой выделяют тех, кто выполнил план. Про Россию Ричардссон упоминает вскользь, мельком, но зато очень хвалит Германию.

— Впрочем, Алексей сам расскажет про успех нашего немецкого Brückenkopf[5]. Он сегодня пол-дня готовился, — шутит Ричардссон.

В зале — любопытные взгляды и дружелюбный смех. Зато Света Аверина начинает бешено хлопать в ладоши. Невольно закатываю глаза, но (трусиха я и подлиза), на всякий случай, присоединяюсь к ней. Нас поддерживает ещё ползала. Ричардссон смеётся и останавливает нас рукой.

---

[5] Примечания: 5
Brückenkopf (нем.) — плацдарм.

Шум и хлопки стихают, а Ричардссон забрасывает нас новыми слайдами. Рассказывает, что будет меняться в этом году, какие планы по выпуску программных продуктов и что принципиально нового будет в программах продвижения. Это интересно, и я слушаю. Краем глаз отмечаю вспыхнувшие мобильные. Сообразив, что народ в зале записывает афоризмы Ричардссона, достаю свой iPhone. Вбиваю в «Заметки» пару подходящих к случаю цитат, чтобы завтра расцветить ими свою убогую презентацию. Ричардссон заканчивает, а я приподнимаюсь с кресла, готовясь сбежать.

— Осторожней, Лена. — Мой ангел-хранитель Миша кладёт мне на локоть ладонь и указывает глазами на кривоватую тень. — Не спались!

И я вижу, как справа от меня к сцене проходит Кристенссен. Я буквально падаю в кресло, одновременно соображая, что я, идиотка такая, не поинтересовалась расположением этого ряда, и, таким образом, разместила себя у прохода. То есть все докладчики пройдут на сцену мимо меня. Включая «Лёху». «Ой, мамочки… А может быть, я ещё успею пересесть?» Но на сцену уже вышел Кристоф, и, если я сейчас устрою перемещение, то он заметит мое откровенное неуважение к

нему. И я остаюсь сидеть, буквально вжавшись в кресло. Между тем, застегнутый на все пуговицы чёрной банкирской «тройки», Кристоф уже бубнит про дела московского офиса. Оживает он только, когда начинает хвастаться программами продвижения. А меня обуяет нереальное чувство неловкости. Ведь никакого продвижения и в помине нет: деньги просто списываются. Но суть настоящей беды заключается в том, что моя собственная презентация не коррелируется с цифрами Кристофа. То есть я соорудила откровенный подлог…

Я прирастаю к креслу и, огорошенная, начинаю тереть лоб. Миша косится на меня:

— Лен, что, голова болит? Может, проводить тебя в номер?

— Миш, чуть позже, хорошо?

Судорожно выхватываю из кармана iPhone и в диком темпе вбиваю в «Заметки» цифры, озвученные Кристофом. А сама на чём свет кляну Таню Сиротину. «Таня, что же ты наделала? — взываю я к той, что не слышит меня. — Почему ты мне не сказала, что в моих слайдах ошибки? Ты же видела мою презентацию. И теперь мне придётся править её, фактически переделывать заново. И если я этого не сделаю, то все мы подставим-

ся.» Отмечаю краем глаз, что Кристенссен уже сворачивает выступление. Значит, у меня есть буквально секунды, чтобы выскочить из зала.

— Миш, я пошла, — шепчу я.

— Подожди!

— Плевать, некогда.

Приподнимаюсь с кресла, и к своему ужасу вижу отступающую от меня длинную тень. Поднимаю глаза: Андреев. Ноль аромата парфюма. Стоит от меня примерно за метр, привалившись к стене конференц-зала. Одет в непривычно элегантный серый костюм и при этом держит в руках… лопату. «Это что, новый стиль, business+casual?» Я робко фыркаю и заискивающе улыбаюсь ему. И только тут замечаю, что «Лёхе» не до моих ужимок, потому что у него суженные, злые, острые, как иглы, зрачки, которыми он рассматривает ещё светящийся дисплей моего телефона. Проходит секунда, другая, и Андреев переводит взгляд на меня. Мое сердце делает сальто, у меня потеют ладони и деревенеет спина. А на место пустоты в груди приходит — нет, не торжество и удовлетворение женщины — а непереносимый, едкий, разъедающий, как кислота, стыд человека, которого только что поймали за руку на откровенном подлоге. И подловил меня

не весельчак из самолёта, а высокопоставленный сотрудник «Systems One». Не «Лёха», как я привыкла его называть, а Алексей Михайлович Андреев. Не мой шапочный знакомый, а директор по продажам и замглавы немецкого офиса. Человек, прекрасно разбирающийся в цифрах, успевший прочитать мою последнюю фразу «переделать фальш. доки №№ 27/15, 322/42 и 088».

— Я… я… — задыхаюсь я.

— Молодец, Ларионова, — с редкой задушевностью произносит Андреев. Голос у него тихий, но злой. — А я-то всё думал, и чем ты ещё удивишь меня, кроме Музея эротики? Кстати, ничего, что он давно закрыт[6]?

— Алексей Михайлович, я… а откуда вы знаете, что он закрыт?

— А у меня годовой абонемент туда был, — со всем сарказмом «режет» мне Андреев.

— Простите, я не хотела вас оскорбить. Я…

— После моего выступления поговорим.

— Но я…

— И только попробуй мне сейчас сбежать.

— Но мне…

— Я тебе всё сказал!

---

[6] Примечания: 6

Музей эротики в Копенгагене находился на улице Строгет и был навсегда закрыт в 2010 году.

Стоя на чугунных ногах я ещё пробую что-то возразить, но Андреев бросает на меня последний презрительный взгляд, прихватывает свою лопату и сбегает вниз по ступеням. «Он к тебе больше не подойдет. Он тебя больше не тронет. Просто он через тридцать минут популярно тебе объяснит, что ты должна будешь написать заявление по собственному, вот и всё», — пытаюсь «утешить» себя я этой немудрённой истиной. Но облегчения эта мысль почему-то мне не приносит…».

IV .

«Слушатели заходятся от хохота, когда я со своей лопатой вхожу в круг света. Я тоже смеюсь:

— Здравствуйте. Позвольте представиться. Меня зовут Алексей Андреев. А это, — киваю я на свой девайс, — один хорошо известный в России инструмент. Называется лопата. Еле-еле нашёл её в Копенгагене. — Отмечаю, что люди начинают ловить каждое моё слово. — Вообще-то, это мой подарок тем офисам, которые хотят работать так, как мы привыкли в Германии. — Вижу, как в первом ряду мне показывают большие пальцы Ричардссон и Эрлих. Последний — глава немецкого представительства и мой непосредственный начальник. Отмечаю вялую улыбку Кристофа.

Налево, где статуей скорби в кресле застыла Ларионова, стараюсь не смотреть. — Ну, а теперь о главном. Итак, что удалось в этом году «накопать» нашему плацдарму …

Отставляю лопату, иду к стойке, мне включают слайды. Перемежая презентацию шутками, за пару минут освобождаю слушателей от гипнотической статики Кристенссена. Где это уместно, добавляю жест. Ввожу зал в свой собственный ритм, ощущаю отдачу. Это не импровизация — просто вся психология выступлений отточена мной за много лет, поэтому голова свободная. Зато внутри меня дикая злость, несвойственная мне в принципе. «Ну, Ларионова…» Позавчера Сиротина дала мне на неё наводку, а теперь я смог убедиться лично, увидеть сам, своими собственными глазами, что документы Сиротиной стряпал не кто-нибудь, а эта скромница-«кошечка». Зачем? Для чего? Её-то кто вовлек в «схему»? Её-то за что купили, за модный в этом году iPhone? За поездку в Данию? За первый взнос на квартиру? Впрочем, какая мне разница… Я посчитал её идеальной, почти. А, оказалось, ошибся.

В моих отношениях с женщинами всегда действовал только один принцип. Я — коллекционер и гурман, а не собиратель. Исключением из

правил была только Магда Кристенссен. Во всех остальных случаях я всегда точно знал, к какой именно женщине мне подойти, что сказать ей и как дотронуться до неё. Чем заинтересовать и когда перейти от прелюдии к воплощению её и моих фантазий. Но всегда и во всем я действовал избирательно. Убогий трах — для меня. В моих активах мечта, поданная на завтрак, шутка, сервированная на обед, и Шопенгауэр на ужин. В худшем случае, одна воплощённая женская мечта, в лучшем — целый мир фантазий. Причем не только тот, который есть, но и тот, что ещё будет. Я выбирал женщину и давал ей шанс. И никогда, ни за кем долго не бегал, потому что знал: за поворотом найдётся ещё много одиноких сердец, тянувшихся, как мотыльки, к свету. Я никогда никого не любил — увы, это счастье меня миновало — но я всегда помнил истину: если я часто обманывал женщин, они делали это качественнее. Это был вполне честный обмен: им качество (я), мне — количество. А в итоге весь мой хвалебный опыт, вся моя гребаная наука жизни пошла кувырком, насмарку, потому что в первый раз за всё время я, идиот, попался. Поскользнулся на собственных иллюзиях. Всё случилось как в той доброй истории, когда ты

уже не веришь в чудо, а оно самоходом является к тебе в коридоре твоей же фирмы. Тёмные волосы, дразнящие, откровенные глаза, пара круглых коленок. Провокационная поза, удачная ремарка, удар адреналина — и всё, мне конец. Фигурально выражаясь, кровь отлила от одной моей головы и прилила к другой. Я захотел Ларионову. Захотел так, как никогда ничего не хотел — даже мой ключ к успеху в лице Магды Кристенссен. И что же выяснилось пять минут назад? Милая девочка с невинным румянцем Лолиты, окруженная редкой аурой дерзости и благовоспитанности, банально тырит бабло в свой карман. Ну, и что мне теперь делать? Сразу сдать Ларионову? Или послушать её презентацию на круглом столе, после чего сдать её? Или же, по старой русской традиции, посадить Ларионову на кол и уже потом сдать её?

Оценив собственную метафору про кол, сглатываю. Откашлялся, освободил узел галстука, пристроил руки в карманы брюк, и, как ни в чем не бывало, продолжил трещать про целесообразность подходов к выстраиванию стратегии удержания ключевых потребителей. А в голове у меня начала выстраиваться абсолютно другая схема. Блуждая в потёмках собственной безнрав-

ственности и болтая о проактивных действиях, я посмотрел на Кристофа, прикинул, что будет, если он поймает меня на двойной игре. Потом кинул взгляд в сторону Эрлиха. Но немец-шеф был точно за меня, благодаря своей жене Хелен (у которой, кстати, хватило ума не цепляться за меня после одной ночи). Наконец, взглянул на Ричардссона, которому (я знал) я всегда импонировал. И я решился. Заканчивая слайды, повернулся и еле-еле нашёл в третьем ряду скорчившуюся Ларионову (не знай я, где она сидит — точно бы её не заметил). Намеченная мной двадцать восьмая опустила голову вниз, как тогда, в самолёте, и при этом обхватила себя руками, словно это могло умерить стыд, который она испытывала. Я переместился по сцене, вплотную подошёл к краю, и в упор посмотрел на «кошечку». «Подними глаза. Если посмотришь на меня, как на своего архитектора, считай, что ты выиграла, — мысленно пообещал ей я. — Ну, давай. Тебя же тянет ко мне, я это чувствую. И ты нужна мне, здесь и сейчас, в той части моей несостоявшейся жизни, которая грызет меня и толкает к тебе. Ну давай, посмотри на меня, и я тебя прикрою. И если мы потом переспим, то только потому, что ты тоже этого хочешь... Ну

давай, Ларионова. Твой ход.»

И она подняла на меня глаза. Распахнутые в ужасе.

«Ну, дрянь!» Подавив гнев и обиду, заканчиваю презентацию очередной шуткой. Дождался аплодисментов, освободил место для Элен, следующей по программе после меня. Сбегаю со сцены и прямиком двигаю к «кошечке». Ларионова замерла, как кролик в свете автомобильных фар. Интересно, о чём она думает? О том, что сделает с ней взбешённый Алексей Михайлович? Или о том, что до тех пор, пока женщина не столкнётся лоб в лоб с разъярённым мужчиной, она не узнает, насколько он её сильней? А сейчас именно такой случай. Подхожу к Ларионовой и натыкаюсь на два женских взгляда. Заинтересованный взгляд рыженькой, которая сидит рядом с Авериной, и мрачный, темный взгляд моей экс-питерской. При этом Аверина пытается встать, чтобы подойти ко мне. Очевидно, мне навязывается игра под названием «у Лены есть подруга, которая защищает её интересы, и поэтому участвует во всех номерах вашей с ней программы». Ага, вот *прям щас*. Прищуриваюсь («а ну, быстро села!») и заставляю Аверину опуститься в кресло. Наклоняюсь к Лене:

— Пойдём поговорим. У меня есть ровно пять минут.

И тут я замечаю ещё две пары вопросительных глаз. Присматриваюсь: какие-то киндеры. Уж не этих ли мальчиков она тащила на Строгет, в Музей эротики? Точно, их. А у этих обормотов какая здесь роль? Её личного эскорта? Срочной джентельменской помощи в Дании? Поклонников её таланта и профессионального творчества по фальшивым документам под №№ 27/15, 322/42 и 088?

— Лен, поторопись, у меня очень мало времени. К тому же, мы мешаем твоим коллегам слушать докладчиков и очень внимательно смотреть на сцену. — Фразу «очень внимательно смотреть на сцену» я выделяю голосом. Дети-сюрпризы, как по команде, отворачиваются. Поняв, что помощи больше ждать неоткуда, Ларионова поднимается. Заплетая ногу за ногу, ползёт вверх по лестнице, двигаясь к выходу. Я иду следом, как конвоир. Проходим все ряды. Откуда-то справа вылетает рука с визиткой.

— Алексей Михайлович, я… — подобострастно начинает Денис.

— Не сейчас.

Толкаю дверь, ведущую в холл. Лена оглядыва-

ется. Я перехватываю её за талию и направляю в дверной проём. Повесив буйную головушку, скорчившись, как муравей под бревном, Ларионова выползает в мраморный холл, залитый ярким светом. С надеждой уставилась на стенды, где примерно тридцать душ, попивая халявный датский кофеёк, разглядывает выставку достижений компании «Systems One». Косится на меня и начинает робко, бочком-бочком, продвигаться к стендам. Хватаю Ларионову за локоть и веду в противоположную сторону.

— Ку-куда мы идём? — пугается она. — Я кофе хочу.

— Потом без меня выпьешь. Иди на улицу. Покурим с тобой. И заодно поговорим.

— А я… Я не курю!

«А, так ты ещё и врёшь мне? А кто у входа в “Шарик” дымил, как паровоз с ментолом?»

— Зато я курю, — чеканю я.

Выходим на улицу. Оценив дрожащие ноги и белое лицо растерявшей боевой задор «кошечки», подвожу её к скамье, стоящей особняком перед входом в «Марриотт». Но Ларионова садится отказывается. Смотрит в сторону, одну руку держит в кармане джинсов, другой нервно теребит короткую прядку, выпавшую из причёски. «Сейчас

расплачется», — думаю я и злюсь ещё больше.

— Значит так, — начинаю я, щелчком выбивая сигарету из пачки «Dunhill». — Для начала забудь все свои глупые идеи относительно того, чтобы поменять слайды на своей завтрашней презентации. Ты ведь это задумала? — Она колеблется, но всё-таки кивает мне. — Я так и понял. Завтра будешь выступать с тем, что есть. Я тебя прикрою, но — при двух условиях… — Делаю паузу, жду, когда Ларионова поднимет на меня глаза. В ответ Лена дарит мне взгляд беззащитного оленёнка Бэмби. В зрачках — ни одного доброго чувства ко мне, только кошмар и растерянность. «Я ей кто, Авада Кедавра? Или прокажённый?» От этой мысли мне вообще хочется укусить её.

— П-при каких двух условиях? — шепчет Ларионова. Делаю вздох, унимая гнев.

— Во-первых, после твоего выступления встречаемся у меня в номере. Обсудим все цифры. Я хочу знать всё, до конца. Всю вашу схему. Предупреждаю сразу: врать мне не советую. У тебя будет только один шанс сказать мне правду. — Ларионова моргает и испуганно открывает рот, чтобы возразить мне. — Ты слышишь, что я тебе говорю, или нет?

— Я… я сейчас позвоню Сиротиной. — В голосе

Лены забавная смесь из жалобы и угрозы.

— Замечательная идея, — кровожадно усмехаюсь я, выдыхая сладковатый дымок. — Давай, звони своей Тане. И на громкую связь свой модный iPhone поставь. А для чистоты эксперимента не говори Сиротиной, что я рядом. Идёт?

Ларионова стискивает челюсти. Но деваться ей некуда (сама в угол себя загнала), и она кивает. Достает мобильный, нажимает быстрый вызов и громкую связь. Гудок, два, три, четыре. Наконец, её «закадычная подруга» соизволит ответить.

— Ленок, ты? — поёт Сиротина. («Ногти, что ли, точит? Что за привычка дурацкая…») — Ну, как там всё в Дании?

— Н-ничего так.

— Скажи, Ленок, ты хорошо развлекаешься?

Я злорадно хмыкаю.

— Ага, на всю катушку, — уныло бормочет Лена.

— Молодец, — хвалит её Сиротина. — А как там наш Алексей Михайлович?

Ларионова скрежещет зубами и косится на меня. Я изображаю мимикой, что Сиротиной поклон до земли и, вообще, жизнь — прекрасная штука.

— А я тебе как раз насчёт Андреева и звоню, — у Ларионовой даже голос окреп. — Тань, Алексей

Михайлович хочет со мной отдельную встречу провести.

— Ну, так проведи с ним встречу, —Таня бессердечно смеётся.

— У себя в номере, — скользнув по мне ястребиным взглядом, уточняет Лена.

— А тебе у себя сподручней, да?

«Нет, Сиротина всё-таки редкостная стерва. Но — с элементами остроумия. Может, оставить её в “Systems One” как придворного клоуна?»

— Тань, да ты что такое говоришь? — Ларионова страдальчески морщится и, кажется, пытается пустить слезу. Я тут же трогаю её за плечо и качаю головой: не смей эксперимент портить.

— Ленок, — пользуясь образовавшейся паузой, Сиротина театрально вздыхает. — Я конечно, понимаю, что ты у нас Мисс Вселенная, но поверь моему богатому опыту: мужчины иногда по работе проводят встречи с женщинами. В своём номере. Тем более, что у Алексея Михайловича не твой однобедный[7] сьют с видом на внутренний дворик, а настоящий business-suite с офисом. И Лё… Алексей Михайлович действительно там работает. И даже проводит совещания. Сегодня

---

[7] Примечания: 7

От англ. one-bed — одна кровать. Так называется одноместный номер.

днем, например, пока ты болталась по городу, он встречался с Эрлихом и с Элен Паркинссон. Или ты считаешь, что он там с Эрлихом спозаранку на двоих порол Элен?

Элен Паркинссон было пятьдесят пять. Эрлиху — шестьдесят два. Представить наше трио в разгар половых утех было, мягко говоря, затруднительно. Я фыркнул и отвернулся. Ларионова помотала головой:

— Нет, я так не считаю.

— Вот именно! — подчеркнула Таня. — Видишь, Ленок, — в заключении назидательно добавила «душка»-Сиротина, — это у них там харассмент[8]. А здесь ты, как миленькая, пойдешь в номер к начальнику. Да ещё и поблагодаришь за приглашение. И — оказанное тебе доверие. До-ве-ри-е. *Слышь*, Ленок? Ну всё, удачи. И не благодари меня за добрый совет.

Таня отключается, а Ларионова растерянно прячет мобильный в карман.

— Ну, как, подруга Таня тебе очень помогла? Не зря ей духи купила? А самолетик кому, Сычу или тоже Сиротиной?

Ларионова скользит по мне ненавидящим

[8] Примечания: 8

От англ. harassment — сексуальное домогательство на работе (обычно со стороны начальника по отношению к подчиненной).

взглядом. В принципе, и такой взгляд меня бесит, но в нём хотя бы нет прежней безысходности.

— Ну так что? — подбадриваю её я.

— Вы про «Сыча» ВладимВадимычу скажете? — шепчет Лена.

— Нет. Я буду нем, как рыбы, — обещаю я.

— А почему как «рыбы»? — моментально реагирует она.

— Ни по чему. Так как насчёт моего вопроса?

— Да, я приду к вам в номер.

— Молодец, Ларионова. Ну всё, отдыхай. Или к вечеринке готовься. Кстати, не хочешь оставить мне один танец в качестве благодарности?

— А вы что, идёте с нами на коктейль-party? — Ошарашенная Лена чуть не падает на лавочку. Я весело киваю и, насвистывая «maybe, maybe…», готовлюсь отойти, когда слышу:

— Алексей Михайлович, я на фуршет не пойду. Я себя плохо чувствую. И у меня нет подходящего платья, и я…

— Ах да, — я оборачиваюсь. — Совсем забыл. Это — моё второе условие.

Дружелюбно похлопал её по плечу, развернулся, пошёл досматривать конференцию.».

Глава 5. Kungelei

«Схватка бульдогов под ковром — ничего не видно, только время от времени вываливается загрызенный насмерть бульдог».

((с) Стефан Киселевский).

28.

«Я его ненавижу. Я его презираю. Он меня подавляет. Почему? Потому что я — женщина, которая… боится мужчин? Да, я могу обжечь словами, как раскалённая плита, но в очень редких случаях. Я никогда не была беспощадной и опасной, сильной и независимой. Нет у меня ни гипнотических глаз, ни хрипловатого голоса, который проникает в душу. Нет самоуверенности. И мне небезразлично мнение других людей обо мне. Я не знаю себе цену, и я очень нуждаюсь в хороших словах и чужих оценках. В моём доме всегда главенствовал папа, потом отчим. Когда отчим умер, контроль перешёл к маме, от неё — сразу к Максу Сафронову. С Максом мы редко ссорились, но даже если такое случалось, то я припасала свой гнев для выяснения отношений

только наедине. Потому что я не умею владеть собой. И на моём лице всегда заметно и замешательство, и волнение. По большому счёту, я не знаю, чего я вообще стою. У меня есть только одно хорошее качество: умение не забывать добра, однажды мне оказанного.

Именно поэтому я влезла в схему «отмыва» денег. В «Ирбис» меня устроил Кристенссен. Сиротиной был нужен кто-то в помощь, а моё резюме висело на ленте в отделе кадров «Systems One». Кристоф лично побеседовал со мной, а потом порекомендовал меня в «Ирбис». Почему — я не знаю. Но я была благодарна ему за то, что он дал мне место и возможность самостоятельно сделать карьеру. И я отрабатывала за это, как могла. Ну и что мне теперь делать? Сказать об этом Андрееву? Но тогда я подставлю Кристофа. Валить всё на Таню? Но у Сиротиной и так уже проблемы с Сычом, который хочет избавиться от неё и взять на её место кого-нибудь помоложе. Так что же мне делать?

Я хочу сбежать домой. Хочу, чтобы Макс был рядом. А может, мне просто позвонить маме? Она — мудрая, она любит меня. Она много читает. И иногда мне кажется, что моя мама говорит не от себя, а из прочитанных ею историй. И тут в моей

голове всплывает одна сказанная мамой фраза. Правда, мама соотнесла её с недавним подарком Макса, принесшего мне на нашу годовщину традиционный букет глянцево-розовых роз. «Знаешь, Лена, — мама задумчиво тронула шипы на самом красивом и самом розовом цветке. — Есть такой растение, чертополох. Огромный и колючий. Считается символом ноября. Но важно даже не это, а то, что у чертополоха есть аромат, который мало кто замечает. Он пахнет, как дурманящая весенняя ночь. Вот и ты у меня такая же... К тебе никогда не подходил розовый цвет. И однажды ты это поймешь, когда встретишь мужчину, которого полюбишь ты, и который полюбит тебя всем сердцем, со всей заботой».

Мужчина, который меня любит — это Макс. А Андреев меня просто хочет. Как, наверное, хотел в детстве заводной вертолётик. Чтобы поиграть, разломать и выбросить. Ну, зачем я ему? Чтобы воспользоваться моей промашкой и переспать со мной? Или чтобы широким бреднем прочесать нашу с Таней «работу» и получить очередной бонус? Оборачиваюсь. Андреев торопливо докуривает у входа в «Марриотт», кидая на меня исподлобья короткие, быстрые взгляды. Проверяет, жива ли я, стою ли я на ногах или уже

их раздвинула? Ну нет, чего-чего, а этого он не получит. И я в первый раз не прячусь от него, не отвожу взгляда. Я даже улыбаюсь ему. Андреев моргнул и уставился на меня. Это невыносимо, но я заставляю себя смотреть на него. И, кажется, я победила, потому что впервые с момента нашего знакомства он первым отводит глаза, отворачивается и уходит. А я бессильно опускаюсь на лавочку. Покрутила в пальцах телефон. Хотела позвонить Максу, но от него, оказывается, уже пришёл ответ: «Лен, я у заказчика. Извини, что сразу не ответил. Но я очень занят, и перезвоню тебе завтра.» И тут до меня доходит смысл маминых иносказаний. «К чёрту розовый цвет. К чёрту мой вечный страх — я должна уметь защищаться.» Я зло тру глаза, и слёзы высыхают. А в моей голове возникает идея, не скажу, что хорошая, но — многообещающая.

Выждав пять минут и собрав все мысли в один проект, возвращаюсь в конференц-центр. Прежде чем сесть в кресло, ищу взглядом Аверину. Киваю ей, прошу Ваню и Мишу поменяться со мной местами, и таким вот ловким маневром оказываюсь по правую руку Светы.

— Лен, что-то случилось? — спрашивает Янина. Она сидит по левую руку от Авериной и смотрит

на меня с неприятным любопытством. Как тогда, на выпускном, когда нашла меня в пустом школьном классе и пообещала ничего не говорить моей бедной маме…

— Ничего, Яночка, ничего. Мне просто нужно кое-что обсудить со Светой. Не обижайся, но у нас свой разговор.

— Ладно, — раздосадованная Яна резко отодвигается. Аверина, сообразив, что я недаром затеяла этот интимный девичник, наклоняется к моему уху:

— Лен, Андреев что хотел?

Скорость, с которой задан этот вопрос, даже не удивляет.

— Твой Андреев идёт на нашу вечеринку и хочет потанцевать со мной, — выдаю я «на голубом глазу». Аверина хлопает ресницами.

— Он… что, прости? — не верит она.

— Шучу, — я трогаю её дрогнувшую руку. — Я имела в виду, что твой Алексей Михайлович был так добр предупредить меня, что он очень недоволен моими слайдами, которые я готовила для круглого стола. Так что мне придётся переделывать всю презентацию буквально в авральном режиме.

— Тебе помочь? — Иногда Света чрезвычайна

добра.

— Нет. Но мне будет нужно пораньше сбежать с вечернего фуршета.

— А может, тогда тебе в вообще ресторан не ходить? — невинно предлагает Света.

«Суперидея. Жаль, что Андреев против.»

— Не получится. Мне и так кажется, что твой Алексей Михайлович мечтает меня подставить.

— Да ладно, ему-то это зачем? — Аверина мне не верит.

— Откуда я знаю? — Вру я и перехожу к правде. — Но фуршет организовал Кристоф, и я должна быть там. Поэтому единственный для меня выход вовремя подготовить слайды — это тихо смыться из ресторана. Ты не могла бы в какой-то момент громко сказать, что меня просили позвонить в Москву, после чего я выйду и уже не вернусь?

— А неплохо, — оценив мой «уход по-английски», хвалит меня Света. — А когда именно ты хочешь сбежать?

— Ровно через пять минут после начала, — клянусь я, вспоминаю про 3-D звездопад и скрещиваю пальцы.

— Ясно. — Света кивает. И — оп, чудеса преображения! — передо мной снова искрящаяся, улыбающаяся Светлана. Очевидно, сообразив-

шая, что её фальшь-соперницы на коктейль-party не будет. — Конечно, я тебе помогу, — уверяет она. — Я всё для тебя сделаю...

Я так и осталась сидеть с ней. Немного рассказала про Макса (у него интересные проекты и потрясающие показы). Все остальное время было посвящено сплетням Светы Авериной на тему «жизнь и приключения Алексея Андреева». Оказывается, Алексей Михайлович катается на горных лыжах, для чего постоянно мотается в Швейцарию. «Так вот откуда у него шрам на скуле», — соображаю я, и тут же желаю Андрееву сломать себе на горных перевалах ещё и ноги. Тем временем Света пускается в вязкие воспоминания, как она за ним бегала (то есть, как это он ухаживал за ней). В какой-то момент она заговаривается до того, что, кажется, даже не ждёт от меня никакой реакции. И я, пользуясь её одержимостью (то есть, излишней эмоциональностью) периодически выключаюсь из беседы и проваливаюсь в сон (то есть, прикрыв глаза, слушаю). Через полтора часа конференция и воспоминания Светы заканчиваются. В шесть вечера я, сонная, утомлённая сплетнями, нервотрёпкой и ранним перелётом, мечтаю только об одном: заползти в свой номер и завалиться там спать.

Может, кому-то и повезет — но только не мне, потому что я слышу:

— Русская группа, сюда, сюда, — машет нам Петер, который встречал нас в «Каструп». Он стоит рядом с Кристофом, у кресел первого ряда. Направляюсь к ним, ощущая себя немецкой военнопленной, которую прямо сейчас отправят в Германию на вечные земляные работы. К моменту, как я спустилась вниз, рядом с Петером уже топчутся человек двадцать реселлеров плюс стоит холодный, как айсберг, Кристенссен, и пока ещё странно-трезвый Денис. Андреева, к счастью, не вижу. Жаль, хотела бы я посмотреть на него. Вру. Вообще не хотела бы.

— Ровно через час вас всех ждут внизу, — начинает поскрипывать Кристенссен. — Петер препроводит вас в «Krebsegaarden», где мы снова увидимся.

— Как одеваться? — жеманничает Аверина, стреляя глазами в Петера. Датчанин открыл рот и смущённо захлопал ресницами. Зато Кристоф бросил на Свету ледяной взгляд — точно камнем кинул. Аверина вздрагивает, но не сдаётся: она мило прищуривается. Петер покрывается забавным румянцем. Яна отводит глаза в сторону. Кристенссен отворачивается, забыв отпустить

нас, своих слуг. Мы, как крепостные, фигурально кланяемся в спину уходящему барину. Реселлеры расползаются по номерам. Я тоже иду в свой номер, но — как и Света — с высоко поднятой головой. Потому что у меня есть отличный план, как обставить Андреева».

IV .

«Браво, маркиза, что за луна? Ленива капризна и холодна.

Музыка Штрауса еле слышна, возьмите бокал, я налью вам вина.

Я люблю запах ваших духов, бальные танцы, вино и любовь.

S'il vous plaît, мадам, мой экипаж — там я возьму вас на абордаж. »

(«Агата Кристи»)

«В семь вечера Кристенссен и я садимся в такси. Направляемся в сторону «Krebsegaarden» — небольшой, чисто датской ресторации. К слову, расположен «Krebsegaarden» недалеко от Датского университета, где преподает Магда, профессор русской словесности. Разглядывая город, который я знал так же хорошо, как и её спальню (в которой, я надеюсь, она сейчас и находится, а не пасётся где-нибудь рядом) вяло обсуждаю с Кри-

стофом, как прошёл первый день конференции.

— Мне понравилось твоё выступление, Алексей. Смелое. Креативное, — неохотно замечает он.

«Ага, я это знаю.»

— Спасибо, — тем не менее, бросаю ответную реплику я.

— Ричардссон поддержит тебя на посту нового главы представительства. Ты ему нравишься.

«И это я тоже знаю...»

— Эрлих, думаю, также будет за твою кандидатуру.

«Эрлих? Ну ещё бы. Кстати, надо будет Хелен двадцать девять роз послать — завтра у неё день рождения.»

— Знаешь, сегодня днем мне позвонила Магда, — продолжает дребезжать Кристоф.

— Да? — Я тут же делаю заинтересованные глаза. — Она в ресторан приедет?

— Нет, она дома. Я так велел.

«А вот это отлично. Может, Магде и Кристофу завтра тоже цветы послать, каждому по букету?»

— Магда, оказывается, сегодня встречала тебя в «Каструп»? А вот за родным отцом в аэропорт ни разу не приезжала. — Странно, но Кристоф умеет смеяться. Очередной шок я испытываю, поняв,

что Кристенссен смотрит на меня с искренней теплотой. — Похоже, у вас всё наладилось?

Перестав таращиться на злодея, примерившего маску Оле Лукойе, принимаю вид вежливой немецкой сдержанности:

— У нас всегда всё было нормально, я уже говорил вам.

— Вы с ней сегодня гуляли? — докапывается до меня Кристоф.

— Да, я возил её на залив.

— Она по тебе скучает.

— Я тоже её люблю.

— А ведь ты никогда этого не говорил, Алексей.

Я криво усмехаюсь.

— Обсуждать с вами наши с ней отношения… — начинаю я.

— Да-да. Дурные манеры... Я помню. — Кристоф медленно шевелит пальцами. — Признаться, я рад, что ты правильно воспринял мой совет относительно длинных историй. Ты же знаешь, я всегда желал тебе только добра.

«Как говорит Магда, неправильное построение фразы. Потому что ты всегда желал только добра. Материального. Себе. Точка.»

— Да, я знаю, Кристоф. И я очень благодарен

вам за вашу поддержку.

— Прости, если я задам тебе ещё один вопрос...

«Это когда-нибудь кончится?»

— Да, конечно.

«Мне бы медаль на шею повесить. За мою вежливость.»

— Когда ты собираешься сделать моей дочери предложение?

Бл… scheisse. А вообще-то вопрос на миллион евро. Особенно сейчас, когда я сижу и думаю, как уломать «кошечку» перестать смотреть на меня, как на злого серого волка. Кристоф не сводит с меня проницательных глаз. Пришлось срочно превратиться в потенциального немецкого зятя:

— Вообще-то я думал сделать Магде предложение сразу после разборки с «Ирбис».

— Я так и думал, — загадочно произносит Кристоф.

— Да нет, не в этом дело, — немедленно исправляю я свой невольный прокол. — Я имел в виду, что я не хочу делать Магде предложение на бегу. Пусть сначала пройдет этот саммит. Потом закончится дело с «Ирбис» … Откровенно говоря, у меня были планы взять Магду в Дрезден и там обручиться с ней. Заказать кольцо, ресторан… ну, вы понимаете.

Кристоф успокоено прикрывает глаза. Тонкие губы человека-жабы складываются в очередное подобие монструозной улыбки.

— Понимаю, — журчит он. — Романтика. Удел молодых. Как давно это было.

Он открывает рот, очевидно, готовясь поведать мне нечто из репертуара «не стареют душой ветераны». На всякий случай, перевожу разговор в более безопасное русло:

— Кристоф, расскажите, что вы хотели от меня на вечере в ресторане?

— Ах да, — Кристоф усаживается поглубже, раскладывает на коленях руки. Теперь передо мной уже не заботливый отец своей ледяной дочери, а глава представительства, стратег, воротила, делец, одним словом. — Алексей, я хочу, чтобы ты посмотрел на этих людей, — начинает поскрипывать Кристенссен. — Там будет несколько директоров от наших дистрибуторов. Во-первых, Савельева из «ОilИнформ». Её зовут Янина. Такая, высокая и рыжеволосая… Очень себе на уме, — Кристоф морщится. — Сиротина не смогла через неё проложить мне дорогу к Поручикову, вот и пришлось проводить деньги через «Ирбис». Пожалуйста, присмотрись к ней. — («Ага, эта та девица, что сидела рядом с Авериной и

таращилась на меня», — соображаю я.) — Далее, Денис Матвеев из «Корсы». — («Любитель побухать», — думаю я.) — Этот Денис любит выпить, но его держат, потому что он родственник их генерального. Действуя известным способом, — Кристоф ловко цокает языком, демонстрируя, как выпивают, — у Дениса можно получить любую информацию... И, наконец, ещё одна девочка. — («Ларионова», — думаю я, и моё сердце падает.) — Её зовут Елена. Точнее, Елена Григорьевна. Вот ей удели особенное внимание. Потому что этой девочке в нашей схеме отведена особая роль.

— Какая роль? — навострил уши я.

— Сам завтра увидишь. На круглом столе. Зачем, по-твоему, Ларионову послали на этот саммит? В первый раз удостоили чести выступить с презентацией. — Кристоф оскаливается, показывая фарфоровые зубы и неприятные дёсны.

— Подождите. Так вы хотите сказать, что вы ... — от невольной догадки у меня холодеют пальцы.

— ... да, уже поговорил с её руководством, — заканчивает мою мысль Кристенссен. — Откровенно говоря, мне было жаль её. Ларионова хорошая девочка, у неё хорошая репутация, но, — тут Кристоф равнодушно пожимает плечами,

— но так уж решила её компания. Боссам «Ирбис» видней. И нам с тобой остаётся только следовать их доброй воли.

Такое ощущение, что я оглох. Или ослеп. Или меня окунули в ушат с ледяной водой. Нет, не с водой, а с подлостью — типичной гнусностью дельцов-воротил, имеющих власть и деньги, и рассматривающих своих подчинённых, как особый подвид туповатых домашних животных. Хорошо себя ведут — подкину им кость-бонус. Плохо себя ведут — выкину на улицу. А перестанут быть нужными — и я подставлю их, после чего на освободившееся место возьму кого-нибудь поспокойнее, поновей или попородистей. «Кстати, насчет породы… А неплохая мысль!»

— Кстати, — осторожно начинаю я, — Сиротина мне рассказывала, что у отца Ларионовой есть какие-то связи не то в Газпроме, не то ещё где-то там. У нас с вами не получится нарваться на очень крупные неприятности, если ваша Ларионова вылетит из «Ирбис» с «волчьим билетом» под мышкой?

Кристенссен вонзается зрачками мне в переносицу, пытаясь прочитать, что у меня на уме.

— Магда в курсе этого разговора. Но я пока не рассказывал Магде про наши дела с «Ирбис». — А

вот это я произношу очень тихо.

Кристоф откидывается на сидении. Помолчал. Похрустел пальцами.

— У Ларионовой был отец, который работал в Газпроме, — медленно и неохотно признаётся он. — Пять лет назад он умер. Я наводил справки, когда хотел взять эту девочку на место Сиротиной. Но, — и тут Кристоф равнодушно усмехается, — зачем мне нужен человек, от которого уже не может быть пользы? Именно поэтому я и порекомендовал Ларионову в «Ирбис». Хорошая девочка, хорошая репутация, хорошие профессиональные навыки. Но за неё никто не вступится, если что. — Пауза. Кристоф отворачивается и смотрит в окно. — О, а мы уже подъезжаем. Вообще, «Krebsegaarden» — прекрасный ресторан, очень люблю его. Знаешь, Алексей, много лет назад…

Далее Кристенссен всё-таки посвящает меня в короткую историю своих богомерзких похождений за спиной у Анны, умершей пять лет назад от остановки сердца. А я смотрю на Кристофа, и мне очень хочется сдавить его шею. Медленно. Очень медленно. Или засветить ему между глаз. Или взять и прямо сейчас объявить ему, что я никогда не женюсь на его дочери. И не потому, что я до смерти не хочу этот слабый раствор женщины, а

потому что в Магде превалирует его кровь, кровь Кристофа Кристенссена. Именно поэтому я полгода не мог лечь с ней в одну постель и приберегал настоящую ненависть к Магде до нашего с ней брака. Или — мне взять и открыто сказать, что я просто не позволю подставить девчонку, которая только в том и виновата, что связалась с его шустрой кодлой? Но удар уже нанесён Ларионовой в спину. И точно также он будет нанесён мне. Ибо всё, что ведёт к победе твоей корпорации, честно и удобоваримо. А моя профессия директора по продажам вообще находится в том запредельном месте, где непорядочность в порядке вещей, а обман — достоинство. И этому меня, кстати сказать, много лет назад научил сам Кристенссен.

Да, я был его учеником, когда Кристоф работал в Германии. Это он вычленил меня из ряда безликих менеджеров по продажам, чтобы приблизить и приручить. Вы знаете, как это делается, если вы — босс, а перед вами талантливый и восприимчивый подчиненный, который, в случае чего, прикроет вашу задницу, но никогда не переплюнет вас. Вот только любой исполнитель всегда хочет занять место босса, и думает он об этом ровно в тот самый момент, когда вы свысока посвящаете его в тайны своей профессии. Через

какое-то время вы привыкаете к нему, не можете прожить без него и даже начинаете ему доверять. Здесь-то вас и ждёт удар. Ваш бессловесный исполнитель превращается из шакала в тигра и требует не крошек с барского стола, а свой сочный кусок мяса. Первой ошибкой Кристофа стало, когда он выбрал меня. Второй — когда свел меня с Магдой, попросив «развлечь и погулять с его девочкой, а то она засиделась в двух стенах». Третьей — когда он купил на моё имя акции «OilИнформ». Последней — когда он попытался отобрать у меня и акции, и Магду. Я отомстил Кристофу с его дочерью, как не вернул и часть акций. С тех пор мы с Кристофом стали заклятыми друзьями до конца времён, связав наше будущее в агонии несчастной любви Магды, жгучей ненависти Кристофа ко мне и моего вечного страха перед безденежьем. К слову, я никогда не стеснялся этого страха: это нормально в тридцать три года паниковать, что ты можешь лишиться комфорта, который дают тебе большие деньги. И не просто большие, а очень большие деньги. За это я и платил Кристофу свои тридцать серебряников. А может быть, раньше я никогда всерьёз не стоял перед дилеммой, стать ли мне глупцом, спасая девчонку, или… остаться трусом.

Пока я раздумываю над странностями судьбы и тем, что выбор мной, в общем-то, уже сделан, такси останавливается. Кристоф разглядывает экстерьер «Krebsegaarden», я протягиваю купюру водителю. Глазами ощупываю его (не из нашего ли он офиса?). Убедившись, что это обычный датский служащий системного такси, указываю глазами на счётчик и приказываю ждать меня. Не замечая моих ужимок, Кристоф благосклонно кивает, я выпрыгиваю из машины, обхожу автомобиль и распахиваю дверь барину.

— Ну что ж, Кристоф, — говорю я. — Пойдемте смотреть на *наших* дистрибуторов…

Из сентябрьской прохлады шумной датской улицы мы перемещаемся в тёплый и полутёмный зал. Мягкое освещение, хром, латунь, традиционное для датчан тёмное дерево. Тихая, вполне пристойная музыка. Стоя на верхней ступени лестницы, наблюдаю, что человек тридцать русских вежливо пьют аперитив и тихо переговариваются. Можно сказать, что ощущение праздника почти удалось. И оно бы совсем получилось, если б не два фактора: первый — половина присутствующих хочет спать. Второй: я, давно защищенный броней из уверенности в своей избранности, очень быстро осознаю, что

мой панцирь — мифический. Потому что Ларионова стоит ко мне в пол-оборота и упорно меня игнорирует.

— Goddag, — дребезжит Кристенссен.

— Здравствуйте, — киваю присутствующим и я. В ответ — нестройный гул голосов и любопытные взгляды. Кто-то нервно прячет бокал, кто-то салютует и изображает необыкновенную радость при виде меня и Кристофа. А что Ларионова? А эта змея, делая ловкий маневр, прячется за Аверину. А моя бывшая, вместо того, чтобы бросать на меня призывные взгляды сирены, ни с того, ни с сего разворачивается ко мне спиной, перекрывая вид на Лену. «Не понял…» Я даже моргнул, что случалось со мной только в минуты растерянности. И тут до меня доходит, что Аверина и Ларионова очень неплохо спелись и даже успели состряпать против меня небольшой заговор, в то самое время, когда я, добрый товарищ и старший друг, принял решение тащить Ларионову из выгребной ямы, в которую она угодила. Причем сюжет мятежа, видимо, принадлежат Ларионовой. А Авериной, очевидно, отводится роль скорой пионерской помощи. «Так, ну и кто тут ещё против меня?» Прохожу в зал, оглядываюсь. Отмечаю ту самую Савельеву, которая стоит в сторонке и мажет по

мне взглядом. Впрочем, похоже, эта рыжая не в игре. А кто в игре? Мой взгляд отлавливает Дениса. Но мальчик-поддавала, вместо того, чтобы уже упиться в хлам или броситься ко мне с визиткой, похотливо таращится на Ларионову, причем смотрит ей в область задн… дас ист, спины, куда (к моему изумлению) успели уткнуться ещё две пары глаз её «киндеров». А собственно, что там такого у Елены Григорьевны? Плакат «Help, Андреев!»? Или белые крылья ангела, спустившегося на нашу грешную землю, чтобы вывалиться в нашем же корпоративном дерьме? Делая вид, что иду к барной стойке, пробираюсь за спину Лены. В это время Петер Йенс приглушает музыку и провозглашает на смешном и ломанном русском, что Кристоф хочет сказать пару слов всем здесь присутствующим. Пока гости фуршета послушным стадом благочинно собираются вокруг Кристенссена (а тот откашливается, готовясь в очередной раз толкнуть речь про дружбу и мир на корпоративных полях общей битвы за бабки), пристраиваюсь к стойке. Обшариваю взглядом лопатки Лены — и замираю.

Это было нечто. Гладкий, шёлковый, снежно-белый, изящный, манящий к себе изгиб женской спины, открытой ниже талии, обвитой серым

шифоном платья, — и две влекущие ямочки. Те самые ямочки, которые смотрятся на женских бёдрах, как вишенки на торте. У меня даже глаза запотели. Интересно, тут в ресторане есть тёмный уголок, который сдают в таких случаях? Я бы выложил годовую зарплату, чтобы сейчас затащить Ларионову туда. Нет, две. Вру. Ничего я не выложу, потому что Ларионова мне в руки не пойдет, а любой мой демарш воспримет как попытку открытой агрессии. А значит, мой предыдущий план увлечь её в танце в разговор про то, что её «слили» в «Ирбис», заранее обречен на провал. Ну и что же мне теперь делать, как подцепить её? И тут мне в голову приходит одна мысль. Не скажу, что хорошая, но — талантливая.

Мысленно поблагодарил Сиротину («и всё равно выкину её на улицу пинком под зад».) Пока Кристоф усыплял всеобщую бдительность, наклонился к бармену. Прошу сделать два коктейля. Один — томатный сок с водкой. Другой — «мартини» с соком. А теперь главное обстрянать всё очень быстро. Отставлю свой виски, иду к сладкой парочке Аверина&Ларионова. И, надо сказать, как раз вовремя иду, потому что вышколенная обслуга «Krebsegaarden» хватает подносы и начинает разносить шампанское для гостей.

— Света, Лена, девочки, разрешите за вами поухаживать, — голосом старика-развратника пою я. Аверина радостно оборачивается. Ларионова холодно косится на меня из-за плеча и начинает пятиться.

— Алексей Михайлович, — восторженно шепчет Света, — ты… вы не забыли, что я не люблю шампанское, а предпочитаю…

— … томатный сок с водкой. Да, — говорю я, — я помню.

Протягиваю бокалы. Аверина с улыбкой подхватывает свой. Ларионова подозрительно смотрит в другой стакан.

— Лен, там только апельсиновый сок со льдом, — неприязненно бросаю я. Но, судя по глазам Ларионовой, она мне не очень верит.

— Ах, подождите. Я же свой бокал забыл, — хлопаю себя по лбу, хватаю со стойки первый попавшийся мне стакан (кажется, «баккарди»). — Ну, девочки, за здоровье. И — за твою презентацию на круглом столе, Лена, — с значением говорю я, а сам думаю: «Вот только попробуй сейчас не выпить со мной. А не выпьешь — залью в тебя силой. К тому же порция алкоголя там маленькая, только на “уложить младенца спать”, а не тебя, взрослую ба… женщину. А когда вы-

пьешь, расслабишься и перестанешь шарахаться от меня, то мы поговорим о “подставе”.» Прочитав в моих глазах обещание прилюдно надрать ей зад в случае отказа от брудершафта, Ларионова вздыхает, точно у неё сегодня последний ужин с семейством Борджиа. Неохотно подносит сок с «мартини» к губам. Тянет носом, мгновение — и у неё распахиваются глаза.

— Нет, я такое не буду, я… — начинает она.

— Что такое? — Поймав её взгляд, как в ловушку, сунул «баккарди» Авериной и, пока Светка хлопала глазами, перехватил руку Лены. Направляю её стакан к её губам. А другую свою ладонь завожу ей на талию. Пользуясь тем, что её зад… d.h.[9], её бэкофис прикрывает барная стойка, прижимаю руку к тому самому месту, где талия переходит в плавный изгиб бёдер. После чего расчётливо заезжаю пальцем за кромку шифона и поглаживаю место, увенчанное ямочками. Это прикосновение — одно из лучших ощущений, которые я когда-либо испытывал. И Ларионова тоже, судя по всему: она открывает рот, как рыбка, вытащенная из воды, покрывается алым румянцем и выкатывает на меня потрясённые глаза.

---

[9] Примечания: 9
Сокр. от нем. das heißt — «то есть».

— Вы… вы… — ахает она.

— Тихо. Пей лучше! — Я непринужденно смеюсь, надавливаю пальцем на ямочку, что вызывает на атласной спине Ларионовой миллион бойких мурашек, после чего аккуратно заливаю в рот Лены остатки того коктейля, который стоило бы назвать не «мартини» с соком, а «одна из самых гадких проделок Алексея Андреева».

— Я… мне же пить нельзя, — кашляет Ларионова.

— Правда? — фальшиво соболезную я. — Но тут же совсем мало. — Ларионова чуть не падает. — Ах, какая неприятность, — продолжаю я, поглаживая её спинку. — Бармен, видимо, что-то не так понял. Я-то просил один с чистым соком для тебя. А что, тебе действительно пить нельзя?

Ларионова с убитым видом кивает. Аверина уставилась на неё, потом перевела взор на меня. Со стуком отставила бокалы на поднос подлетевшего к ней официанта и уперла руки в бока.

— Алексей, ты что задумал? — шипит этот питерский аргус в юбке.

— Ничего, ничего. Мне надо на свежий воздух, — шепчет моя жертва в шифоне.

— Лен, я с тобой! — Аверина кидает на меня выразительный взгляд («ну и сволочь ты, Лёша!») и

помогает Ларионовой пройти через зал к выходу. Краем глаз замечаю, что с ними увязывается и та, рыжая …

А теперь последняя комбинация. Самая наглая и абсолютно честная. Я иду к Кристенссену, кивком головы отзываю его в сторону. Кристоф, ошарашенный моим амикошонством, невольно подчиняется и делает шаг ко мне. Потом соображает, что, вообще-то, хозяин тут он, и цепенеет.

— У меня неприятности, — пока он не пришёл в себя, быстро говорю я ему. — Во-первых, здесь Аверина. Не знаю, кто придумал пригласить её на эту конференцию, — ехидно смотрю на Кристофа, — но лично у меня нет полной уверенности, что Светлана Юрьевна правильно восприняла мой разговор с ней по поводу нашей истории. Скандал не уместен, и я бы предпочёл уйти сейчас, исчезнув быстро и тихо. Вы не будете возражать? — Кристоф теряет дар речи. — Во-вторых, — штурмом беру я эту ледяную горку, — есть проблемы с вашей Еленой Григорьевной. Я всучил ей бокал с «мартини». Проявил вежливость. А она выпила. Сейчас она на улице, и, кажется, ей действительно плохо. Собственно, вот и мой предлог, чтобы уйти. Отвезу её в гостиницу. Остаётся вопрос, как мне убрать Аверину, которая может потащиться

следом за мной? — У Кристенссена мелко дрожит нижнее веко. — Идиотская история, — фальшиво соглашаюсь я. — Впрочем, могу остаться здесь и посмотреть, чем всё это закончится.

— Скажи этой… Светлане, что я жду её здесь. Скажи, я хочу поговорить с ней о продажах в питерском офисе. Прямо сейчас скажи, — медленно шелестит Кристенссен. — Мне нужна «Ирбис». Ты нужен Магде. Всё, ступай. Делай.

Если бы не серьёзность ситуации, я бы расхохотался. Я, трус и врун, сказал Кристофу правду, а он сам снял штаны и наклонился. Исчез мой вечный палач. Спёкся мой гениальный мучитель. Посмотрев в глаза Кристофу, я искренне сказал ему:

— Спасибо за доверие. Да, и что передать Магде? Сегодня я собирался к ней в Брондбю. Вы возражать не будете?

Кристоф смотрит на меня. Шевелит пальцами.

— Передай, что я очень люблю её, — произносит он. — А ещё мои пожелания вам обоим прекрасно провести время.

Пожимаю Кристофу руку, последний раз обвожу глазами зал «Krebsegaarden». Вот мои личные декорации kungelei — схватки двух бульдогов под ковром. Безупречно сыгранная пьеса ради

той, что никогда не узнает, почему я пошёл на это. Кивнул всем. Извинился за то, что не смог остаться. Покровительственно похлопал по плечу Дениса, бросившегося ко мне с визиткой. Заглянул в гардероб, прихватил с вешалки единственный серый жакет, вышел на улицу. Углядел у фонарного столба несчастную Ларионову, подпрыгивающую возле неё Аверину и стоявшую рядом Савельеву. Подошёл к этой троице, набросил жакет на плечи мелко дрожащей Лене:

— Лен, твоё?

Ларионова кивнула и вцепилась в рукава куртки.

— Лёш, что происходит? — отгоняя взглядом рыжую, очень тихо и очень зло спрашивает Аверина. Но Савельева, судя по всему, никуда не собирается. Стоит, оттопырив нижнюю губу, уши поставила домиком и донимает меня этим своим жадным сверлящим взором.

— Извините, а мы не могли бы поговорить без вас? — спрашиваю у неё я уже без всяких экивоков на вежливость. Савельева вспыхнула, отошла, но продолжает смотреть на меня.

— Лёш, это было грубо, — шипит Аверина.

— Ты по поводу этой дамы? — изогнул я бровь.

— Нет, я по поводу Лены. Ты хоть понимаешь,

что ты наделал? Если ей действительно нельзя пить, то…

— Свет, во-первых, я не люблю подобных замечаний, отпущенных в мой адрес. Во-вторых, я сейчас отвезу в гостиницу твою Ларионову, и, если ей действительно так плохо, как ты мне тут рассказываешь, то я первым делом отправлю к ней врача по своей личной страховке. И в-третьих, ты сейчас пойдешь к Кристофу, потому что он ждет тебя.

У Светы моментально испуганно округляются глаза:

— Лёш, зачем я ему?

— Ну, мне он сказал, что хочет обсудить с тобой продажи в питерском офисе. Не бойся, иди, — подталкиваю Свету в сторону ресторана. — Да, и позволь *мне* дать тебе один совет. Постарайся обворожить его. У тебя получится.

— Откуда ты знаешь? — ворчит Аверина.

— А у меня опыт был, — поддразнил её я. На лице у моей «экс» моментально расцветает улыбка, когда-то давно меня пленившая.

— Вот прямо так, да? — заговорщицки шепчет Света.

— Именно так, — киваю я. — Всё, иди.

Аверина послушно упархивает в ресторан.

Савельева остается стоять и навязчиво на меня пялиться. «А, плевать... Она-то мне что сделает?» Подозвал такси, усадил Ларионову на заднее сидение. Сам сел рядом:

— «Марриотт», Эресунн.

Ларионова пытается сфокусировать на мне взгляд.

— Вы... мы что делаем? — с трудом произносит она.

— Ничего. Я везу тебя в гостиницу. Сиди и дыши в окошко.

— А п-потом?

— А потом будет литр кофе для тебя и разговор по душам для меня. Дальше по обстоятельствам.

Ларионова послушно кивает и подставляет лицо струям воздуха, льющимся из приоткрытого для неё окна. Я откидываюсь на сидении. Закрыл глаза, прижал к подголовнику ноющий затылок. «Как же я устал, — думаю. — Как же мне надоело пробивать стены, искать подход к тебе, корчить из себя попеременно то злодея, то принца, а в итоге, поддавшись на твой провокационный вид, решить спасти тебя. Трахнуть бы тебя сначала, а потом разговаривать по итогам нашего раза. Но шантаж — это грязно, а фальшивый оргазм в благодарность — не мой способ получать удо-

вольствие.»

— Ик. А мне нравится в Дании!

Я моргнул. Медленно поворачиваюсь к Ларионовой. А она, оказывается, уже успела вцепиться в кресло водителя, подтянуться вверх, подвернуть под себя ногу на двенадцатисантиметровом каблуке и даже прижать к окошку свой любопытный конопатый нос.

— Лен, что, прости? — не веря своим глазам, спрашиваю.

— Мне-ик нра-нравится в Дании. У-ух, ба-башня. Нет, их там две. Ра-рАтуши. Или ратУши? Я про ик-них читала, — Ларионова хихикает. Пока я прихожу в себя от этой новой Лены, Ларионова отцепляется от сидения, и, потеряв равновесие, заваливается на меня. Заливается жизнерадостным смехом, после чего хватает меня за руку. И, едва не вырвав мне из предплечья сустав, тянет меня к окошку:

— Да п-смотри ты сам-ик! Что ты сидишь, как бука?

Я снова моргнул. Перехватил в зеркало заднего вида такой же озадаченный взгляд таксиста. Не выдержал — и расхохотался. Жаль, конечно, что я подпоил её, но «датая» Лена — это нечто. Сидит, таращится в окно, неунывающе улыбается. Что-

то напевает себе под нос и даже поглаживает моё запястье. Она нереально забавная и трогательная в этой своей непосредственности. Спрятав улыбку (облокотился на спинку сидения и прижал к губам указательный палец свободной руки), стал ждать продолжения. А Ларионовой, видимо, приходит в голову передо мной исповедаться.

— Ты-ик не думай, — сурово сдвинув брови, сообщает она мне. — Я-ик видела твоё вы-выступление. Супер ты выступаешь. А лопата от-куда-ик?

— Лопата? А в гостинице взял.

— А-а. Ну, тогда ты *ваще* м-молодец, — уважительно говорит Ларионова и поглаживает моё колено. — Жаль только, что ты бабник-ик.

Пауза.

— Ч-что? — ахнул я.

— Ну, ты ба-абник, — терпеливо объясняет мне Лена. — А я измен не приму. И мой Макс это знает.

— Так. Стоп. К чёрту твоего Макса. — Я тру лоб, пытаясь осмыслить сказанное. — Лен, скажи, ты поэтому от меня всё время бегала?

— И-гы. Ик. Ска-ажи, а я тебе очень нравлюсь? — Она заговорщицки подмигивает мне.

— Не поверишь — безумно, — мрачно отвечаю

ей я.

— Че-честно? — искренне радуется Лена.

— Честно. Особенно, когда выпьешь. А теперь сядь ровно и отпусти мою ногу.

— Я вообще не пью-ик! Это ты подпоил меня, Але-сей Ми-хал-ик-ич, — укоряет она меня.

— Да ладно, там было-то всего ничего. Лен, скажи, тебе очень плохо, раз ты такое несёшь, а? Завтра ведь от стыда сгоришь.

— Не-а, — улыбается она. — Я тебя больше не б-боюсь. У меня ко-колючки.

В безумстве пьяных всегда есть своя логика и одна исключительная мысль, рожденная ещё в трезвой, не одурманенной алкоголем, голове. Главное, уметь эту мысль вытащить.

— А почему колючки?

— А я чертополох-ик — таинственно сообщает мне она. — Понял те-перь?

— Нет.

— Ну какой же ты тупой! — обижается Лена. — Вот ты-ик когда родился?

— Третьего марта, — помедлив, говорю я. — А что?

— А-а, ну вот видишь. Ты-ж-ик Рыбы, — радуется Ларионова и бьёт меня по лбу, чуть-чуть не выбив мне глаз.

— Лен, осторожней!

А она смеётся:

— «Буду нем как ры-бы». Теперь ясно, *пчму* у тебя такие глаза.

— Какие «такие»? — Трижды пожалев, что решил собрать весь этот нетрезвый паззл вместе, я пытаюсь усадить её прямо.

— Ну, та-такие. П-прозрачные. Как вода. А ещё ты па-пахнешь осенью. А я чертополох. И я папахну весной. По-понимаешь теперь, почему нас друг к другу тянет?

— Чего?

— Тихо! *Щас* тебе докажу. — И тут Ларионова, очертя пьяной головой полный круг, бросается мне на шею и прижимается губами к моему рту.

— Лен… Лена... Прекрати.

— Ш-ш-ик. От-открой рот, — весело требует Ларионова.

— Лен… да ё ты моё… Лен... Ларионова!

Но Ларионова, хохоча, ловко просовывает мне в рот кончик розового языка с привкусом «мартини». После краткой битвы за её нравственность и свои принципы, наплевал на всё и позволил Ларионовой делать то, что ей хочется. И Ларионова начинает упоённо целоваться со мной. Нацеловавшись вдоволь, удовлетворённо вздохнула,

сползла по сидению вниз и по-свойски уложила свою взлохмаченную голову в изгиб моего локтя.

— Ты мне п-правда нра-нравишься, — шепчет она. — И, хотя ты первый, кого я сама хо-хочу, у меня Макс есть.

Тяжело дыша, смотрю на неё. А она закрывает глазки и приваливается к моему плечу. Хотел отодвинуться от неё, но вздохнул, накрыл ладонью её разведённые ноги, пряча голые коленки от нескромного взгляда водителя.

— Ты ик-чего? — всхлипнула она.

— Ничего. Спи.

Она послушно задышала мне в шею. А я смотрел в окно на проплывающие мимо меня улицы, фонари, белые дома Копенгагена и ничего больше не чувствовал к этой девочке — ничего, кроме оглушительной ревности к тому, кого выбрала она, и пронзительной, грустной, нелепой, смешной, непостижимой нежности.

Полчаса спустя, побывав во всех пробках города, подъезжаем к гостинице. Передал водителю плату за проезд, вышел из машины. Открыл дверь, наклонился, чтобы взять Лену на руки. И увидел два злых, упёртых в меня кошачьих зрачка.

— Лен? — недоверчиво зову её я. — Ты что?

— Вы… вы что себе позволяете? — фурией шипит она. — Вы, здесь, со мной, в машине… вы же меня целовали!

— Вообще-то это ты первой начала, — протягиваю ей руку. — Пойдём, я провожу тебя в твой номер.

— Никуда я вами не пойду, — Ларионова запахивается в жакет и воинственно кладёт ногу на ногу.

«Так, похоже над нашим коротким перемирием пролетела птица обломинго.»

— Лен, — оглядываюсь вокруг, — не устраивай тут сцен.

— Повторяю. Я. С вами. Никуда. Не пойду. Ик… Ой, мамочки! — Ларионова испуганно прикрывает ладонью рот и заливается краской.

— Лен, — вздыхаю я. — Я очень устал. Ты поддатая. Вокруг тротуарная плитка. Для нерезидентов медицина в Дании стоит дорого. Не правильно поставишь свой каблук и привет. Ну, зачем нам всё это? Ну давай, будь паинькой, хотя бы ради разнообразия. Пошли в гостиницу. Ты проспишься. Я отдохну. А утром мы поговорим на свежую голову, потому что есть одно важное дело, и я…

— А у меня тоже есть важное дело, — заявляет Ларионова. — Во-первых, спасибо за бесплатный

проезд. А, во-вторых, до свидания.

«Ах ты…» Наплевав на манеры, хватаю Лену за руку и сдёргиваю с сидения. Поставил на ноги, встряхнул, упёрся взглядом в её глаза, злые и трусливые:

— Значит так, Ларионова, непредсказуемая ты моя, послушай меня внимательно. Я увез тебя в гостиницу, потому что мне… короче, я свалял дурака. Да, мне жаль, что я подпоил тебя. Но я никак не рассчитывал, что тебе так вштырит от пятидесяти грамм «мартини». Завтра я извинюсь перед тобой, и ты меня выслушаешь. А в настоящий момент времени всё, о чём я тебя прошу — это взять меня под руку и позволить мне проводить тебя в твой номер. Это всё.

Пока Ларионова хлопает ресницами, я завожу её на крыльцо. Лена что-то бормочет, но ногами передвигает. Таким образом мы с ней и попадаем в зону ресепшен.

Перед нами тут же возникает датская консьержка — мисс «Сама Услужливость».

— God aften, — с чарующей вежливостью здоровается она.

— God aften, — отвечаю я. Ларионова молчит. — Лен, скажи тёте здравствуй, — смеюсь я и дёргаю Лену за руку. И тут Ларионова вместо того,

что ответить консьержке простейшее датское «god aften» или, на худой конец, универсальное английское «hello», медовым голосом поёт на чистом датском:

— God aften. Hvor er de toiletter? («Здравствуйте, а где тут дамская комната?»)

«Та-ак… Сиротина, защищающая свой периметр, всё-таки меня “сделала”. А что касается Ларионовой…» И тут я замечаю, что служащая показывает рукой в холл, типа, девочкам направо, и Ларионова начинает пятиться в сторону туалета. Перехватываю её за талию:

— Лен, ты далеко на каблуках собралась?

— Не ваше дело, — дерзит мне она.

«Ах так? Ладно, зайдём по-другому.»

— Лен, ты хочешь писать или ты решила от меня сбежать? Там лестница вообще-то.

— А это-ик, — задыхается Ларионова, — это было ик-грубо! Вы, кстати, вести себя не умеете!

— Кто, я? — Вот теперь я точно злюсь. Вернее, не злюсь, а чувствую себя идиотом, которого отчитывает ещё пять минут назад провоцировавшая меня девчонка. — Лен, полегче. Выбирай выражения, я не твой Макс. И не твои мальчики.

Ларионова растерянно хлопает глазами:

— А откуда вы-ик узнаете по Максима?

— Ты мне в такси говорила. Теперь мой вопрос: какой у тебя номер?

— Одноместный, — глядя в сторону, огрызается она.

Я даже зрачки сузил.

— Одноместный? А знаешь, мне подойдет … Я тебя спрашиваю, цифры какие?

— Не скажу-ик.

— Не скажешь? — Она молчит. — Не скажешь, ну и не надо. — Поворачиваюсь к консьержке. — Будьте любезны ключи от моего бизнес-сьюта. — Эту фразу я произношу по-немецки. Ларионова моментально настраивает свои уши-локаторы. «Так она и немецкий знает?» Про причину вранья стервы-Сиротиной мне, впрочем, давно всё ясно, а вот Ларионова, оказывается, девочка с двойным дном. Мало того, что в «Каструп» преспокойно прослушала наш бесценный диалог с Магдой, так ещё и сделала выводы обо мне. Причём, самые нелестные выводы. Отсюда и наигранное безразличие, и виляние задницей перед походом на Строгет, и шуточки про Музей эротики, и сопротивление на конференции, и даже последующий заговор в ресторане. Нет слов. Интересно, а в такси тогда что было? Завлекательная сцена, специально разыгранная для меня, лопуха? Я

сверлю её глазами. Ларионова вздрагивает и пищит «тридцать три — двадцать шесть». Не отрывая от Ларионовой глаз, перевожу консьержке все цифры на датский. Заодно и сообщаю, что Елене Григорьевне плохо, и я, её добрый коллега, провожаю её до номера. Служащая соболезнует мне красноречивым взглядом и протягивает нам ключи, которые я и перехватываю, пользуясь ростом, шириной плеч и длиной своих пальцев.

— Отдайте мне мой ключ-ик. Немедленно, — икает Ларионова, при этом ухитряясь невинно улыбаться консьержке.

— Ага, разбежалась. Сначала перестань икать, потом научись говорить мне «спасибо» и «пожалуйста». А теперь пошли к лифтам. — Ага, я тут командую.

— Никуда я с вами не пойду, — Лена упирается в пол каблуками. Вцепился ей в руку, как клещ, дотянул и до лифтов. Слава Богу, лифт уже ждёт. И — дважды слава Богу! — в лифте стоит почтенная датская пара пенсионного возраста.

— God aften, — очень вежливо здороваюсь я. Дёргаю Лену за руку.

— God aften… ик, — жалуется Ларионова.

— God aften, — датчане с любопытством прислушиваются к мерному иканию Лены. Я улыбаюсь

скандинавам и поглаживаю Лену по спинке:

— Лен, заканчивай икать.

Ларионова морщится. В итоге вся наша четверка доезжает до третьего этажа. Двери открываются, я прощаюсь с датчанами и желаю им хорошего вечера, а многогранная Лена откалывает ещё один номер: верещит «gå væk fra mig-ик!», что на датском означает «отвяжись от меня». Старички в шоке. У меня даже веко дёргается. Моргнул. И вот тут я взбесился.

— Farvel, — резко поворачиваюсь к паре я. — Vin, slagsml, styrke, — указываю на Ларионову. Пара офигивает прямо на глазах, а Ларионова теряет и икоту, и свой дар речи. Пенсионеры в ужасе сматываются на лифте, а Ларионова готовится зарыдать.

— Что, — прищуриваюсь, — не нравится, когда говорят правду?

— Я не пила вина, не дралась с вами и у меня нет растяжения! — брыкается она.

— Да ну? — Дергаю её за руку и тащу по коридору, попутно разглядывая таблички с номерами комнат.

— Вы что хотите? — вопит Ларионова.

— Заняться твоим воспитанием.

Пока Лена перебирает в голове миллион спо-

собов, как удрать от Алексея Михайловича, мы прибываем к дверям её одноместных апартаментов. Оглядываюсь, и, убедившись, что любопытных глаз нигде нет, вставляю ключ в электронный замок двери. Вталкиваю Лену в прихожую. Ларионова бабочкой отлетает от меня на середину комнаты. Бросил взгляд на её по-детски прибранную кровать, на по-домашнему чистенький номер. Ни одежды на кровати, ни раскрытого чемодана, ни разбросанной косметики. Только пачка бумажных салфеток на столе, а в углу — белые тапочки. Точно ждут её.

— Вчерашняя отличница? — хмыкнул я, запирая дверь.

— Вечный хулиган? — шепчет она и пятится к балкону.

— Специализируешься на отказах? — делаю шаг в комнату.

— Любитель эмоциональных излишеств? — Ларионова начинает грызть губы.

— А, я смотрю, ты протрезвела.

— А я так вижу, вы собираетесь потрахаться?

— Что? — Я даже замер с поднятой ногой. А она усмехается.

— И не смейте на меня орать, — сообщает мне она.

— Я тебя сейчас вообще убью!

Взъерошил волосы, постарался взять себя в руки.

— Лен, немецкий хорошо знаешь? — уже спокойней спрашиваю я. — «Гитлер капут», это как, нормально выдавать в коридоре замглаве представительства?

— А я не знала, кто вы.

— Ага. И именно по этой самой причине ты, на предложение помочь тебе, сказанное в коридоре незнакомцем, попавшим в «Systems One», видимо, тоже по ошибке, — ты решила ответить со всем присущим тебе остроумием. А кстати, что за речи ты вела в такси по поводу, кого к кому тянет? Решила, что круглый стол после поцелуев пройдет веселей, бодрей и качественней? И что же тебя остановило потом? Мысли о женской верности? Или ты просто решила меня завести и подвесить?

Ларионова покрывается красными пятнами. Потом поднимает на меня взгляд — чистый, прямой, честный.

— «Гитлер капут» — это из школьной программы, — очень тихо говорит она. — А для вас персонально fick dich. — Последнее на «неправильном» немецком обозначает направление

движения только в одну сторону. — А в такси ничего не было. Вы мне не нравитесь, ясно? И Макс тут совершенно не при чём. А теперь проваливаете.

Я смотрел на неё секунд десять. Потом дёрнул узел душившего меня галстука.

— Знаешь, Лен, — задушевно начал я, бросая его на кресло. — В детстве я прочитал много хороших книг. Но «Пятидесяти оттенков» среди них не было. Возможно, именно поэтому я на всю жизнь и сохранил любовь к чтению. — Снял пиджак, швырнул его на пуфик.

— Вы… вы что делаете? — ахает Ларионова.

— Так вот, в тех книгах, которые люблю читать я, порой попадаются отличные цитаты. Одну из них я не устаю повторять. А звучит этот афоризм так: «Когда мужчина научится понимать женщину, Сфинкс проснётся и начнёт рассказывать тайны Вселенной под русскую балалайку матом[10]». — Расстегнул манжеты рубашки, сунул запонки в карман брюк.

— Вы к чему это? — бледнеет она.

— К тому, что прелюдия кончилась. А теперь иди сюда.».

---

[10] Примечания: 10
Источник цитаты: Андрей Белянин.

Глава 6. Dastish Fantastish

IV .

«И циничным отказам девушек,
Мой совет: не верь.
Они сползают по стенке,
Как только закроют дверь».
((с) Светлана Булавская).

«Я рванул её на себя и впился ей в губы. Не этим её, полудетским, дразнящим меня поцелуем, которым она изводила меня в такси, а совсем другим. Тем самым, что моментально затянул её в воронку и одновременно отбросил к зеркалу у стены в прихожей. Тем самым, когда женщина ощущает тебя и издаёт первые стоны, вцепляясь тебе в волосы. И Ларионова застонала. Я отпустил её, посмотрел, как она сползает вниз по стене:

— Скажи, ты так хотела?

— Я… Нет. Не знаю, — шепчет она, глядя на меня безумными глазами.

— Не знаешь? — Одной рукой обхватил её затылок, другой скользнул по бедру. Сильно сжал и мягко погладил. — Не знаешь? — Подцепил

резинку её трусов, рванул их вниз. — Не знаешь или играешь? — Ещё один поцелуй и её громкий, жалобный крик, когда я проник в её трусики.

— Нет, — изгибается она. — Нет.

— Нет? Значит, нет, да? А вот я так не думаю.

Ларионова ахает и хватает меня за запястье, невольно делая движение навстречу моей руке.

— Н-не надо, — просит она.

— Не надо? Ладно. Могу и по-другому.

Развернул её спиной к себе, завел её запястья себе на шею. Придержал их ладонью. Другой рукой потянул молнию у неё на груди (кстати, отличное платье: не надо застежки искать). Высвободил из шифона её грудь. Каждую по очереди. Медленно поласкал пальцами, и, продолжая трогать, поглаживать, пощипывать и потягивать, приблизил к её уху губы.

— Стой, — шептал я, — стой вот так. Открой глаза. Видишь, зеркало? Ну, посмотри в него. Это ты. Такая, какой ты мне нравишься. Очень нравишься, Лена... И ты это знаешь, потому что ты тоже мне отвечаешь.

И она увидела себя: пылающую, взъерошенную, с расширенными зрачками. Выброс адреналина был мгновенным. Она издала новый стон, но теперь жаждущий, отчаянный. Добившись её

первого «да», развернул её к себе:

— А теперь смотри на меня.

Как завороженная, Ларионова выполнила и эту мою команду. Ладонями скатил с её плеч бретели. Ткань легла ей на бедра, и я потянул платье вниз. Скользнув по её телу, шифон с тихим шелестом обвился вокруг тонких белых лодыжек.

— Да или нет?

Но Ларионова молчит и руками крест-накрест закрывает грудь. Встал на одно колено, пропустил тонкие кружевные лямки трусов между пальцами и стянул их. Теперь я видел её всю. Дотронуться бы до неё, а она зажмурилась.

— Переступи. — Я развёл для неё её трусики. Ларионова помотала головой. — Мне что, их порвать? — Ларионова всхлипнула и сделала робкий, неуверенный шаг в сторону. — Вот молодец. Теперь второй ногой. Только уцепись за меня. — Опираясь о моё плечо, она делает ещё шажок. — Ты очень красивая. — Поднимаясь, я прошёлся ладонями по её голеням, по внутренней стороне коленей и каждого бедра. Дальнейшее заставило её распахнуть глаза и затаить дыхание: я прикоснулся к ней там, где смыкались её ноги. Её руки в отчаянном протесте вцепились мне в предплечья. Привлёк её к себе, обнял за талию:

— Теперь снимай туфли.

— Что? — ахает она, ощущая между ног провокационное поглаживание. — Нет, я так точно не смогу. Я…

— Сможешь. Снимай туфли. Мы продолжаем.

Пряча глаза, Ларионова попыталась приподняться на цыпочках.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — Я усмехнулся и скользнул пальцами глубже. — Я кому говорю: просто снимай туфли.

Пришлось ей отцепиться от моего запястья. Постанывая, Ларионова кое-как вытащила из замшевой лодочки правую ступню. Не рассчитала перепад между босой и обутой ногой и уселась на мою руку. Выдохнула от ужаса и вскрикнула от пронзившей её тело судороги.

— Дальше, — говорю я, — теперь вторую туфлю. — Лена, извиваясь, выполнила и эту команду. — Умница. А теперь иди в постель.

— Мне… Мне надо в душ.

Стараясь убить её приступ паники, поцеловал её:

— Не надо. Иди в кровать. Я разденусь и приду к тебе.

Прикрываясь руками, Ларионова медленно зашагала к постели. Скидывая одежду, отсекаю

взглядом, что ей по-прежнему не по себе. Казалось, она вообще хотела остаться одна хотя бы на минуту, чтобы всё обдумать или чтобы остановить меня. Подошёл к ней сзади. Губами прошёлся по шее, затылку. Потёрся о её шелковую поясницу. Ларионова ответила коротким стоном и лепетом:

— Мне всё-таки надо в душ.

— Хорошо, — поцеловал её в плечо, — я потом сам тебя вымою.

— Что? — ахнула она в ответ на мою шутку.

— Ничего. Тихо. — Присел позади неё на корточки, попробовал раздвинуть ей ноги. — Ну же, раскройся.

— Не надо, — взмолилась она, зажимаясь от ужаса. — Я… я же уже мокрая.

— Ладно, чуть позже попробуем, — обманчиво-легко согласился я и подтолкнул её к постели. — Давай, ложись на спину.

— Что значит «чуть позже попробуем»? — доносится до меня испуганное. — И что вы вообще собираетесь делать со мной?

Вместо остроумного ответа, пришедшего мне в голову, я просто забросил её на постель. Опустился рядом, придвинулся к ней, раздвинул ей ноги и начал медленно поглаживать её. Теперь она

дрожит и кусает губы.

— Лен, ну хватит, а? Тебе что, восемнадцать лет? — Отвел в сторону её правое колено. — Ну, раздвинь ножки. Шире. Ещё шире. Ещё. — Она всхлипнула, но дрожащие колени всё-таки раскрыла. — Молодец. Хорошая девочка. А теперь выгнись. — Я нажал пальцами. Я ждал стон, но Ларионова понесла ко рту стиснутый кулачок и принялась грызть его. И я изменил позу. Перекатил её поближе к себе, придавил собственным весом её правую руку, перехватил левую и отвел её пальцы подальше от её рта.

— Я хочу тебя слышать. — Я уговаривал её, лаская все те впадины и изгибы, где традиционно проходят резинки трусов и тоненькая ластовица. Я знал, что она испытывает — видел это много раз, у самых разных женщин. Оглушительное сочетание обострённого стыда и нарастающего желания, когда женщина начинает метаться и просить взять её. Только в этот раз всё было по-другому. Потому что к моему желанию подкрадывался страх, что я в первый раз не смогу удовлетворить её.

— Алексей Ми…

— Ну, успокойся.

Шёпот переплетался, как наши тела. Она почти

плакала — я ещё уговаривал. И тут до Лены дошло, что именно я делаю.

— Вы… ты хочешь, чтобы я сама тебя попросила, да? — покусав губы, спросила она.

— Возможно. — Я даже не стал спорить. Она попыталась сбежать. Пришлось придавить её телом и откровенно закинуть её ногу себе на бедро. Электронные часы, мигающие на плазме, сказали мне, что я мучаю её уже пять минут. Потом ещё десять. И ещё пятнадцать. На двадцать восьмой минуте она хрипло мурлыкнула и вдруг закричала. Заметалась головой на моей руке и начала звать меня. Сто раз выкрикнула «не надо» и двести раз «пожалуйста». Она почти сорвала голос, скручиваясь узлом. Поджимала пальчики ног, попыталась вонзить зубы в мою руку, которой теперь я сам зажимал её рот. И, в конце концов, я дал ей то самое освобождение, которое заставило её забиться, выгнуться аркой и отчаянно, жалобно закричать в мою ладонь, кусая мои же пальцы.».

28.

« ”Что он сделал со мной? Как? Почему он смог добиться того, что не удавалось и Максу?”

Опираясь дрожащими локтями о кровать, я по-

пыталась сесть. Не получилось, и я упала обратно на матрац. Обвела глазами свой разгромленный номер. Увидела одежду, валявшуюся на полу: его рубашку, моё платье. Свои перевернутые туфли вперемешку с его ботинками. И его самого. Всего. Поджарое, фантастическое тело. Тёмные, почти чёрные волосы и серьезные прозрачные глаза, которые сейчас внимательно за мной наблюдали. Андреев стоял у изножья кровати и аккуратно вытирал салфеткой свои мокрые пальцы.

«Это я…. из-за него.» Я всхлипнула и, сделав усилие, села.

— Лен, ты далеко собралась? — между тем усмехнулся Андреев, бросая использованную салфетку на стол и беря новую.

— Пожалуйста, отпустите меня, — совершенно по-детски отпросилась у него я, подтягивая к груди колени.

— А, так мы всё-таки на «вы»? — Андреев фыркнул. Ему, в отличие от меня, собственная нагота дискомфорта не доставляла. — Скажи, ты как предохраняешься?

— Я… а вам это зачем?

— Для презентации на круглом столе, — усмехнулся он. — Лен, ты на вопрос мне ответишь или мне самому догадываться?

— Я не могу иметь детей, — растерялась я.

— Да-а? Интересное продолжение, — произнёс Андреев, задумчиво разглядывая меня. — Таблетки? Впрочем, какая разница... В каком-то смысле, так даже лучше. Устал от презервативов.

— Идиот. — Я скинула ноги с постели, собираясь продефилировать в ванную. Не тут-то было. Андреев рванул вверх мои щиколотки, поставил одно колено на кровать, забросил мои ноги себе на плечи, и я опомниться не успела, когда его ладонь в очередной раз поймала мои запястья и прижала их к моему животу.

— Я больше не могу! — забилась я.

— Сможешь. Расслабься. Вот сейчас просто расслабься, хорошо?

Почувствовав, что я сжалась и явно ему противлюсь, Андреев вздохнул и медленно ввёл в меня пальцы.

— Ты внутри, как мокрый шелк, — поступательные движения, — так, хорошо... А теперь просто расслабься. Ты должна. Я и так долго ждал. Ну, дай мне это. Дай сама. — Пальцы стали совершать круговые движения. — Кошечка, — позвал он меня. Я заметалась и невольно пошла на его руку. — Вот оно, твоё «да», — прошептал он. — Почувствуй меня... Кошечка... — Теперь

он сам буквально по сантиметру входил в меня. — Почувствуй. Раскройся. Расслабься.

Если бы он сделал сухой и резкий толчок, как это иногда проделывал Макс, я бы смогла убедить себя, что Андреев взял меня силой. Я бы сказала себе, что это я не хотела, а он всё сам сделал. Но весь ужас заключался в том, что Андреев легко продвигался вперёд, входя в дрожащую, желающую его, раскрытую для него плоть, которую он сам же и подготовил. Продвинувшись во всю свою немыслимую длину, потерся щекой о мою ногу. Теперь он полностью был во мне и крепко держал меня. Впрочем, в его глазах я увидела напряжение и ту чудовищную волю, с которой он себя сдерживал. «Ему важно не соитие, а твоя реакция. Он хочет твоё “да”», — пришёл ко мне ответ из глубины сознания.

— Отпустите меня, — потребовала я. В ответ он молча, не сводя с меня своих внимательных глаз, сделал новый толчок. Дождался моего стона, и повторил движение. То, что началось медленно, очень быстро переросло в дикую, таранящую последовательность. Он буквально избивал мою матку, нанизывая меня на себя. Кровать скрипела, я вскрикивала, Андреев хрипло дышал сквозь стиснутые зубы.

— Так нравится? — донеслось до меня. — Ну, скажи.

— Нет. Нет. Нет, — в такт его движениям упорно скулила я. «Да, да, да…»

— Ах, нет? — Толчки стали быстрыми и короткими. Ненавидя себя, я издала новый стон — предвестник второго оргазма. Я никогда приходила к финишу, и вот сейчас это снова должно было случиться. И с кем? С мужчиной, который не любил меня? Для которого я была — кто?

— Кошечка…

Я попыталась высвободить руки. Ощутив мои трепыхания, Андреев вцепился в меня с удвоенной силой. Стиснул зубы, замедлился и взял другой ритм и темп.

— Ну что, тебе так нравится? — услышала я. — Или ещё нет? Или сделаем по-другому? Или перевернуть тебя и взять сзади? Или — положить боком? Или — прислонить к стене? Давай не стесняйся. Сегодня твой праздник. — Он попытался добить словами то, что не мог сделать плотью. Поняв, что я близко, но не так, как он сам, Андреев чертыхнулся, рывком перевернул меня на живот и моментально собрал в ту позу, когда зад взлетает к потолку, а щека прижимается к простыням. Обвил руками мои ноги, дёрнул колени

в стороны и неожиданно мягко лизнул меня. Я беспомощно закричала.

Его язык убрался, зато внутри оказались пальцы, и я услышала:

— Лен, ну хватит с собой бороться. Честно, мне нравится, что ты именно такая. А если уж совсем откровенно, то от этой твоей реакции у меня самого внутри всё узлом скручивается. Так что давай, подумай о чем-нибудь прекрасном, пока я… Ах да. Ещё одна просьба: ты не могла бы убрать свои руки ото рта?

— За-зачем?

— Я хочу тебя слышать. Я хочу знать, что тебе нравится. — Точные, выверенные движения внутри меня никак не сочетались с его спокойным тоном.

— В соседних номерах люди, — уже теряя голову, постанывая, попыталась в последний раз вразумить его я.

— М-м. Завтра они либо съедут, либо пришлют нам цветы.

И я не выдержала — хихикнула.

— Вот и отлично, — подвёл он черту. — А теперь хватит дискуссий. Я тебе, блин, не вечный.

Но он был вечным. Дождался, когда я закричу. Довёл до того момента, пока я не выгну спину,

и только тогда вошёл в меня. Дальнейшее заставило меня вгрызаться в подушку, царапать её и умолять о пощаде. За два рывка до финиша Андреев обвил ладонью мое горло, запрокинул мне голову и переплёл со мной взгляд.

— Schatze, kommen, — тихо позвал он. — Для меня.

И я кончила, как он просил — для него, под ним. Вместе с ним.

Обессилев, я лежала на животе, положив подбородок на руки и рассматривала его. Он, опираясь на локоть, поглаживал мою спину, наблюдая за выражением моего лица. Молчание явно затягивалось, но оно меня не напрягало. Зато, видимо, напрягло его.

— Лен, пошли в душ. А потом нам действительно нужно будет поговорить.

— Ну нет, — отказалась я. — Вы идите. Я потом, одна и сама.

— Хорошо, как скажешь. А вообще, интересно, когда произойдет то, из-за чего я целый день на взводе? — задумчиво произнёс Андреев.

— И… и что же вы ждёте? — спросила я, перебирая в своей всклокоченной голове кучу неприличностей, которые он сейчас попробует выторговать с меня.

— Я жду, когда ты назовёшь меня по имени. Хотя бы один раз. Один-единственный.

Потрясённая, я уставилась на него. И вдруг ясно себе представила, каким Андреев был в детстве. Высокий, темноволосый, худощавый мальчик, с никогда не улыбающимися глазами и привычкой сжимать рот и кулаки, чтобы не закричать и не сдаться. Он привык воевать, один на один сражаясь со всем миром. И весь его опыт с женщинами, который так не нравился мне, вдруг предстал в абсолютно ином свете. Да, он умел любить. Он только не умел любить сердцем.

Заглянув в мои глаза, Андреев неопределённо хмыкнул, быстро поцеловал меня в губы и одним толчком тренированного тела соскочил с постели. Легко прошёлся по ковру и скрылся в ванной, откуда раздался шум воды и припев «maybe, maybe…» Я зажмурилась и потянула на себя одеяло. Мне очень хотелось плакать.

— Знаешь, ты потрясающий, Алексей Андреев, — прошептала я, обнимая подушку, на которой пять минут назад лежала его голова. — Да, ты не Макс. Но в тебя очень легко влюбиться. Только я тебе об этом не скажу, потому что твоё сердце пусто. А еще я не знаю, как мне теперь признаться во всем Максу…”».

Глава 7. FAQ

«У любви две стороны, не так ли? И одна из них точно предательство.»
((c) «Salem»)

IV .

«Я вышел из душа, на ходу вытирая мокрые волосы полотенцем.

— Лен… — начал я и осёкся. Ларионова тихо спала и глубоко дышала, спрятавшись между одеялом, подушкой и покрывалом. А из белых простыней наружу, на свет выглядывало гладкое полушарие её правого бедра с той самой ямочкой. Это была самая невинная и провокационная поза, какую я когда-либо видел. Я присел рядом. Я долго смотрел на неё. Потом накрыл Лену, собрал разбросанные вещи, оделся, вытащил бумажную салфетку и гостиничной ручкой, обнаруженной в её номере, написал: «Утром. В 12:00. На лавочке». Прихватив красно-зелёную табличку «убрать номер/не беспокоить», высунул нос в коридор. Убедившись, что рядом никого нет, вышел из её номера. Привесил табличку красной сторо-

ной наружу, вызвал лифт и отправился в свой business-suite, в котором вперемешку валялись распечатки презентаций, газеты, мой синий свитер, джинсы, кроссовки, стоял открытый «HP» и валялись бесхозно-брошенные зарядки от iPhone и «Blackberry». Бросил пиджак на диван, окинул взглядом апартаменты, хмыкнул и позвонил консьержке.

— Разбудите меня в семь, — попросил я, — и уберите мой номер.

— Простите, а вы не хотите поужинать? — осведомилась та. — У нас сегодня чудесный стейк.

Есть мне не хотелось.

— Может быть, спиртное? У нас есть исключения для высоких гостей, — намекнула мне мисс «Услужливость».

Я на автомате провёл рукой по своему старому шраму на скуле:

— Спасибо, но точно нет.

— Что ж, тогда приятного вам вечера.

— *Tak*. И вам тоже.

Я опустил трубку на аппарат. Подошёл к огромному окну, разглядывая застывший Эресунн и огоньки города, в котором я обрёл то, что искал. «Или же — был одурачен?». Лена… Да, она отвечала мне — да так, что у меня напрочь снесло голову.

Но при этом в её реакции было что-то не так, что-то совсем не правильное. Я понять не мог, в чём дело. Что её так накручивало? Наличие Макса? Но дело было не в нём, она сама так сказала. Магда? Но Лена ни разу не упомянула о ней. Тогда что, сплетни Авериной? Та, конечно, могла рассказать обо мне кое-что (например, как я её кинул с её просьбой о повышении, которое она постаралась вымутить с меня в обмен за наш второй раз). Но Аверина вряд ли б сдала меня. Тогда что? Я прислушался к собственной интуиции. Похоже, Ларионову всё-таки останавливал страх, сидящий в её подсознании. Я ощущал его, и поэтому сам чувствовал себя с ней как на американских горках: то практически терял свой мозг, видя её желание — то меня душной подушкой накрывал стыд растлителя малолетних. В принципе, будь мы с Ларионовой в нормальных отношениях, я бы сам спросил её. Но выяснять секреты у Лены было делом, мягко говоря, затруднительным. Тем более, что «особняком» стояло дело с «Ирбис». И я в первый раз задал себе вопрос: кто такая Лена?

Мысль о том, как бы мне поскорей докопаться до истины, медленно поворачивалась в моей голове, оттачивая грани решения. Я походил по комнате, покурил. Взглянул на часы. Вдруг вспом-

нил, что я пообещал Кристессену. Дав себе под зад хорошего пинка за свой длинный язык (вот нафиг было выпендриваться?) я, с ощущением приговоренного к самоубийству, взял в руки «Blackberry». Покрутил мобильный в ладони и, вздохнув, набрал Магде. Гудок, один, второй, третий. «Магда, милая, хорошая, дорогая, я тебя очень прошу, я тебя заклинаю: только не бери трубку. Потому что потом я всегда смогу сказать, что я не смог до тебя дозвонился и лёг спать, а ты...».

Не помогло.

— Алексей, здравствуй, — весело прощебетала Магда.

— Привет, как дела? — похоронным голосом задал я дежурный вопрос.

— Хорошо. Я жду тебя. Папа сказал, ты приедешь?

«Да, обмен информацией в семье Кристенссенов был поставлен хорошо...»

— Прости, Магда, но никак не получится.

— Почему? — Магда явно была растеряна. Или расстроена. Впрочем, какая разница? Я столько лет напропалую ей лгал и ею же пользовался, что теперь было бы странно начать волноваться из-за её чувств, или вообще, начать их препарировать.

— Я не смогу приехать, Магда, извини. Я неваж-

но себя чувствую. То ли перелёт меня доконал, то ли выступление, то ли поход в ресторан с твоим отцом — но я не могу. Честно.

Магда помедлила.

— Сколько лет я тебя знаю, ты никогда не болел, — заметила она холодно.

— Магда, послушай. Я правда хочу тебя видеть, — с трудом выдавил я, сжимая кулак и постукивая им по подоконнику. — Но я действительно слишком устал. Давай, я приеду завтра?

— Если ты…

— Ты не поверишь, Магда. Я в своём номере. Один. Можешь прямо сейчас перезвонить мне сюда через ресепшен. Можешь вызвать секьюрити, чтобы они пришли сюда и обнюхали весь мой номер. Можешь даже позвонить своему отцу. — Я уже готовился отшвырнуть трубку, когда Магда робко сказала:

— Если ты заболел, может быть, я к тебе приеду?

Но эта ласка уже не вызывала даже элементарной вежливости.

— Нет. Слишком длинная дорога. Я не хочу волноваться из-за тебя. Мы увидимся, как только я приду в себя. Я тебе сам перезвоню. Хорошо?

— Хорошо… Только помни, что я люблю тебя.

— Да, я это помню.

— А ты… ты меня любишь, Алексей?

«Ну давай, соври ей. Или скажи ей правду. Если посмеешь, конечно.»

— Да, Магда, — ушёл от ответа я. Помолчал и добавил: — Спасибо, что ты правильно поняла меня. Спокойной ночи. До завтра.

Я закурил и открыл окно. Присел на журнальный столик. Вспомнил Кристофа и его «безопасников», и то, как они выдернули на свет полуправду обо мне, Юле, Свете, Оле. Вот тут-то в моей голове и возникла одна идея. Взвесив все «за» и «против», я набрал номер одной из своих бывших, из тех немногих, с кем я сумел сохранить нормальные отношения. Её звали Оля Романова. Когда-то давно, много лет назад мы были друг у друга первыми. Мы оба дрались за лучшую жизнь. Но я уехал в Германию, а она осталась в Москве. Сделала неплохой бизнес, а шесть лет назад перебралась на Кипр, где и жила теперь с очередным «гражданским» мужем (если так, конечно, можно называть элементарное сожительство).

— О, Лёш, привет! — обрадовалось Оля. — Сто лет не слышала тебя. Как ты поживаешь?

— Ну, какие мои дела, — засмеялся я. — Бабки,

девки, проекты, планы и несбыточные фантазии. Как всегда … У тебя-то как?

Вот что всегда было хорошо в Оле— так это то, что она, при всей своей женственности, умела чисто по-мужски, быстро и конкретно, перейти к самой сути вещей. За пять минут выложила мне очередную байку про свои «подвиги» (новый любовник и новый бизнес, завязанный на турфирмах). Потом прослушала такую же куцую историю от меня, традиционно посетовала на счёт Магды и Кристофа и перешла к главному:

— Лёш, так что ты хотел? Ты же не просто так звонишь мне.

— Оль, скажи, а ты не могла бы дать мне телефон того самого парня, который работал в детективном агентстве… «Альфа», кажется, называется? Ты встречалась с ним лет шесть назад, если я правильно ориентируюсь в датах твоих романов.

Возникла длинная, неприятная и неприязненная пауза.

— Андреев, а он тебе зачем? — сухо спросила Оля.

— Хочу навести справки.

— О ком?

— Об одной знакомой.

— И всё?

— И всё.

— Угу… — Оля помолчала, явно что-то обдумывая. — Ну, ладно, хорошо, записывай. Его, как это ни странно, зовут Андрей.

— Андрей Андреев? — пошутил я.

— Нет, Андрей Исаев. Мобильный… — дальше Оля продиктовала мне цифры. — Единственная просьба, если Исаев спросит, откуда у тебя его телефон — а он обязательно спросит — то ты…

— Я буду нем, как Рыбы, — немедленно обнадёжил её я придуманной ею же шуткой. Но Романова даже не улыбнулась.

— Вот именно, — подчеркнула она. — Ты не скажешь ему. Ну, пока, Андреев.

Она отключилась. Раздумывать над тем, чем конкретно «зацепил» Олю этот Андрей Исаев, мне было, мягко говоря, ни к чему. Посмотрел на часы. Прикинул, что в Москве сейчас около десяти вечера. Мысленно извинился перед неизвестным мне полу-тёзкой и набрал его номер.

— Да! Я вас слушаю. — Исаев взял трубку при первом же гудке.

Тон был вызывающим, но вот его голос… Никогда не слышал такой бархатный тембр. Переварив первый шок, я представился. Кратко объяснил,

что мне нужно. На вопрос, откуда телефон, отделался общей фразой, что знакомый порекомендовал, а какой — неважно. Исаев выслушал меня, не перебив ни разу. Потом ответил:

— Алексей Михайлович, вообще-то информацию о самой Ларионовой я могу дать вам ровно через три часа. Для этого вам будет нужно в течении этого же времени перевести деньги на счёт агентства «Альфа». Номер счета и реквизиты есть у нас на сайте. Далее, если вы после получения первичных данных захотите расширить задачу, например, получить подробное досье на объект, то сумма возрастёт троекратно, а вам придётся подождать дня три-четыре.

— Понял.

— Раз поняли, тогда я жду подтверждение о переводе суммы.

Неведомый мне Исаев отключился, а я открыл компьютер. Перевёл в «Альфу» ровно две штуки баксов, скинул Исаеву подтверждение, что сумма пошла. Заодно, проверил входящие, написал ответы всем своим менеджерам, перепулил пару писем непосредственно Эрлиху. Не зная, как ещё убить время, просмотрел фокасты, откорректировал планы продаж, начал рассчитывать бонусы. Через три часа, когда я уже окончательно извёл-

ся, мой телефон взорвался звонком.

— Алексей Михайлович? Это Исаев. Информация о Ларионовой Елене Григорьевне. Готовы её выслушать?

— Безусловно, — в тон Исаеву ответил я, стёк вниз по стулу и положил ногу на ногу. — Стреляйте, Андрей Сергеевич.

— Тогда начнём с самого простого. Елена Ларионова родилась в Москве, 11 ноября 1985 года. В 2002 году закончила московскую специализированную школу № 1287 с углублённым изучением английского языка. Далее поступила в Российский Государственный Университет нефти и газа имени Губкина. Вышла с красным дипломом, но от аспирантуры отказалась. Первое место работы — дистрибуторская компания «Ирбис». Устроилась туда сразу же после университета. Занятно, но ровно через шесть месяцев была назначена на позицию замдиректора по партнёрам. — Исаев сделал паузу, давая мне возможность спросить, а с чем, собственно говоря, связано повышение. Но я и так уже знал ответ на этот вопрос: так распорядился Кристенссен.

— Дальше, — потребовал я.

— Дальше? — Исаев фыркнул. — Ну, а дальше, что вы, видимо, тоже уже знаете, — насмешли-

во продолжил он, — дальше Ларионова Елена Григорьевна продолжает трудиться в той же самой компании и в той же самой должности. Открытых нареканий нет. Более того, её даже поощряли не раз.

— Вы это как узнали? — удивился я.

— Элементарно. Я взломал внутренний портал «Ирбис». Выдернул из новостных лент их отдела кадров даты ежегодных собраний. Так я вышел на фотографии, где награжденные руководством позируют вместе с грамотами, вымпелами и прочей атрибутикой, выделяющей их работу. Не знаю, в курсе ли вы, но в «Ирбис» работает порядка пяти тысяч человек. Но — все два года, что Ларионова работает в этой компании, она была единственной, кто получал награды каждый год. И на мой взгляд, эта ситуация неестественная.

— То есть вы считаете, что её не за что награждать? — холодно осведомился я.

— Нет. Я считаю, что у Ларионовой сложились очень хорошие отношения с её руководством.

«Это у неё с Кристенссеном сложились “очень хорошие” отношения», — с досадой подумал я, начиная прозревать истину ...

Дело в том, что в современном цивилизованном мире (за исключением КНДР с их расстрелом

нерадивых подчинённых) есть только две формы поощрения служащих: европейская и социалистическая. При европейском подходе вам регулярно дают бонусы, повышение в должности или компенсацию. При комсомольско-социалистическом раз в год на общих собраниях (представляющих собой два часа тягомотных речей и фуршет из разряда «пиво-чай-бутерброды») вам вручают очень «ценный», и, главное, очень «полезный» подарок: кубок с крышкой, кусок оргстекла «под хрусталь» с надписью «за успехи». А прибыль, полученную от вашей работы, руководство кладет себе в карман. И если я, директор по продажам, хоть что-нибудь понимаю в бизнесе, то Ларионова не получила ни копейки за «фальшдоки» под №№ 27/15, 322/42 и 088.

«Или — получила?»

— Андрей, а вы смогли разобраться, как была куплена квартира Ларионовой на Ленинском проспекте и есть ли у Елены Григорьевны машина, дача и прочее? — задал я Исаеву очень простой и конкретный вопрос.

— А вы зрите в корень, — фыркнул он. — Нет, у Ларионовой нет ни водительских прав, ни автомобиля. Из собственности у неё только квартира на Ленинском, дом сто пять. Кстати, не

новостройка. Квартира приобретена на её имя пять лет назад. Не спрашивайте, как я это узнал. — (Видимо, Исаев опять какой-то сайт взломал, сообразил я.) — Но взнос за квартиру был сделан не с личного счёта Ларионовой.

— А оплату за квартиру не мог произвести её отец, который работал в Газпроме? — подумав, спросил я.

— Не мог. Абсолютно точно. Потому что в ПАО «Газпром», в должности вице-президента по разработке стратегических месторождений действительно работал Ярослав Аркадьевич Ларионов. Но он умер за год до покупки этой квартиры.

— Подождите, вы не ошибаетесь? — насторожился я. — Может быть, это был Ларионов *Григорий* Аркадьевич?

— Да нет, я не ошибаюсь. Так что Ларионов Ярослав Аркадьевич Ларионовой не отец, а…

— …отчим, — закончил фразу я. Подумал и спросил: — А кто её настоящий отец?

— А вот этой информации нигде нет. Впрочем, я могу сделать повторный запрос, если вы настаиваете.

— Нет, не настаиваю, — отказался я, решив, что деньги за квартиру могла перечислить её мать.

«Или — её архитектор?»

— А теперь, то основное, что вы хотели узнать, — прервал мои мысли Исаев. — Окружение Ларионовой. Оно, скажем так, миниатюрное и замкнуто ровно на двух людях: её мать, Ларионова Элина Витальевна и некий Максим Евгеньевич Сафронов. Про мать Ларионовой я не стал узнавать, так как это в ваш запрос не входило. А что касается Сафронова, то тут данные небезынтересные. Начнём с того, что ему сорок лет, родился он 12 августа 1972 года в городе Челябинске. В двадцать пять перебрался в Москву, где и женился на женщине много себя старше. Она занималась недвижимостью. Впрочем, развёлся Сафронов с ней уже через год, получив неплохие отступные: квартиру в Москве на Набережной и деньги на счёт в банке. Тогда же Сафронов и стал выставлять свои работы и проекты: отделку ресторанов, ночных клубов, а также квартир и дач состоятельных людей. На одной из своих заказчиц он впоследствии и женился. Брак не задался, и через два года супруги официально развелись. И тем не менее, отношения со своей второй женой Сафронов поддерживает до сих пор.

— А это вы как узнали? — Осведомлённость Исаева уже даже не изумляла, а просто припе-

чатывала.

— Как узнал? — Исаев помолчал. — А вы никогда не задумывались, как много вещей можно подчерпнуть из социальных сетей? — («Я никогда не задумывался: в социальных сетях я не фигурирую.») — Начнём с того, что имя и фамилия второй жены Максима Евгеньевича — Инна Робер. Она работала и работает вице-президентом сети фэшн-магазинов. И не так давно в одном из интервью она оговорилась, или, вернее, похвасталась, что у неё растет трёхлетняя дочь. Я отправился на личную страницу госпожи Робер в «Facebook», где и нашел фотографию её дочери с Сафроновым на руках, подписанную «наш любимый папа».

Впрочем, настоящее потрясение ожидало меня впереди.

— А теперь личная жизнь Ларионовой. — Исаев помолчал, после чего я услышал характерный щелчок зажигалки, вдох глубокой затяжки и его мягкий голос, который безжалостно произносил слова, убившие меня. — Алексей Михайлович, я скажу вам то, что есть, а вы постарайтесь просто принять это. Собственно, эту информацию я бы вряд ли где смог раскопать, если б по странному стечению обстоятельств моя младшая сестра не

училась в той же самой школе, что и ваша Елена. Елену Ларионову там помнят. На выпускном её изнасиловал одноклассник.

— Что? — Я вытянулся на стуле вверх. — Что вы сейчас сказали?

— Простите, я не хотел вас пугать, — извинился Исаев. — Но лично я, юрист, именно так трактую деяние, при котором девушку подпаивают и тащат в пустой класс. Почему Ларионова не подала на этого одноклассника в суд, я тоже выяснил. Вам нужна эта информация? — Я кивнул, не понимая, что Исаев меня не видит. Но, очевидно, мой полу-тёзка умел «читать» чужие мысли. — В школе у Ларионовой была лучшая подруга, некая Савельева. Первая красавица в классе. И у этой «красавицы» как раз и был роман с этим вот одноклассником. А информацию о фактическом изнасиловании вывалил сам молодой человек. После произошедшего он прилюдно послал Савельеву, да ещё и объяснил ей, что Ларионова теперь «его» и «никуда от него не денется». Впрочем, к его чести стоит добавить только то, что, ещё не встречаясь с Савельевой, дважды просил Ларионову выйти за него замуж. Но она ему, как вы понимаете, согласием не ответила… И вот тогда он поступил так.

«Как я пару часов назад…»

— Я могу узнать его имя? — Очень тихо спросил я.

— Можете. Но оно того не стоит, Алексей Михайлович. Я уже навёл справки. Его жизнь не сложилась. Кто-то выписал ему «волчий билет». В институт он не поступил, в армию его не взяли, на нормальную работу он также не смог устроиться. Через два года после окончания школы он в поисках заработка переехал в Тольятти. Сейчас еле-еле сводит концы с концами, кажется, тихо спивается и подрабатывает на «АВТОВАЗе» простым чернорабочим. Это я вытащил из сплетен его одноклассников, которые упоминали о биографии этого «героя» в одноименных соцсетях. Так что кто-то влиятельный наказал его и без вас. — Я промолчал. — Мне рассказывать дальше, или вы предпочитаете продолжить разговор потом? — Похоже, Андрей Исаев умел сочувствовать. Но мне тоже было не пять лет, и в соболезнованиях я не нуждался.

— Продолжайте, — Я сунул сигарету в рот.

— Второй мужчина был у Ларионовой в институте. Это я подчерпнул из разговоров её однокурсниц в «ВКонтакте», где многие из них общаются, обсуждая свою и чужую личную жизнь. Я

зацепился за фразу «роман у Ленки был коротким и закончился абортом». Я проверил: на четвертом курсе Ларионова действительно брала академический отпуск. Пришлось совместить интуицию, догадки и опыт и порыться в архивах. Таким вот образом, я и нашёл данные, что операцию Ларионовой делали в больнице, в Юго-Западном округе, причем проводила её главврач-акушер, Аушева Маргарита Ивановна. И я подумал — и перебрал все фамилии однокурсников Ларионовой. Среди них я и нашёл некоего Александра Аушева. Я разыскал о нём данные. Аушев прописан и живет в том же Юго-Западном округе. Женат, воспитывает дочь, которая родилась пять месяцев тому назад. Причём роды у жены Аушева принимала свекровь. Та самая врач-акушер, которая делала аборт Ларионовой.

— А если ребёнок у Ларионовой был не от Аушева? — У человеческой подлости и любви некоторых матерей к сыновьям вообще-то нет границ. Но верить в эти границы порой мне всё-таки хочется.

— Ну, — невесело усмехнулся Исаев, — если бы Аушев был её добрым другом, а его мать помогла ей в её трудных обстоятельствах, то Ларионова общалась бы с ними до сих пор. По крайней мере,

поздравила бы их с рождением долгожданной дочки и внучки. Но она с ними не общается.

— Откуда вы знаете? — В третий раз спросил я.

Исаев вздохнул.

— У Аушева есть папка в социальных сетях. Однокурсники его поздравили. А у Ларионовой есть папка в «Instagram». И там только фотографии её и Сафронова Максима Евгеньевича. Только его — на протяжении пяти лет. И это означает, что в её жизни есть только один человек. Он.

И я вцепился в волосы. Потом отшвырнул стул, на котором сидел. Схватился за подоконник и прижался лбом к холодному, мёртвому стеклу. Я получил правду, которую искал. Элементарную правду. Потому что не было у Ларионовой никакого двойного дна. А была чистая, прозрачная, хорошая и запретная девочка. Двадцать восьмая, кого за последние шесть месяцев со вкусом поимел я, совершенно не зная, что я у неё не двадцатый, не сотый, не пятый — а всего лишь четвёртый... Еще три дня назад планировавший её подставить.

Исаев послушал тишину, которая воцарилась на моей линии. Или в моей голове.

— Алексей Михайлович, — вырвал меня из пустоты его бархатный голос. — Мне жаль, если

эта информация расстроила вас. Но, к сожалению, так бывает. Если вы соберетесь продлевать контракт, вы знаете как найти меня. Удачи.

— Нет, погодите. Мне нужно от вас ещё кое-что.

— Что?

И я выложил ему «схему», которую ещё утром проигрывал в своей голове.

— Но я не знаю, как мне проникнуть в систему под другим именем, — признался я. — Сам я могу только поставить «галочки» от себя лично, но это всего лишь затормозит процесс, и подозрений с неё не снимет.

— Зато я знаю, как вам помочь, — подумав, ответил Исаев. — Алексей Михайлович, вы имеете представление, что такое «административный пароль»?

— Да, — сказал я.

— В таком случае, я пришлю его вам ровно через десять минут.

— Сколько это стоит?

— Ни сколько, — отрезал Исаев. — Я дам вам только ссылку. Всё остальное вы сделаете сами.

Исаев сдержал своё обещание, и я получил код. Разобрался с системой и выполнил задуманное. Потом закрыл компьютер. Впрочем, мысли о Лене

преследовали меня до конца дня. Я курил, пил воду, садился на постель и снова вставал. Я думал, что мне теперь делать. На рассвете я, наконец, вылез из номера, отправился в бар, взял кофе и вышел на террасу. К семи утра на веранду подтянулись служащие «Марриотта». К семи тридцати — первые гости на завтрак. В восемь я увидел весёлую Аверину и рыжую Савельеву. Светка кивнула мне, не отнимая от уха мобильный, и показала пальцем на бар и на себя: типа, сейчас возьму кофе и подойду к тебе. Савельева сначала прошла мимо меня. Потом, разглядев жест Светки, развернулась. На её лице я заметил какое-то напряженное выражение. Я отвернулся. После рассказа Исаева о знаменательном «выпускном» я с этой Савельевой не то, что разговаривать не хотел — я вообще не мог её видеть. Савельева опустила глаза долу и убралась восвояси. А Светка подлетела ко мне.

— Доброе утро, — начала она, светясь счастливой улыбкой. — Вы сегодня прекрасно выглядите, Алексей Михайлович. Можно узнать, какие у вас планы на сегодняшний день?

— Самые радужные.

— Например? — Аверина кокетливо стрельнула в меня глазами.

— Например, позавтракать, потом посетить две первых сессии, в четыре часа дня провести круглый стол. А дальше по обстоятельствам.

— А вы не хотите в перерыве найти для меня время и показать мне город? — продолжила Света, отпивая кофе и преувеличенно медленно облизнула губу. Я проследил за движением её языка.

— Свет, — тихо сказал я. — Мне кажется, мы с тобой уже обо всём договорились. Или я ошибаюсь?

Аверина прищурилась.

— Ну, планы ведь могут меняться, — многозначительно добавила она.

— Не в твоём случае.

— А что со мной не так, интересно? — с вызовом спросила она. — Я что, плохо выгляжу?

«Так, пора заканчивать эту длинную бодягу.»

И я ответил:

— Хорошо выглядишь. Дорого. И, главное, очень доступно.

Повисла пауза. Потом в глазах Авериной промелькнула такая ярость, что, если бы взглядом можно было убивать, то я бы свалился мёртвым. Она побледнела, потом покраснела.

— Ты, ты… ты, сволочь, — задыхаясь, с переко-

шенным лицом, зашипела она.

— Я знаю, кто я. Главное, теперь это поняла и ты. На этом и остановимся.

Светка попятилась. Развернулась, передёрнула плечиками и растворилась в толпе людей, прибывающих на завтрак. А я принялся изучать взглядом окрестности, одновременно контролируя вход гостей на террасу. Увидел, как на веранду вошли двое мальчиков Ларионовой и Денис из «Корсы». И только её не было нигде, а она-то и была нужна мне. Я хотел поговорить с ней. Объяснить, что вчерашний интим был моей ошибкой. И одновременно дать ей понять, что мы можем остаться друзьями.

К девяти утра, перездоровавшись с двадцатью русскими реселлерами, сонным Эрлихом и бодрым Ричардссоном, я окончательно убедился, что Ларионова на завтрак не придёт. К девяти тридцати у меня было ровно три варианта, чтобы объяснить её отсутствие: а) Ларионова ещё спит, б) Ларионова рванула от меня в Москву первым же рейсом, и в) Ларионова спряталась в номере, где и окопалась.

И я отправил себя в вестибюль и пристроил у входа в конференц-зал. Увидел поджавшую губы Аверину, которая с видом «ух, как я тебе отомщу!»

промаршировала мимо меня. Потом — двух киндер-сюрпризов Лены, которые вежливо мне кивнули. Дениса, с утра пораньше уже приложившего к бутылке. И, наконец, доканывающую меня этим своим липким взглядом Савельеву, которая, вместо того, чтобы пройти в конференц-центр, начала нарезать вокруг небольшие круги. Это меня отрезвило. Обозвав себя «неврастеником, потерявшим голову из-за смазливой девчонки», я отодрал плечо от стены и пошёл в конференц-центр. Отсидев там до без пятнадцати двенадцать и перебрался на улицу. Сел на лавочку, выкурил пять сигарет и дождался, когда часы скажут «полпервого».

После чего встал и, наплевав на всё, направился в вестибюль, к консьержке.

— Goddag, — улыбнулась мне новая мисс «Услужливость».

— Goddad. Подскажите, гостья, проживающая в номере «тридцать три — двадцать шесть», из номера не выезжала?

— Нет, — ответила мне консьержка.

— Так, супер, — я потёр ладонями лицо. — А из номера она выходила?

Консьержка наморщила лоб, подумала, обернулась к стойке и пересчитала все сданные ей

ключи:

— Нет, эта гостья карточку нам не сдавала.

— А вы не могли бы соединить меня с её сьютом? — попросил я.

— Да, конечно. Пожалуйста. — Консьержка прижала трубку к уху, нащёлкала пальцами телефон комнаты Лены. Послушала гудки и сделала печальное лицо:

— К сожалению, номер не отвечает.

— Ясно, спасибо.

Вот тогда-то я и направился к лифтам.

Доехал до третьего этажа. Вышел в коридор. Подошёл к номеру Лены. Табличка с красной этикеткой висела ровно так, как я её и повесил. Я постучал в дверь. Потом позвал:

— Лен, открой. Лена…

В ответ — гробовая тишина, зазвеневшая в моей голове мыслью: «Она тебе не ответит, потому что либо плачет, либо вообще… наложила на себя руки, после того, что ты сделал с ней, похотливый ублюдок». Я сжал челюсти и примерился к хлипкой двери. «Вломить в дверь ногой и войти туда? Или всё-таки соблюсти приличия и сгонять за помощью на первый этаж? Но если Лена не выходила из номера, а я был последним, кто закрывал эту дверь, то и дверь осталась не запертой…»

Убрав ногу, я потянул дверь за ручку. Раздался характерный щелчок. Я вошёл в прихожую, и сразу же услышал шум воды из-за двери в ванную. «Твою мать… а вдруг она там вены себе вскрыла?» Моё воображение немедленно и услужливо поднесло мне картинку белых тоненьких рук Ларионовой, раскинутых в последнем бессильном призыве, красная вода, вокруг капли крови…

Да, я — неврастеник. И очевидные проблемы сначала повергают меня в ужас, после чего в моей голове возникает «ахтунг» и только потом решение. Матерясь, я дёрнул на себя ручку двери ванной комнаты. Влетел в периметр, глотнул влажный горячий воздух, упёрся глазами в ванную. Моргнул. Застыл. И уже через секунду, сотрясаясь от бессильного смеха, сполз вниз по стене, где была стойка с феном и полотенцами. Ещё бы: в ванной, в пене, в воде сидела голенькая Лена и, с застывшими от ужаса глазами, смотрела на идиота, ворвавшегося к ней в тот самый момент, когда она, сунув в рот щётку, задумчиво чистила зубы.

— Лен, прости, — простонал я, содрогаясь от хохота.

— При-придурок! — В голову мне полетела зубная щетка. Потом мокрая губка. Мимо пра-

вого уха просвистели тюбик зубной пасты и пластиковая бутылка с шампунем. — Идиот, ты хоть понимаешь, что ты до смерти напугал меня? — Ларионова тряслась от гнева и от шока, пережитого пару секунд назад. — Да я чуть не умерла, когда ты сюда ворвался. Я вообще только проснулась. И я… что ты смеёшься, Андреев? Псих ненормальный!

Вытирая слезы от смеха, я успел выставить вперед руку, отбивая кусок мыла. Пока Лена хваталась руками за стенки гостиничной ванной, и, поднимаясь, шарила злыми глазами в поисках очередного снаряда, я успел более-менее прийти в себя и даже разглядеть её. Выглядела Ларионова просто великолепно. Сочный изгиб груди, розовый сосок, на котором красовалась белая клякса зубной пасты, огромные блестящие карие глаза, мокрые ресницы и открытые влажные губы, из которых в мою голову долетали остатки проклятий, моментально напомнили мне о том, что у нас вчера было. От неё исходила бешеная, провокационная аура, которой я честно сопротивлялся позавчера, вчера и даже сегодня утром. Мой смех прекратился сам собой. Её вопли и проклятия тоже, когда я поднялся на ноги и сдёрнул с себя футболку.

— Ты что?.. Нет, Андреев, нет! Нет, я тебе сказала! — Сообразив, что водные процедуры закончились, закричала Лена. Заметив мой взгляд, в очередной раз проехавшийся по ее ногам, ребрам и тому хрестоматийному месту, которое я вчера попробовал на вкус, Ларионова ойкнула и завертела головой в поисках полотенца. Но полотенце висело над моей головой, и Лена вцепилась в занавеску, которую я, успев к тому моменту выдраться из своих джинсов, дёрнул на себя. Занавеска слетела, а на мои плечи обрушились удары маленьких мокрых рук:

— Отвяжись от меня. Немедленно.

— Ш-ш, иди ко мне.

— Нет! Всё вчерашнее было ошибкой.

— Ах, ошибкой? — Увы, развернуться в этой маленькой душевой можно было только по обоюдному согласию. И я, перехватил её руки, выдернул её из ванной.

— Я всё Максу расскажу! — задыхаясь, выпалила она, изгибаясь в моих руках.

— Безусловно. — Я впился ей в рот.

— Дрянь, — простонала Лена. Я поцеловал её в шею. — Скотина, Андреев, я не для тебя.

«Да ты уже льнёшь ко мне.»

— Отпусти меня, — в последний раз взмоли-

лась она.

— Нет.

— Ну, зачем я тебе?

А вот этого я не знал. Единственное, в чём я был твёрдо уверен: каким бы я у неё не был — первый, вторым, третьим, четвертым — я буду у неё последним.».

28.

«Он рассматривал меня так, точно перед ним была статуэтка, с которой он не знал, как поступить: то ли поставить её на камин, чтобы насладиться зрелищем — то ли разбить её на тысячу кусков, чтобы больше не мучиться.

— Что ты хочешь от меня? — взывала я, когда он разложил меня на постели и перекинул мои ноги через свои локти. Он промолчал. По его плечу прокатилась капля воды, упавшая мне на губы. Я ощутила его запах и вкус. И из моей головы тут же вылетели и Макс, и моя добродетель, и та единственная мысль, с которой я проснулась — что он использовал меня и бросил.

— Лен...

— Андреев, у меня есть другой.

— Здесь только ты и я.

Настрой Андреева начал не на шутку меня

пугать, и я вцепилась в его плечи.

— Всё нормально. Я понимаю, что делаю. — Алексей криво усмехнулся, а я вдруг увидела в его глазах нечто, напоминавшее… нежность. Но, что бы он не испытывал, это никак не вязалась ни с его хищным ртом, ни с категоричным тоном. Я замерла, ожидая сухой, короткий, болезненный удар. Вместо этого Андреев длинным, ровным, мягким движением вошёл в меня. Я ахнула. Он пробормотал что-то, чего я не поняла.

— Что? — рискнула спросить я.

— Я сказал, извини меня за вчерашнее… Поцелуй меня. — Он потянулся ко мне, а у меня перевернулось сердце. Это было то самое ощущение, когда ты вдруг понимаешь, что человек, лежащий рядом с тобой — такой же, как ты. Реальный. Живой. И что он тебя ощущает. Преодолевая свою проклятую робость, я отвела чёрную прядь с нахмуренного лба, потом, осмелев, запустила пальцы в вихры на его макушке.

— Такие мягкие… Как ты, — прошептала я.

Андреев растерянно моргнул. Я робко потянула его к себе и поцеловала. Поймав мои губы, он снова толкнулся в меня. Еще раз. И ещё. Мои робкие поцелуи чередовались с его движениями. Но едва я расслабилась, как он перевернул нас и оказался

подо мной. Забросил моё бедро повыше.

— Ну, поцелуй меня. Мне нравится, когда ты раскованная, — попросил он.

— Вчера тебе больше нравилось смущать меня.

— А мне и сейчас это нравится… Ну, так что с поцелуями?

Я приблизила к нему лицо, готовясь, в случае чего, цапнуть его за скулу. Но он больше не улыбался. Бережно уложил мою голову в изгиб своего локтя, сделал движение бёдрами, и, внимательно глядя на меня, накрыл мою грудь ладонью. «Скажи ему остановиться», — приказывал мне мой разум. «Нет, продолжай. Мне нравится», — попросило меня моё тело. Изнемогая, я обвила руками мужчину, который сводил меня с ума и спрятала лицо у него на груди:

— Андреев…

— М-м?

— Ты Гитлер. Так же нельзя, — простонала я.

— Можно.

Распластавшись на нём, я прильнула к нему. Андреев ещё раз перевернул нас и впился мне в губы. Я задохнулась, он отправил мои колени себе под мышки, а его проникновение набрало темп. Он стиснул челюсти, потом не выдержал

— застонал. Приоткрыл глаза — затуманенные и смущённые. Поймал мой взгляд.

— Почему ты так смотришь на меня? — прошептала я.

— Назови меня по имени. Пожалуйста. Сейчас. Я прошу тебя.

И я не выдержала.

— Лёша, — очень тихо произнесла я в первый раз.

— Ещё.

— Лёша…

Через полчаса он вывел меня из моего номера. Я смотрела на него и глазам не верила. Передо мной был другой человек: спокойный, сильный, уверенный. И в то же время это был тот самый мужчина, который брал меня до стона, до отчаянного крика. Алексей и я дошли до стоянки такси. Пока я смущалась, боясь увидеть чужие косые взгляды, он наклонился ко мне и с заговорщицким видом быстро сказал:

— Døde røde rødøjede rådne røgede ørreder med fløde.

— Что? — неуверенно хихикнула я.

— Я говорю: дохлая, красная, красноглазая, гнилая копченая форель со сливками… Лен, это датская скороговорка. А ты перестань думать, к

чему это всё, и просто расслабься. Я всего лишь хочу показать тебе город и накормить обедом. Раз уж ты на завтрак не пришла. М-м?

Пока я осмысливала новый образ многогранного Алексея Михайловича, он договорился с таксистом, усадил меня в машину и повез на набережную Нихавн (свежая, красная, вкусная форель с запечённым картофелем). Потом мы бродили по улочкам старого города. Держа меня за руку, он показал мне памятник Андерсену, Ратушную площадь, и, смеясь, притащил меня на Строгет (нет, не к Музею эротики, а в маленькое кафе).

— Я хочу мороженое, — робко попросила я.

Андреев помотал головой, хитро прищурился, купил пакет датских чипсов, две банки безалкогольного пива и утащил меня в ещё зеленый осенний парк, расположенный через залив от «Марриотта». Усадил на скамейку, сам развалился рядом. Ненавязчиво расспросил о детстве, о семье, о родителях и об институте. С интересом выслушал то, что я неохотно поведала ему (мама была певицей, папа ушёл из семьи, учёба была интересной), потом рассказал пару историй из своей жизни (как его не взяли в иняз и как он сделал карьеру в «Systems One», периодически

водя за нос Кристенссена и Эрлиха). Я слушала, иногда смеялась, но больше смотрела на него, непринужденного, открытого. И думала я о том, что такую мужскую позу часто используют в рекламе: легкая сексуальность с обещанием чего-то большего. Андреев явно пытался меня очаровать и даже не скрывал этого.

— Скажи, а зачем тебе это всё? — спросила я, когда он протянул мне последний чипс из пакета.

— Я больше не хочу с тобой воевать, — невозмутимо ответил он. — Ты слишком мне нравишься.

Посмотрел, как я растерянно кручу в пальцах хрустящий ломтик, усмехнулся, встал и протянул мне руку:

— Пошли. В четыре наш круглый стол и твоё выступление. А потом мы с тобой встретимся в моём номере. Нам надо будет кое-что обсудить.

— А … а может, мы не будем встречаться в твоём номере? — покраснев, пискнула я.

— А может, мы еще и круглый стол отменим? — «подколол» он меня.

Отобрал у меня пустую банку и отправил её в урну. Порылся в карманах джинсов, всучил мне пластинку «Orbit» и снова протянул мне руку:

— Лен, пошли, уже без двадцати четыре.

Я вздрогнула: я совсем забыла о той пытке,

которая ждала меня. Вместе с пониманием этого факта ко мне пришло и осознание реальности. Метров за пятнадцать до входа в «Марриотт» я начала притормаживать, пытаясь высвободить свою ладонь из его тёплых пальцев.

— Что? — не понял Андреев.

— Лёш, отпусти мою руку.

— Зачем?

— Там могут быть люди.

— Да что ты? — хмыкнул он. Не принимая его шутки, я покачала головой:

— Лёш, это серьёзно. Там могут быть мои реселлеры и твоё руководство. И… — впрочем, имя Авериной так и не сорвалось с моего языка.

— Ну и что? — Андреев изогнул брови и посмотрел на меня с искренним любопытством.

— Это… это не удобно, — попыталась выкрутиться я.

— Кому именно неудобно? — не отставал он.

— Тебе.

— А тебе? — Андреев внимательно глядел на меня и ждал моего ответа. И я решилась, поняла на него глаза:

— А мне всё равно.

— Ах, вот как? Ну, тогда идём вместе. — Андреев потянул меня за руку, и я, не чуя под собой

ног, пошла за ним. Мне повезло: в вестибюле на кресле сидела только Яна Савельева и листала гостиничный журнал. Она явно кого-то ждала, потому что при виде меня и Андреева подалась всем телом вперёд, но уже через секунду расслабилась и опустила глаза в страницы. Я невольно вцепилась в руку Андреева.

— Не бойся, я и сам её боюсь, — прошептал он мне на ухо. Я хихикнула. Под взглядом Яны Алексей довёл меня до лифта. Мы доехали до третьего этажа, дошли до моего номера. Я отперла дверь, но Андреев, вместо того, чтобы открыть её, придержал:

— Лен, запомни. Рассказывай только то, что ты готовила. Всё, жду тебя, только компьютер прихвачу. — Он быстро огляделся, потом наклонился, легко поцеловал меня в губы и напевая «maybe, maybe…» пошёл к лифтам. Я проводила взглядом его длинную фигуру, переступила порог и заперла дверь своего номера. Оглядела разобранную постель, ещё хранившую изгибы наших тел. Увидела пустую бутылку из-под воды «Evian», которую мы выпили вместе. И ту самую, белую салфетку с тонким мужским почерком: «Утром. 12:00. На лавочке». Я сделала всё, чтобы не прийти, а он сам пришёл за мной. Позвонил

мой мобильный, мелодия сказала: «Это Макс». Прислонившись к стене, вжавшись в неё плечами, глядя в окно, на ярко-синий Эресунн, я пережидала звонки, считая секунды: «Две, три, четыре…». Наконец, Макс бросил трубку.

— Макс, прости меня. Я предала тебя. Я влюбилась… — очень тихо произнесла я. Мне казалось, я сказала это шёпотом, но звук моего голоса оглушил меня. Как и осознание того простого факта, что эта действительно была любовь — та самая, с первого взгляда, о которой так часто пишут и говорят, но так редко встречают в жизни. И случилась это со мной не сегодня, и не вчера, а ещё в «Systems One».».

Глава 8. Danke Schon

«Тот, кто способен полностью владеть своим рассудком, овладеет всем, что принадлежит ему по праву.»

(Э.Л.Джеймс, «Пятьдесят оттенком серого»)

28.

«За пятнадцать минут я собрала компьютер, распечатки с презентациями и успела переодеться в офисный костюм — в тот самый, что был на мне в день встречи с Андреевым. Стоя перед зеркалом и оправляя пиджак, я поймала себя на мысли, что очень хочу показать Алексею Михайловичу совсем другую Лену. Не растерянного ребенка, не испуганную девушку, а взрослую, самостоятельную женщину, которая состоялась в профессиональном плане. И пусть я не такая респектабельная, как он, и пока не умею так же держать себя перед публикой, но я тоже кое-что могу. «Я хочу быть его достойна...» Догадка на мгновение смутила меня. Увы, я давно уже знала, что моё достоинство проистекает только из моих ран и ударов по самолюбию, в то время, как

авторитет Андреева покоится на незыблемом фундаменте из немногословности и той самой уверенности, которая зачастую красит мужчин лучше любой внешности. «Я не такая, как он, — вздохнув, призналась себе я. — Но я такой стану».

Дав себе это обещание, я расправила плечи, надела туфли на самом высоком каблуке и вышла в коридорчик. Запирая номер, услышала в отдалении схожий щелчок и обернулась. Из сьюта, ближайшего к лифтам, вышла Света. Джинсы, свитер, жакет — она абсолютно точно воспроизвела тот стиль, в котором я утром болталась с Андреевым. Первой мыслью, едва не подкосившей мою новоиспеченную решительность, стало понимание, что Аверина, скорей всего, видела нас с Алексеем, а может быть, даже и слышала нас. Второе суждение, догнавшее первое и вытолкавшее его взашей, поставило руки в боки и вопросило меня: «Ну и что? Ты не обязана отчитываться перед ней». Света кинула на меня быстрый, неприязненный взгляд. Пока я соображала, заговорить ли мне с ней, она нацепила улыбку и нажала кнопку лифта.

— Ну, пойдем, а то Алексей опозданий не любит, — многозначительно произнесла Света.

Мы молча спустились на второй этаж и направились в бизнес-центр. Запутавшись в анфиладе переговорных комнат, секунд через двадцать я всё-таки нашла ту, что была определена для моей презентации. Открыв стеклянную дверь, шагнула в периметр, где стоял проектор, огромный стол, а вокруг кофемашины разместилось человек шесть немцев и десять русских реселлеров. Света по-свойски уселась за стол, обозревая Андреева, который, привалившись бедром к столу, беседовал со своими коллегами. «Так вот почему Света оделась именно так: она его вкусы знает», — сообразила я, оглядывая Алексея. Да, Андреев всегда умел производить впечатление: белый свитер, другой, из синей пряжи, накинут ему на плечи. Неизменные чернильные джинсы. А на шее Андреева красовался другой, абсолютно новый для меня «девайс»: не мокрое полотенце, а итальянские очки типа «Clic» в серой оправе. Отвечая на чей-то вопрос, Андреев дёрнул уголком рта.

«Я уже видела это движение — попытку сдержать улыбку. Сейчас закроет рот указательным пальцем и проведет им по нижней губе.» Андреев, как по нотам, поднял вверх руку, направил её ко рту, и я не сдержалась — фыркнула. Алексей

развернулся. С забавно-строгим видом пристроил очки на нос, преувеличенно-внимательно оглядел меня.

— О, Елена Григорьевна. Какое счастье, что вы почти не опоздали, — сделав акцент на слове «почти», «выдал» он мне. — Готовьтесь, начнём ровно через минуту.

Я прикусила губы. Сейчас мне больше всего хотелось дать ему подзатыльник (и показать всем, что он принадлежит мне).

— Простите, Алексей Михайлович. Вы меня не предупредили, какой зал выберете, — вредным голосом попыталась «оправдаться» я, но Андреев красноречиво взглянул на меня, мол, не нарывайся, сейчас мы не в постели с тобой, а на деловой встрече. Вздохнув из-за очередного и, увы, в этот раз заслуженного укорота, я сняла пиджак. Повесила его на спинку стула, выложила на переговорный стол распечатанные слайды. Миша услужливо перетянул на стойку мой ноутбук и присоединил его к проектору. Поблагодарив его, я заняла свое место у плазмы, нашла презентацию.

— Good day. Guten tag, — начала я на английском и немецком языках. Люди, стоящие вокруг кофемашины, обратили на меня ноль внимания.

Андреев перехватил мой взгляд, прищурился и, кажется, собрался прийти мне на помощь, но это было моё выступление, а не его. И я повысила голос.

— Добрый день, дамы и господа, меня зовут Елена Ларионова, — по-русски, громко и четко, отрапортовала я. Шум стих. На меня воззрились примерно двадцать пар изумленных глаз. И я перешла на английский, тот самый международный язык, который здесь все понимали. — Надеюсь, датский кофе вам понравился. — Пауза. — И если вы его уже выпили, то предлагаю перейти к слайдам. Рассаживайтесь, мы начинаем, — я указала взмахом руки на свободные кресла.

Андреев хмыкнул. Отошёл к противоположной стене комнаты и стёк вниз по стулу. Отведя от него свой высокомерный взгляд (ага, сейчас я тут командую!), я начала излагать свой проект. Доложила о стратегии и о подходах к продвижению, о тематике выбора ключевых методов и о конкретных успехах. Удачно ввернула пару цитат, украденных мной у Ричардссона. Кто-то засмеялся. Я тут же пошутила, что нам, простите, ещё копать и копать, увидела в ответ улыбки, и вдруг, впервые в жизни поймала себя на мысли о

том, что мне выступать нравится. И что я могу показать, что «Ирбис» есть, чем гордиться. Вернее, можно было бы гордиться, если бы не «фальшдоки» под №№ 27/15, 322/42 и 088, к которым сейчас медленно, но верно подводила меня презентация. «А может, обойтись без показа отчётности?» — мелькнула в голове мысль.

У меня был резон обойти стороной эту часть доклада, потому что она требовала показа на «живой» системе. Дело в том, что в «Systems One» программа партнерской ведомости представляла собой сайт, с двумя типами интерфейсов. В первом типе генерились запросы на получение денег. В другой выгружались отчётные документы. В соответствие с официальной процедурой, суммы на продвижение выделялись либо за подписью Тани Сиротиной, либо за подписью Кристофа. Отчётность же принималась только после одобрения главой представительства. Чтобы получить «галочку», я, в отчётный период выгружала в портал файлы, демонстрирующие подлинность сделанного (буклеты, фотографии выставочного стенда, ссылки на прямую рекламу). Следующим пунктом стояла задача выложить бухгалтерскую отчетность, подтверждающую оплату «Ирбис» её контрагентам. Контрагентами, соответственно,

являлись рекламное агентство, полиграфическое бюро или консультанты. Суть же «фальшдоков» заключалась в том, что часть счетов поступала мне от Сиротиной. Получив такой вот «счёт», я шла в бухгалтерию «Ирбис», требовала оплатить его, после чего выкладывала электронную квитанцию в систему, а Сиротина подтверждала оплату «галочкой», действуя за Кристофа. Казалось бы, всё правильно, гладко и хорошо. Но если бы кому-нибудь пришла в голову мысль отправить эти документы в финансовые структуры «Systems One», то там бы возник вполне резонный вопрос: а почему, собственно, часть отчетности отмечена подписью Тани Сиротиной, а не главой представительства? Проведя короткий блиц-опрос и сличение рыночных цен, «безопасники» «Systems One» очень быстро разобрались бы, что я «сливаю» суммы на счёт, подкинутый мне Сиротиной. И хотя дураку понятно, что мы с Таней не могли просто так «свистнуть» полмиллиона, то кто бы стал разбираться?

И я решила сыграть ва-банк.

— Собственно, моя презентация закончена. У кого-нибудь есть вопросы? — Избегая взгляда Андреева, спросила я. Часть аудитории промолчала. Кто-то покачал головой. Кто-то пожал плечами, и

тут Денис из «Корсы» откашлялся и спросил:

— Простите, Лена, а вы не могли бы показать мне, как вы закрываете отчётность? У нас в «Корсе» пару раз был конфликт с Сиротиной из-за выделяемых нам сумм. По словам Татьяны, мы неправильно отчитывались. Я вчера позвонил Татьяне, и она порекомендовала мне задать этот вопрос на круглом столе, адресовав его вам.

«Таня? — пролетело в моей голове. — А зачем это Тане?»

— Хорошо, я… я попробую объяснить, — начала я, соображая, как мне теперь выкручиваться из этой «подставы». Потому что считать совпадением свою поездку в Данию и то, что Сиротина направила меня на круглый стол, я уже не могла.

— Отлично, — между тем обрадовался Денис. — А может, если мой вопрос не всем здесь интересен, то мы с вами переместимся в холл, где вы мне всё и объясните? Один на один, да? Ну, зачем нам людей задерживать.

— А я думаю, никуда уходить не стоит, — раздался голос Андреева. Я вскинула на него глаза. Алексей уже успел отлепиться от кресла и сейчас спокойным шагом подходил ко мне. — Вообще-то, Денис, я думаю, что сам смогу вам показать, как

делалась эта отчетность.

Я замерла. «На чьей ты стороне?» — спросила я его взглядом, и получила такой взор василиска в ответ, что съёжилась окончательно. В то же время по моему лицу скользнул злорадный взгляд Светы. Через секунду в моей бедной голове образовался кавардак из злости, страха, гнева — и ощущения, что я стою на краю вырытой для меня могилы. Вру. Я уже летела в неё. Андреев оттеснил меня и встал за мой компьютер. Увидев свое непосредственное начальство за презентационной стойкой, немецкая группа вытянулась. А Алексей Михайлович положил пальцы на клавиатуру.

— Поищем документы №№ 27/15, 322/42 и 088. — С неимоверной скоростью он вошел в систему и разыскал фальшивки, после чего вывел их на экран. — Начнем со структуры запроса.

А я похолодела. Казалось, время замедлилось, а потом рвануло вперёд со скоростью толчков моего сердца. И тут случилось то, чего я не ожидала ни при каких обстоятельствах: в запросе почему-то стояла «галочка» не от Тани Сиротиной, а… Я наклонилась вперёд, не веря глазам: в графе была подпись Кристофа. И, судя по дате, эта подпись была поставлена им в прошлую пятницу. «Что

происходит? Откуда это взялось?» Я поклясться могла, что передо мной иллюзия. Подняла на Андреева потрясенный взгляд, который он проигнорировал.

— Теперь посмотрим на закрывающие документы. — Алексей щёлкнул кнопкой и слайд с отчётностью повторился с той же «галочкой» Кристофа. — Как вы знаете, — невозмутимо продолжил Андреев, — единственным подтверждением о стопроцентной достоверности документов является подпись главы представительства. В документах «Ирбис» эти подписи присутствуют, что видели все здесь присутствующие. — Андреев сделал паузу и оглядел слушателей. Все, как один, кивнули головой. И только я одна поняла, что скрывалась за этой фразой…

Андреев вывел из-под удара. Вчера, поздно вечером, когда он ушёл от меня, не надеясь на продолжение и не зная, отвечу ли я ему взаимностью, благодарностью или просто прекращу с ним всякие отношения, он ухитрился войти в систему с административным паролем и поставить подпись Кристофа. Возможно, кто-то помогал Алексею, но именно Андреев принял решение спасти меня. Конечно, он мог мне об этом рассказать, но, видимо, оценив способность

моего лица отражать мои чувства, он побоялся, что я волей-неволей выдам себя слушателям...

Это был шах и мат. Денис что-то залепетал в ответ. Аверина откинулась на стуле, задумчиво крутя в тонких пальцах свой черный «Blackberry». А я сидела, испытывая горячее желание броситься Алексею на шею.

Между тем Андреев ловко свернул монолог Дениса словами «пусть с этим разбираются ваши и наши менеджеры», отошел от стойки и начал прощаться с коллегами. Переговорная быстро пустела.

— Лен, ты здорово выступила, — похвалил меня Миша. — Тебя подождать? Пойдешь с нами по городу гулять? Сегодня последний свободный вечер.

— Нет, — светясь от счастья, покачала я головой, — нет.

«Меня ждёт Андреев.»

Увлекаемый Иваном, махнувшим мне на прощание, Миша ушел. А передо мной возникла Аверина:

— Можно тебя на минуточку?

Я, не колеблясь, встала, готовясь, в случае чего, показать ей, кто здесь теперь главный.

— Знаешь, Лен, — задушевно произнесла Света,

— вчера ты сказала мне одну очень хорошую фразу. Сегодня я повторю её тебе: я тебе не соперница.

— Знаешь, что, Света, — с легкой угрозой в голосе начала я.

— Нет-нет, не надо. Я желаю тебе счастья с Алексеем… и с твоим Максом тоже. — Света кинула на меня многозначительный взгляд и исчезла за дверью. А в переговорной, наконец, остались я и Андреев.

— Ну, как? — Он присел на край стола.

— Я тебе так благодарна. Я… я… — и я пошла к нему.

— Погоди. Я знаю, что ты мне благодарна, ну, и всё такое. — Алексей смущённо взъерошил волосы и стянул с носа очки. Помолчал. Поднял взгляд, грустный и внимательный. — В общем, я ещё вчера хотел с тобой поговорить, но у нас не вышло. Лен, мне очень жаль, но тебе всё равно придётся уйти из «Ирбис».

— Что? — Я почувствовала себя так, точно с разбегу врезалась в бетонную стену. Сердце замерло. — Почему? Из-за чего? Ты ведь взломал систему, и…

— Систему взломал не я, а другой человек. По моей просьбе, чтобы тебя не выставили из «Ир-

бис» с «волчьим билетом». Но уйти из «Ирбис» тебе все-таки придётся, потому что твоё начальство уже договорились с Кристенссеном. Они «слили» тебя.

— Что? — рухнула на стул я.

Андреев погладил моё плечо.

— Только не расстраивайся, — попросил он. — Просто… ты этого не знаешь, но дело в том, что Кристенссен ровно через полгода уйдет с места главы представительства. И на это место будет назначен другой человек. И это… это буду я, Лена.

— Ты? — поразилась я. Потом заулыбалась. — Я тебя поздравляю, это здорово, потому что ты молодец, и…

— Лен, — Андреев поморщился, — пожалуйста, попытайся успокоиться и сосредоточься на том, что я говорю тебе. А я говорю, что проблема заключается в том, что ценой моего назначения являлся «слив» тебя. Но я не смог этого сделать.

«Почему? Потому что я тебе нравлюсь? Потому что ты тоже в меня влюбился?»

— …потому что мы были вместе, — Алексей отвел в сторону глаза. — И, после того, как я подставил подписи Кристофа под твоими «фальшдоками», я фактически вошёл с ним в открытый

конфликт. Но я этот спор выиграю, потому что у меня есть Магда и акции, и я…

— Подожди. А причём тут твоя помощница? — Я удивлённо смотрела на него, и получила в ответ такой же ошеломлённый взгляд.

— Лен, — поморгав, аккуратно начал Андреев. — А с чего ты взяла, что Магда Кристенссен моя помощница?

— Кристенссен? — на сопоставление фамилий Кристофа и Магды не требовалось особых усилий.

— То есть Магда — это дочь Кристенссена, да? — Алексей кивнул. — А ты… Ты какое имеешь к ней отношение? — еле ворочая языком от ужаса, выдавила я.

— Вот чёрт! Я считал, что Аверина тебе всё рассказала. Я-то думал, ты знала про неё и про меня. Вот же черт, а?! — Андреев спрыгнул со стола и начал бегать по комнате.

— Лё… Алексей, что происходит?

Андреев вернулся ко мне, попытался взять меня за руку. Но я отобрала её, глядя в его лицо, перекошенное и бледное.

— Лен, извини, — Андреев, не выдержав моего взгляда, отошел к двери, зачем-то подёргал ручку, потом снова вернулся. Теперь он стоял передо

мной и кусал губы. — Лена, давай так. Да, Магда — моя невеста. Видишь ли, тогда я только делал карьеру в «Systems One», и это могло помочь мне. Да, согласен, это выглядит убого, грязно и мерзко, и надо было давно всё это прекратить, но я не мог решиться. — Он ещё что-то говорил мне, но я с трудом разбирала его голос. Мое счастье рушилось, рассыпалось, сгорало и превращалось в пепел.

— … но я закончу с Магдой, я тебе обещаю. Мне просто нужно время. Совсем чуть-чуть. Мне есть, чем надавить на Кристофа. У меня есть акции «OilИнформ», и я смогу обменять их на свою свободу. Как только всё уляжется, я переведу тебя в «Systems One». Поработаешь подо мной, — он еще пытался шутить. А я вдруг подумала, почему невыносимая боль никогда не убивает сразу? И почему рвёт душу медленно, вот так, по частям?

— Что ты пытаешься мне предложить? — Я всё-таки нашла свой голос. — Стать твоей любовницей?

— Лен, ну не передергивай ты, а? — огрызнулся Андреев. — Просто нет смысла доставать из рукава сразу все козыри. К тому же, как я понял, тебе тоже нужно расстаться с Максом. Так или не так?

«Нет, ты не так. Я уже с ним рассталась, когда не взяла трубку и не перезвонила ему.»

— Ага, — кивнула я. — А что ты сказал про акции? «OilИнформ», кажется, да? Извини, я прослушала.

— Я говорил, что акции «OilИнформ» Кристоф купил на моё имя. Провернул одну нечистоплотную сделку в своём фирменном стиле, поэтому я сумел оставить их себе, под московской адвокатской конторой. И теперь Кристоф спит и видит, как получить их обратно.

Услышав это, я закрыла глаза и расхохоталась. Абсурдность ситуации убивала наповал: мужчина, спасший меня, спал с дочерью главы представительства, одновременно с этим приглашая в постель и меня, девочку человека, которому принадлежал «OilИнформ» ...

— Поручиков? В первый раз это имя слышу, — оборвав смех, ответила я, стараясь дышать ровно. Или вообще дышать. — Скажи, а ты хоть раз сам видел Григория Александровича?

— Не поверишь, ни разу. — Андреев с облегчением вздохнул, решив, что скользкая тема закончилась, и шагнул ко мне. Пользуясь тем, что сижу к нему в пол-оборота, я зажмурилась, молясь лишь об одном: чтобы бы он до меня не

дотронулся.

И тут зазвонил его мобильный. Кем бы ни был абонент — я благословила его от души.

— Чёрт, это Магда.

Стиснув кулаки, я ощутила во рту привкус собственной крови. Меня убивало все и всё, что имело к нему отношение.

— Лен, минут через пятнадцать в моём номере. Договорим до конца, да? — Андреев потрепал меня по плечу и быстро вышел из зала.

А я развернулась к столу. Посмотрела перед собой и не смогла разобрать текст на слайдах. Не понимая, почему я не могу прочитать даже самые крупные буквы, моргнула, и на мои руки шлёпнулась огромная мокрая капля, за ней другая. И ещё одна. И ещё. А потом слезы полились рекой. Вцепившись в сидение стула, я начала тихо скулить, чтобы не зарыдать в голос.

Итак, Андреев использовал Магду, Свету, Кристофа, меня — каждого по своему усмотрению. Предатель, вор, трус, обманщик, он заставил меня поверить в прекрасную мечту о любви, которой… никогда не было. Впрочем, он сделал хуже: он растоптал меня, как все. Как каждый — любой, кто хоть раз ко мне прикоснулся. С пониманием этого пришла и дикая, отчаянная злость, в кото-

рой сгорело всё лучшее, что я ещё чувствовала к нему. Впрочем, ярость всегда лечила меня. Бешеная и едкая, она никогда не давала мне умереть, когда этот мир убивал меня.

Я приказала себе перестать реветь. Оттерла слёзы, залезла в карман юбки и вытащила iPhone. Глубокий выдох и быстрый вздох. Потом всего одна клавиша, вызвавшая номер того единственного человека, которому ты звонишь всегда, когда тебе нужна помощь.

— Приёмная Поручикова, — ответила Дина, его секретарь.

— Григория Александровича, пожалуйста.

Щелчок — и знакомый, родной голос:

— Алёнушка, детка, здравствуй. Что случилось? Динара сказала, ты сама не своя. Почему ты звонишь мне в приёмную, а не на мой сотовый?

Потому, что звонок, прошедший с коммутатора, никто уже не запишет. Но всё это можно объяснить и потом. А пока — самое главное.

— Я в беде, папа.

Я рассказала отцу всё. И про акции «OilИнформ», и про то, что я делала с отчётностью в «Systems One». Я, каясь, объясняла папе, что я — глупая, инфантильная, двадцатишестилетняя девчонка. И что всё, что я могу в профессиональном плане

— это быть его дочерью, взявшей у него пять лет назад денег на квартиру.

— Я тебя понял. Дальше я разберусь сам. А ты — ты сегодня же вылетаешь в Москву, — потребовал папа. — Сегодня, первым же рейсом. Динара закажет тебе билет. Обещай, что ты это сделаешь.

— Хорошо, папа, — я покорно шмыгнула носом.

— Я тебя сам встречу, и мы обо всем поговорим.

«Нет, сначала мне нужно поговорить с Максом.»

— Папа, меня Максим встретит.

— Алёна, нет.

— Пожалуйста, папа. Пожалуйста! — взмолилась я. — Пойми ты меня, мне на сегодня уже разговоров достаточно. А завтра я успокоюсь, и сама приеду к тебе. Хорошо?

— Ну, хорошо, детка, — вздохнул папа.

Я положила трубку. Пошла в свой номер, собирать чемодан. И тут вспомнила про Андреева.».

IV .

« — Нет, Магда, я не передумаю. Да ты и сама знаешь, что так будет лучше. — Я стоял на улице перед входом в отель, слушал её голос и молился всем святым, чтобы она положила трубку. И моё

желание сбылось: Магда, пожелав мне счастья, наконец, отключилась.

— Алексей Михайлович, я бы хотела с вами поговорить, — окликнул меня чей-то голос. Оборачиваюсь: рыжие волосы, неприятный, сверлящий взгляд. «Как её? А, Савельева...»

— Простите, я тороплюсь. Меня ждут, — я попытался быстро от неё избавиться.

— Это насчет Лены. Вы должны меня выслушать.

— А вас что, так волнует судьбы Лены? — я всё-таки не смог удержаться. — Интересно, с каких это пор, с детских лет? Или нет… постойте, наверное, со школьного выпускного?

Я думал, это её подкосит. Но Савельева усмехнулась.

— Ясно. «Добрые» люди всё-таки и до вас добрались. — Она окинула меня грустным взором. — Впрочем, разрешите полюбопытствовать: а как вы узнали о том случае, на выпускном? Вы учились в нашей школе?

— Знакомые сообщили, — отрезал я. — А теперь разрешите с вами попрощаться, потому что...

— Мы с Леной дружили. Все десять лет, с самого первого класса, — произнесла Савельева. — Она была мне, как сестра. А потом на меня обратил

внимание один мальчик, Глеб… Его звали Глеб.

— Послушайте, мне это неинтересно, потому что...

— Глеб нравился нам обеим. Но Лена отступила. — Теперь Савельева смотрела мимо меня и точно меня не слышала. — За одно за это я бы всё — слышите, всё? — для неё сделала. Ну, а дальше случилось то самое... Нет, со мной Глеб не спал, — перехватив мой неприязненный взгляд, покачала головой Савельева. — Глеб Лену ждал. А потом он каким-то образом узнал о её секрете. Ну, вы знаете, о каком… ну, что Лена абстинент... И пока на выпускном вечере друзья Глеба брали меня в оборот, Глеб утащил Лену в пустой класс. Я пришла за ней ровно через десять минут. А оказалось, поздно… Нет, она не плакала. Даже сказала, что ни в чём меня не винит. И попросила меня никому ничего не рассказывать, особенно, её маме. После развода с отцом Лены у Элины Витальевны только складывались отношения с новым мужем. И Лены боялась, что этот случай отразится на их семье. Но я нарушила слово.

— То есть «благую» весть по школе разнёс не этот ваш Глеб, а вы, да? — Мне очень хотелось её ударить. Но я сунул руки в карманы.

— Нет, — Савельева покачала головой. — Это

был именно Глеб. Но это уже не важно. Важно другое: Лена так и не смогла простить меня. Нет, поверьте, она добрая, хорошая, славная. В ней только одно плохо: она никогда и никому не простит своего унижения. Даже если вы всего лишь свидетель этому... Так не стало и нашей дружбы. И всё же, она помогла мне. Сразу после школы устроила меня в «OilИнформ», где я сейчас и работаю. Впрочем, она никогда бы не сделала этого, если бы знала, что это я всё рассказал её отцу, Григорию Александровичу. Он и наказал Глеба. Григорий Александрович Поручиков — владелец «OilИнформ», отец Лены — Я моргнул. Савельева подняла на меня взгляд, презрительный, непрощающий. А я вдруг подумал, что она и Лена похожи. Нет, не фигурой, не внешностью, а этим взглядом. Потому что ровно так Ларионова смотрела на меня, когда я рассказал ей про Магду. И тут пискнул мой телефон.

— Извините, секунду. — Я полез в карман, продираясь сквозь воздух. Вытащил мобильный и прочитал начало письма, упавшего мне на почту: «Уважаемый господин Андреев, компания “OilИнформ” заблокировала ваши акции, судебный иск… в течение двух дней просим прибыть в наш офис. Адвокатская контора “Бородин и

партнёры”».

— И последнее, Алексей Михайлович, — сквозь назревающий в моих ушам шум донёсся до меня голос Савельевой. — Я, собственно, почему пыталась с вами поговорить… Я предупредить вас хотела. Я видела вчера, как вы Лену увезли. Я хотела остановить её, но меня бы она не послушалась. И мне кажется, что вы очень ей нравитесь. Что ж, это её выбор. И ваш. Но, если вы, как Глеб, посмеете обидеть её, я поступлю так же, как и тогда, в школе. Я всё расскажу её отцу. И вам не поздоровится. — Савельева развернулась и быстро пошла в «Марриотт».

А я сел на скамейку. Выбил из пачки сигарету, повертел её в пальцах. Рассмеялся и не узнал свой голос.

— Вам ничего не придётся рассказывать, — произнёс я, — потому что Лена Ларионова уже это сделала...

Я даже знал, почему. И дело было не в Магде. Лена посчитала меня циником, который решил использовать её промах, чтобы заслужить её благодарность и определить себе в любовницы. Она ошиблась на мой счёт. Дело в том, что циники — это бывшие романтики. Те люди, которых очень хлёстко обобрала и обработала жизнь. Такие,

как я, обычно представляемся ей, вам, каждому эдакими крутыми одиночками, которым никто не нужен. Эта независимость и привлекает к нам. В итоге, роль циника становится наркотиком, и мы в неё врастаем. Впоследствии мы делаем всё, чтобы не выбиться из этой роли. И всё идёт своим путём, пока однажды ты не встречаешь ту самую, единственную, из-за кого тебя оглушает нежностью — с первого взгляда, с последнего взгляда, с извечного взгляда[11]. Это-то и разрушит твой мир и уютный кокон. И ты будешь тянуться к этой нежности изо всех сил, лишь бы она навсегда осталась с тобой. Но самое ужасное произойдет не в час, когда она предаст тебя, а в тот самый момент, когда ты осознаешь: она такая же, как ты. Её тоже ломали. И оттолкнет тебя эта девочка, потому что она никому не верит. Потому что мир однажды избил её, ударив резко, наотмашь... Я это видел. Я это знал. Давным-давно, у женщины, которую очень хотел любить и которой я верил.

« — Сука. Я тебя убью, убью. — Возвращаясь из школы, я открыл дверь квартиры и прислушался. В ответ — глухой удар и новый стон:

— Мишенька, не надо.

---

[11] Примечания: 11
Источник цитаты: Владимир Набоков.

— Сколько раз я тебя просил не пить? Сколько? Сколько?

— Мама? — позвал я.

— Тварь. На, получай.

Звук удара, крики. Я рванул на мамин голос. Мама лежала на полу, защищаясь руками.

— Не смей её трогать! — закричал я и в первый раз в жизни набросился на отчима.

Он отшвырнул меня ударом кулака в лицо. Забившись в угол, я ничего не сумел сделать. Мне было всего десять лет. Отчим, чье отчество я носил, выскочил из квартиры. А я утром сбежал к деду. И не потому, что испугался, а потому что, когда я попытался подползти к маме, она сплюнула кровавые сгустки на пол и произнесла, глядя мне в лицо, зло, устало и холодно:

— Ты бы не лез ко мне, хорошо? А еще лучше, если б тебя вообще никогда не было…».

Я медленно встал со скамейки и пошёл в «Марриотт». Добрался до своего номера. В прихожей меня накрыл новый звонок:

— Да, Кристоф?

— Что это значит, Алексей? Мне звонила Сиротина, она только что поговорила с Денисом, и там, в системе…

— Это я сделал.

— Что? — Кристоф замер на полном скаку. — Повтори ещё раз.

— Это сделал я.

Трубка замолчала. Потом мембрана раскалилась ненавистью:

— Мальчишка, ты что задумал? Ты с кем решил потягаться? Ты помнишь, что я тебе пообещал?

— Помню. Это ваш выбор. Делайте, что считаете нужным.

— Магда…

— Я уже поговорил с ней. Она меня отпустила.

— Я тебя уничтожу. Я тебе…

— Удачи. — Я отбил звонок.

Хотел запереть дверь номера, но передумал. Открыл мини-бар, вытащил бутылку «Посольской». Я не пил спиртное со дня похорон матери и деда. Налил в стакан, сделал глоток. Водка обожгла глотку, но в мозг так и не проникла. Зато появилось ощущение, что тело умерло, а душа застыла. И вот тогда я сел в кресло и стал *её* ждать. И *она* не подвела, явилась. Вошла в периметр, закрыла дверь, привалилась к ней спиной.

— Ну привет, Андреев, — едко и грозно произнесла Лена. Оглядев мою позу (ноги на столе, рядом бутылка), презрительно хохотнула. — Что, нам есть что праздновать, да? Или, может, зай-

мемся любовью, как ты этого хотел? Впрочем, на это я не пойду. Как я говорила, у меня Макс есть.

Я молчал, разглядывая изумительно-красивое, неприступно-холодное лицо уже не моей женщины. Между нами разлилась тишина. Молчание было соткано из моих медленных выдохов и её быстрых вздохов.

— Ну, скажи хоть что-нибудь, прежде, чем я уйду, — предложила Лена. И вот тогда я задал ей свой единственный вопрос.

— Зачем?

— Чтобы тебе было больно, — ни минуты не сомневаясь, отрезала она. — Ты мне жизнь испортил.

Я кивнул. Похожее я уже слышал от тех, от кого уходил я, и от тех, кто сам уходил от меня. Ларионова ещё что-то кричала, но мне казалось, что в комнате растекается вязкая гелиевая масса, затягивающая в вакуум её лицо, голос, глаза. Нас с ней. Впрочем, «нас с ней» никогда не было. А была мечта, что я встретил ту, ради кого стоит меняться.

— Я хотела мужчину не с большим, а с большим сердцем! — Лена, задыхаясь, забрасывала меня словами. — А ты использовал меня. Ты и сам, как проститутка, которую все пользуют. — Я

дёрнулся, когда она этими словами ударила меня по лицу. А Ларионова захлебнулась в новом приступе ненависти. — Ты обманул меня! И за это я отомстила тебе. Потому что я никому больше не позволю унижать меня. Потому что ты такой же, как все. Как все…

Я стиснул стакан. Потом покрутил его в пальцах.

— Не смей напиваться, — Ларионова сделала стремительный шаг ко мне. Потом спохватилась и снова впечаталась спиной в противоположную стену. — Что ты молчишь, Андреев? — прошептала она.

— Уходи, — попросил её я.

— Что? — моргнув, произнесла Лена.

— Уходи, — очень тихо повторил я.

Ларионова, как слепая, нащупала пальцами ручку двери и отступила в коридор.

— Ты разбил мою жизнь! — выпалила она. Дверь захлопнулась. Ей шаги подсказали мне, что она устремилась к лифтам.

И тогда я сказал:

— А ты разбила мне сердце.

Впрочем, ирония у меня почему-то не вышла. Я медленно встал, поставил стакан на стол и набрал своим адвокатам.

— Алексей Михайлович, завтра с утра вы должны быть в Москве.

— Хорошо. Я вылетаю сегодня.

Заказал билет на ближайший рейс и пошёл собирать сумку.».

Глава 9. Back to Russia

IV .

«…ибо ночь — пора тоски и метаморфоз».
(Рэй Брэдбери «Марсианские хроники»).

«Паспорт. Чаевые горничной. Один звонок Ричардссону с извинениями, что я не смогу присутствовать на конференции, потому что должен срочно вылететь в Москву по семейным обстоятельствам. Короткое письмо Эрлиху с просьбой дать мне отпуск на три дня. Что ещё? Ах да, нужно водителю позвонить...

Клавиша. Вызов. Соединение.

— Алексей Михайлович? — позвал меня Антон, водитель, которого я иногда заказывал в Москве.

— Антон, ты сможешь меня встретить? Я прилечу в «Шереметьево» в одиннадцать вечера.

— Конечно, я вас встречу.

— Спасибо, данке шон.

Прихватив сумку, захлопнул дверь номера и направился к лифтам. Доехал до вестибюля, огромного и холодного, абсолютно лишенного людей, как будто меня изгоняющего. Подошёл к стойке, за которой стояла вчерашняя консьерж-

ка. «Скажи тёте здравствуй…» Положил на стол карточку и сказал, что выписываюсь. Не задавая вопросов, мисс «Услужливость» проверила данные из моего номера, включила в счёт оплаты интернет и воду. Я рассчитался. Сел в такси. Потом была дорога по городу, который я ненавидел, пробки, в которых я старалась не думать о *ней*, и, наконец, «Каструп». Регистрационная зона. Поедание собственных мыслей. Шквал эмоций. Обида. Тоска. Злость. Ненависть. Молитва, чтобы эта игла навсегда ушла из моего сердца. Приступ сарказма, шепнувшего, что нужно пожелать Лене счастья и вечной любви с этим её архитектором. Мои закрытые глаза, а на сетчатке глаз — снова её образ... И те самые не прощаемые слова, которые я услышал.

«Ты предала меня быстрее тех, кто меня ненавидел…»

— Объявляется рейс на Москву.

Проход через всю зону. Последняя сигарета в «загончике», когда ты куришь уже сто пятнадцатый «Dunhill» и все равно чувствуешь всё ту же тупую боль. И, наконец, посадка в бизнес-класс. Стюардесса, привычно закрывающая шторками салон. Очередной взрыв истерики. iPod в уши. Наконец, самолет сел. Пройдя паспортный кон-

троль, я вышел в зал «Шереметьево». Прошёл чуть вперед и неожиданно заметил этого … её архитектора. «Не понял. А он что тут делает?». Я притормозил. Сообразив, что судьба собирается подбросить мне очередную пакость, я смешался с толпой. И тут я увидел её, Ларионову… «Она что, возвращалась в Москву на том же самолёте? Нет. Так не бывает. *Так* судьба не сводит людей.» Я замер. А она медленно шагнула к Максу.

— Привет, — отведя глаза, сказала она. Полезла в сумку, достала крошечный самолётик. — Прости, наверное, это нужно было дарить не сейчас, но я привезла тебе подарок, а ещё я… я от тебя ухожу.

— Ты сука и дрянь, — архитектор смахнул игрушку с её ладони. «Боинг» упал и рассыпалась на мелкие части.

— Что? — растерялась Лена. — Макс, ты с ума сошел?

— Ах, ты не понимаешь? — Белый от бешенства архитектор выхватил мобильный, нажал на кнопку, и я услышал… наши стоны. Свои и её. Рядом кто-то ахнул. А я вообще прирос к мраморным плиткам пола. Потому что происходящее сейчас было нереальным и отвратительным.

— Ну, скажи, что это запись сделана не в твоем

номере, — предложил Макс Ларионовой.

— Кто это прислал? — сглотнула она.

— В сообщении только одно было сказано: «Передайте привет вашей девушке, и напомните, что она мне не соперница». Так что это за ублюдок, который поимел и тебя, и её?

— Не смей так говорить про него! — закричала Ларионова. Закончить фразу она не успела. Расчетливо, жёстко и сильно схватив её за правый локоть, архитектор разогнал руку и обрушил ладонь на её шелковистую щеку. Ларионова осела. Я моргнул. Потом, матерясь и проклиная свою ступор-неповоротливость, рванул к ним. Перехватил пальцы Макса, занесенные для второй оплеухи, вывернул их и корпусом вломил архитектора в колонну. Из него тут же вышибло дух, и стокилограммовый кабан сполз вниз, на пол. Пока эта сволочь с трудом ловила собственное дыхание, я повернулся к Лене. Она стояла, закрываясь руками от всех. Покрутив головой и оценив собирающуюся толпу, я сказал:

— Извините, я поскользнулся. Полы тут у вас очень скользкие.

Кто-то хмыкнул. Архитектор схватился за лёгкие. Воспользовавшись всеобщим ахтунгом, я отвёл Ларионову в сторону.

— Молодой человек, а багаж-то *девушкин* как? — окликнула меня какая-то сердобольная старушка. Чертыхнувшись, я вернулся и за её чемоданом. Ведя перед собой Ларионову и таща её «Самсонит», поискал глазами Антона.

— Алексей Михайлович, я тут, — подскочил он.

— Чемодан в машину. И подержи Лену.

— Подержать? — «водила» ошеломлённо похлопал ресницами.

— Если она от тебя убежит, я тебя убью, — прояснил я ситуацию и чуть ли не бегом направился к магазину, где продавались газеты, жевательная резинка, сигареты и то, что мне требовалось — вода в бутылках, покрывшихся инеем в холодильнике. Слава богу, очереди не было. Я взял две «Evian» и вернулся к водителю, который, как клещ, вцепился Ларионовой в руку. Перехватив мой взбешенный взгляд (ага, я вообще долго отхожу от приступов ярости), Антон сглотнул и отпустил локоть Лены:

— Это я… что бы она…

— …не ушла, — закончил я фразу. — Молодец. А теперь иди к машине и подгоняй «тачку» к центральному входу. Мы сейчас выйдем.

Водитель моргнул, кивнул и пулей рванул на стоянку.

— Спасибо, — прошептала Ларионова.

— Не за что. Покажи мне скулу.

Лена хлюпнула носом, но приказу подчинилась. И я увидел те самые, сводящие меня с ума, глаза и наливающуюся синяком щёку.

— Мать его так, а? — прошипел я и вручил ей бутылку. — Приложи к щеке. Когда бутылка нагреется, дам другую, холодную.

— Ой, жжёт, — ойкнула Ларионова.

— Так и должно быть. Держи, синяк быстрей сойдет.

— Бывший хулиган? — грустно осведомилась Лена, прижимая к лицу «Evian».

— Нет, вечный отличник, — огрызнулся я. — А теперь пошли к машине.

Она снова послушалась и позволила отвести её к выходу. «Ауди» уже был на месте. Я открыл заднюю дверь:

— Садись.

— К-куда мы поедем?

— На квартиру к твоему кабану. Заберешь свои вещи, потом я поеду в гостиницу, а водитель отвезёт тебя домой.

— Но это Макс у меня живет, — прошептала она.

— Что? — И тут я схватился за голову. Ирония

судьбы: Ларионова считала «альфонсом» меня, когда эта стокилограммовая тварь каталась на её шее.

— Знаешь, Лен, — проникновенно начал я, — я всё понять не могу: ну, что я такого сделал, чтобы судьба все время подносила мне тебя, а?

— Ты что имеешь в виду? — окрысилась Ларионова.

— Я имею в виду, что в этом случае я, вместо того, чтобы забыть о тебе, поеду к тебе домой. Потому что этот придурок, оклемавшись, приедет к тебе, забирать свои вещи.

— И — что? — не поняла она.

— И то, что он снова тебя ударит.

— Он не будет, — помотала головой она. — Макс не такой.

— А какой, Лена? — Я был готов придушить её. — Очнись: он. Поднял. На тебя. Руку. А значит, он еще раз ударит тебя.

— Откуда ты это знаешь? — Её глаза внимательно смотрели на меня. Потом они переместились на мой шрам на скуле. — Это… откуда?

— Откуда надо.

— Я с тобой к себе не поеду, — возмутилась Лена.

— Я тебя сейчас силой в «Ауди» засуну, — по-

обещал я ей. Ларионова передернула плечами и, изображая обиженную, уселась внутрь.

— Меня до ближайшей стоянки такси, — распорядилась она.

— Нас обоих до Ленинского проспекта, дом сто пять, — перебил я её, устраиваясь рядом. Нет, не за тем, чтобы пообжиматься, а, чтобы она не сбежала от меня на ближайшем же светофоре.

— Что? — ахнула Ларионова. — Ты что, и адрес мой знаешь?

— Я вообще много чего про тебя знаю.

— Кто тебе дал мой адрес?

— А я вчера звонил в детективное агентство. Хотел разобраться, что за дела у тебя с «Systems One» и что не так с твоей жизнью.

— Ну и как, разобрался? — взбесилась она.

— Разобрался. И теперь у меня к тебе только один вопрос. Не подскажешь, кто сделал эту запись и прислал её твоему архитектору?

Пауза. Глаза в глаза. Поняв, что я ни во что не играю, Ларионова прошептала:

— Света Аверина.

— Да ну? А номер-то у неё откуда?

— А я звонила с её телефона Максу.

— Зачем?

— Сказать… ему, что я по нему… соскучилась.

— Молодец, Ларионова. — Других слов у меня для неё не было.

— А ты дурак, — Лена отвернулась к окну.

Я повернулся к другому.

В полнейшей тишине (если не считать музыку, под которую Антон любить гонять по Москве) мы доехали до типичной «пятнадцатиэтажки», спрятанной между традиционным для спальных районов «Перекрестком» и кучей палаток. У дома было три подъезда.

— У какого остановиться? — приглушил музыку Антон.

Ларионова промолчала.

— У первого, — ответил я.

Антон лихо притормозил, открыл ей дверь, вытащил из багажника вещи.

— Алексей Михайлович, а может, мне вас подождать? — многозначительно спросил он.

— Нет.

— Ну, хорошо, — Антон пожал мне руку, взял деньги, кивнул Лене, и его машина исчезла в подступающей темноте, точно привидение с красными фарами.

— Веди, — предложил я Ларионовой.

— А ты водителя зря отпустил, — блеснула она глазами. — Я тебя к себе вообще-то не пригла-

шала.

— Значит, буду на лестнице ночевать.

— Тебя соседи в милицию сдадут.

— А ещё я могу позвонить твоему папе. Расскажу ему про твоего Макса и объясню, что я тут сейчас делаю. Так устроит? — Я полез в карман за мобильным. Ларионова побледнела.

— Ладно, пойдем, — смирилась она. — Но ты ведь не будешь, ну…

— Я с тобой уже ничего и никогда не буду!

Проход по обычной, утыканной перекошенными почтовыми ящиками, лестничной клетке. Газеты, кучей сваленные, на полу. Лифт с выжженной кнопкой «7» и надписью: «Оля — дура». Вот интересно, и кто заставляет москвичей, которые гордятся своей духовностью, гадить в своём собственном городе? Я объездил пол-Европы, начиная с Восточной и заканчивая самым западным городом Старого света. И нигде, кроме как в занюханном гетто, я не видел, чтобы мусор с таким остервенением вываливали на пол. Пока я размышлял, что подобный бардак лечится трудовым субботником и прилюдной поркой засранцев, Лена погремела ключами и отперла дверь. Кинула на меня быстрый взгляд, пощёлкала кнопками сигнализации.

— Проходи, — предложила она.

Я переступил порог. Впечатление царских хором квартира не производила. Но в отличие от моего жилья, в ней был уют. Этот дом явно любили.

— Покажи мне, где я буду спать.

— Но… но я думала, что мы... — начала она.

— «Мы» что? — Я развернулся к ней. — Поговорим? Обсудим, кто, кому и как сильно жизнь сегодня испортил? Как я убил тебя правдой, а ты исполосовала меня? Честно, Лен, не стоит. — Стянул кроссовки, взял сумку и толкнул первую попавшуюся дверь. Оказалось, спальня. Её. С ним. Большая двуспальная кровать, с раскинутой на ней мужской футболкой, свитером и джинсами. Первым желанием было закрыть эту дверь, следом дверь её квартиры, потом дверь лифта, дверь подъезда и уйти отсюда, куда глаза глядят. Вторым — лишится зрения. Вместо этого я пошел по коридору вперёд, пока не увидел нечто типа кабинета (десять квадратных метров, компьютерный стол и придвинутый к столу диванчик). Сзади прошелестели тихие шаги.

— Здесь твой Макс не спал? — обернулся к ней я.

— Что? — растерялась она. — Нет. Нет, нико-

гда.

— Отлично. Тогда спокойной ночи.

— Подожди. Я хотела сказать, что…

— Ужинать я не буду. Чай и кофе не хочу. В душ схожу позже. А ты делай всё, что хочешь.

— Нет, я… Лёша, пожалуйста, прости меня. И я хочу позвонить папе. Я скажу ему, что с акциями… ну, что всё это ошибка, и что ты ни в чем не виноват, и что ты за меня заступился, и что я…

Я отпустил сумку, и она громко приземлилась на пол. Сел на диван. Потер ладонями лицо. И, видимо, занимался этим чересчур долго, потому что Ларионова успела подойти ко мне, присесть рядом на корточки и заглянуть мне в лицо:

— Лёш…

— Не делай этого, — ответил я.

— Почему?

— Потому что всю эту историю с Кристофом надо было давно заканчивать. Да, очень плохо, что всё закончилось именно так. Но хорошо, что закончилось. Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас. Так что завтра твой отец получит акции, Кристоф — Магду, Магда — возможность жить своей жизнью, а не той, что навязывал ей я, ты — свободу от Макса. А теперь, пожалуйста, у меня к тебе только одна просьба.

— Какая?

— Оставь меня в покое.

Лена медленно поднялась. Попыталась что-то сказать, но так и не решилась. И ушла, осторожно прикрыв дверь. Дом, который я никогда не знал, погрузился в сумрак. И только единственная мысль билась в моей голове: «Что мы такого сделали, чтобы я потерял тебя, а ты — себя, Лена?».

28.

«Каково это — знать, что из-за тебя будет плохо тому, кого ты любишь больше всего на свете?».

(Джин Калогридис. «Невеста Борджа»).

«Я знала, он там не спит. Странное ощущение: он был рядом, так близко, что я чувствовала даже его пульс, и в то же время, я никак не могла дотянуться до него. Андреев одним ударом отсёк меня от своей души, отрезал от своего тела. Закрыл дверь в будущее, которое пытался предложить мне. А было ли у нас это будущее?..

Да, оно было. Вернее, могло бы быть, если бы я сыграла в игру под названием "реванш за моё прошлое". А ведь Андреев ни разу не обидел меня, ни разу не оскорбил меня. Да, мы устраивали словесные баталии, но они были забавными, а не оскорбительными, потому что в них никогда не

было настоящей ненависти. Он был готов защищать меня и защищал даже тогда, когда я предала его. Да, ему нравилось доминировать, но он по своей природе был стопроцентным мужчиной, привыкшим принимать решения любой степени сложности и тяжести. Такие, как он, никогда не будут под каблуком у женщины. Так что же мне делать? Я не могу отпустить его. Я очень хочу вернуть его. Но для начала я должна научиться дирижировать своей собственной жизнью. И начать это с исправления собственных ошибок.

Я слезла с кровати, на которой провела последний час. Перешла в кухню, поставила чайник, разыскала овощи, мясо, зелень. Салат получился, мясо, в общем-то, тоже. Расставила на столе тарелки и пошла за Андреевым. Постучала в дверь кабинета. Алексей не ответил. Я заглянула внутрь: он сидел на диване, подвернув под себя ногу, и что-то в быстром темпе набирал в ноутбуке.

— Пойдем ужинать, — предложила я.

— Спасибо, я не буду.

— Почему?

— Потому, что не хочу.

И тут я сообразила...

— Ты считаешь, что это Максим приготовил, а я

разогрела, да? — Я даже подбоченилась. Алексей поднял глаза от своего лэптопа, поправил очки, задумчиво обозрел меня в фартуке (две вышитые поварешки и имя «Лена» — честно, в первый раз надела), помедлил и кивнул:

— Да, я считаю именно так.

— Нет. Я всё сама сделала. И продукты тоже сама покупала. Пожалуйста, пойдем ужинать.

Помедлив, Андреев отложил ноутбук и встал. Я привела его в кухню:

— Выбирай любое место.

Он осмотрелся, явно прикидывая, где было место Максима.

Я вздохнула:

— Лёш, ну не могу я сразу выкинуть все стулья, диваны, кровати. Перестань вести себя, как подросток. Садись, где ты хочешь. И считай, что я пригласила тебя в гости.

Андреев хмыкнул и сел на первый попавшийся стул. Я примостилась рядом.

— Какие у тебя на завтра планы? — отрезая кусок телятины, осведомилась я.

— Съездить к твоему папе, — огрызнулся он.

«Упс. Не с того начала.»

— Это понятно. Но, вообще-то, я тебя о другом спрашивала. Ты в «Шереметьево» мне сказал,

что собирался в гостиницу. Отмени бронь, пожалуйста.

— Это ещё зачем? — Андреев даже вилку до рта не донес.

— Потому что я хочу, чтобы ты остался здесь и со мной.

Вилка была отложена с преувеличенной тщательностью.

— Лен, — очень медленно, точно разговаривал с душевнобольной, начал он, — а тебе не кажется, что это, мягко говоря, полный бред, который начинает отдавать дешёвой комедией?

— Нет, мне так не кажется. Потому что к моему отцу ты завтра не поедешь. А не поедешь ты потому, что, как только мы поужинаем, я позвоню папе и расскажу ему всё. Повторяю, я хочу, чтобы ты остался.

Теперь Андреев отодвинул и стул.

— Ларионова, — очень тихо сказал он. — Я, конечно, признателен тебе за твоё доброе сердце, кулинарные успехи, ужин, гостеприимство и всё такое, но я, пожалуй, прямо сейчас поеду в «SAS Radisson». Ты как, не в обиде?

— Не в обиде, — я также отложила вилку. — Но съехать у тебя не получится.

— А — почему?

— А потому, что Максим вернётся.

— Попросишь папу прислать охрану, — металлическим голосом сообщил Алексей Михайлович.

— Вот вообще не собираюсь. Наоборот, распахну настежь двери и усядусь ждать его … Ты ешь, Лёш, ешь, а то ужин остынет.

Он смотрел на меня долго.

— Лен, чтобы тебе выжить в ближайшие три минуты, тебе придётся объяснить мне, что за игру ты затеяла, — в конце концов, произнёс он.

— Объясню, если ты будешь есть. Кстати, как картошка? Не остыла? Могу разогреть.

Андреев вцепился в вилку, наколол ломтик и уколол меня новым взглядом:

— Проясни мне свои идеи.

— Ну, я тут подумала… В общем, я считаю, что ты и я действительно должны кое-что исправить. Ты закончишь историю с Магдой. Если, конечно, хочешь. Если не хочешь, то ты и я всегда можем остаться друзьями. Потому что, вне зависимости от того, что ты мне сейчас ответишь, я завтра напишу заявление об увольнении из «Ирбис», после чего поищу себе работу в какой-нибудь компании. Не обязательно такой крутой, но — респектабельной.

— То есть в «Systems One» под меня ты не пойдешь? — Лёша бросил на меня короткий, косой взгляд.

— А у тебя, что, есть шанс остаться главой представительства? — поразилась я.

— Нет. Но у меня очень хороший шанс навсегда остаться в Германии.

Моё сердце перекувырнулось и упало.

— Понятно. — Я постаралась взять себя в руки. — Но, откровенно говоря, меня ни первое, ни второе никак не устраивает, потому что я в «Systems One» не собираюсь, равно как и в Германию, а также в Данию, Голландию и куда там ещё.

— Я тебе, между прочим, в любовницы к себе не предлагал, — отозвался он.

— Спасибо, сразу легче стало, — с трудом, но всё-таки пошутила я. — Пойми, у меня в Москве есть мама и папа, и я их не оставлю. А где твои родители живут?

— Они умерли, — буркнул Андреев. — Давно. Дед. И мама.

— А… твой отец где?

— А у меня его никогда не было. — Перехватив мой взгляд, Андреев встал, взял свою и мою тарелки и положил их в мойку. — Мне посуду помыть?

— Нет. Я сама.

— Спасибо ещё раз. Где у тебя курят?

— Здесь и на балконе. Но там прохладно, так что иди сюда.

Андреев похлопал себя по карманам, потом отправился в кабинет, где лежала его сумка. Пока его носило по моей квартире в поисках никотина (или нужной ему паузы), я поставила на стол кофейник, заварочный чайник, коробку конфет и устроилась ждать его.

И он пришел, на ходу распечатывая обёртку белой пачки «Dunhill». Оперся бедром на подоконник, посмотрел на меня.

— Лен, скажи, а к чему ты этот разговор завела? — прищурился он.

— Я не хочу с тобой воевать, — повторила я ему его фразу.

— И это всё? — уточнил он.

— Пока всё.

— Понятно. В таком случае, послушай, что я тебе скажу. Я уже расстался с Магдой и закончил все дела с Кристофом. И не потому, что ты подловила меня, и не из-за того, что ты мне сегодня сделала. А из-за того, что я действительно хотел быть с тобой. Но ты сделала мне больно. Я не особо обидчивый парень, но ты сделала больно намеренно.

Не спорю, возможно, я это заслужил, но, — и он сделал затяжку, — но теперь я задаю себе вопрос. Кто ты такая, Лена? Какая ты, настоящая? Милая девочка, с которой приятно поболтать? Девушка, которую кто-то когда-то очень сильно обидел? Женщина, которую я захотел больше собственного вздоха? Или же стерва, которая однажды снова прорвет твою кожу и выйдет наружу в тот самый момент, когда ты решишь, что я тебя предал?

Он замолчал. Я не знала, что сказать. Андреев кивнул:

— Вот именно. Впрочем, можешь не отвечать, вопрос был риторическим. Да, ты и я можем остаться друзьями. Мы, черт возьми, можем даже остаться лучшими в мире подружками, но отношений между нами больше не будет.

— П-почему?

— Потому что я этого не допущу. Потому что я тебе не нужен. Потому что даже сейчас тебе нечего мне сказать. Всё, Лен, хватит. Спасибо за ужин и за разговор по душам. — Андреев притушил сигарету и собрался выйти из кухни. И я не выдержала, выпалила:

— Нет… Я… я люблю тебя.

Андреев замер, его спина напряглась:

— Что?

— Я люблю тебя, — повторила я три самых трудных слова, которых не говорила никому и никогда. Андреев помедлил. Потом вернулся ко мне. Наклонился, положил руки мне на плечи. Долго рассматривал мое лицо и глаза.

— Да, ты влюблена, и сильно, — кивнул он. — Но это ещё не любовь. Не та, которой был готов и хотел любить тебя я. — Алексей отпустил меня, развернулся и направился в кабинет. А я приросла к стулу. Итак, в этом доме скрывались две одиноких души. И у них было… будущее?».

Глава 10. Final Countdown

«Final countdown (англ.) — обратный отсчёт».

28.

«Олицетворение мужской независимости в белой футболке и чернильных джинсах прошествовало в ванную. Я посидела на кухне, потом проследовала в спальню. Вытащила из шкафа стопку постельного белья, положила их на диван Андрееву и снова вернулась на кухню. Моя посуду, услышала, как поочередно хлопнули двери ванной и кабинета. И, в конце концов, в квартире воцарилась гнетущая тишина. «Господи, точно в склепе...». Закусив губы, я вернулась в спальню. «Не торопи его. Он сам к тебе придёт. Он всегда приходил первым», — уверяла я себя, направляясь в душ и включая воду. «Он придёт», — повторила я, усаживаясь на постели. В два ночи я все ещё сидела, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к безмолвию, которое нарушало только тиканье стрелок на часах, неумолимо отсчитывающих оставшиеся нам мгновения. Перед нами были весь мир и вся жизнь впереди. Но для

одного из нас время уже истекало...

В полтретьего я наконец сдалась и легла. В четыре сон пощадил меня.

Моё утро наступило ближе к десяти, с воплем: «Ну, Ларионова!». Дверь спальни распахнулась и в комнату влетел «Лёха», сжимая в одной руке сотовый, в другой — зубную щётку. Полуголый и злобный, он производил забавное впечатление, в серых, болтающихся на бёдрах, тренировочных штанах, босиком и с полотенцем на шее.

— Лена, ты хоть раз можешь сделать, как я прошу? — начал он прямо с порога.

— Доброе утро, — я улыбнулась, села. Оправила пижамную курточку, откинула одеяло.

— «Доброе»? Кому доброе, а кому оно сейчас точно будет последним! — Андреев взмахнул зубной щеткой, как мечом. — Ты зачем отцу звонила?

— Но, я думала, что…

— Ты думала? Лен, опомнись: ты вообще никогда не думаешь. Мало того, что ты первая женщина, которая попыталась разрушить мою жизнь, так ты ещё и ухитряешься каждый раз — подчёркиваю, каждый раз! — пройтись по моему самолюбию, как… как танк!

— Как кто? — Я хихикнула.

— Если ты сейчас засмеёшься… Если ты сей-

час только засмеёшься, — грозно предостерёг Андреев.

— Лёш, а ты можешь хоть раз нормально объяснить, чем ты недоволен?

Алексей проехался мрачным взглядом по моим голым ногам, сглотнул, запульнул свой мобильный мне на кровать и пулей вылетел из спальни, не забыв, как следует приложить дверь о косяк. Проводив взглядом его возмущенную спину, я вздохнула, взяла в руки iPhone и прочитала: «Уважаемый господин Андреев, судебное дело по просьбе истца приостановлено. Однако, истец требует личной встречи с Вами. Мы, как Ваши адвокаты, настаиваем на нашем присутствии… существуют судебные издержки… мы надеемся на Ваше понимание. Адвокатская контора “Бородин и Партнеры”».

«А молодец мой папа!»

Скинув ноги с постели, я натянула пижамные брюки и рысцой потрусила в кабинет:

— Лёш, а ты знаешь, где эта встреча будет?

Распахнула дверь кабинета и замерла:

— Ой.

Алексей Михайлович лихорадочно натягивал джинсы на свою голую задницу. Просверлив меня взглядом раненого тигра, он прошипел

сквозь зубы:

— Давай, порадуй меня.

— Папа сюда приедет. Сам. Ровно в одиннадцать утра. Так что у нас есть время, чтобы позавтракать, и…

Андреев вцепился в свою взъерошенную шевелюру. Потом в мою голову полетела сброшенная с постели подушка. Я увернулась. Он запустил в меня пледом. Присев, я отбила плед. Подняла подушку и метнула её в него. Не ожидая нападения, Андреев запутался в джинсах и с изумленным лицом приземлился на диван. Я «добавила» ему пледом, который он успел перехватить, и подбоченилась:

— А теперь послушай мою версию устройства этого мира. Во-первых, я тебя ещё вчера предупреждала, что я позвоню папе. Во-вторых, из квартиры ты никуда не уйдешь, потому что отец приедет. И в-третьих, сейчас именно мой папа, а не ты наступаешь на горло собственной песни.

— Лен…

— Что, Лёш?

— Никак не пойму, ты взрослеешь? Или ты у меня учишься? — произнёс Алексей Михайлович голосом, от которого у меня по спине пробежали мурашки. Застегнул джинсы, подошёл ко мне.

Приподнял мой подбородок и осмотрел кровоподтёк. — Всё ещё больно? — с сожалением спросил он.

— Уже нет. Вернее, больно, но не так, как вчера.

— Всё. Прости. Я был не прав. — Он наклонился, чмокнул меня в макушку, и пока я, моргая, смотрела на него, выдернул из сумки футболку. Надевая майку на ходу, прошёл мимо меня в кухню. — Что ты будешь на завтрак? — донеслось до меня.

— Я-яйцо всмятку. И бутерброд… с сыром, — ошарашенная его инициативой, пискнула я.

— Ладно, это я умею. — В кухне немедленно загремела посуда и раздалось «maybe, maybe…». Покачав головой, я прищёлкнула пальцами и расхохоталась. Он был удивительным. И непостижимым. Но он мне любым нравился.

Завтрак прошёл в дружелюбном молчании. Я пила чай и замазывала синяк тональным кремом. Андреев, выпросив у меня телевизионный пульт, щёлкал по каналам. «Новости ищет, как Макс», — подумала я, испытывая привычную досаду от осознания того простого факта, что по утрам мужчине нужна не я, а телевизор.

— РБК на втором, CNN на четвёртом, — стараясь

не обижаться, подсказала я. — Ещё кофе будешь?

— Да, спасибо. Лен, скажи, а «музыкальный» здесь ловит?

— Ловит. — Я даже встрепенулась. — А какой канал ты хочешь найти?

— MTV или «YouTube». Кстати, я у тебя заметил приставку «Apple TV». Предлагаю «YouTube». Ты как?

— Давай. А у тебя свой плейлист есть?

Андреев с энтузиазмом кивнул. А вот это было забавно. У Алексея Михайловича, оказывается, была ещё одна сторона, которую я не знала.

— Лёш, а ты какую музыку любишь?

— Любую, за исключением шансона, джаза и блюза. Первое раздражает, второе и третье я не понимаю. — Андреев вышел на свой плейлист. — А ты что предпочитаешь?

— Всё, что угодно, только не оперные арии.

Андреев фыркнул, но в причину моей антипатии к Большому театру углубляться не стал. То ли сообразил, что корни моей нелюбви проистекают из детства, то ли в детективном агентстве ему нашептали, что моя мама пела.

— Лен, а почему у тебя животных нет? — Андреев нашёл клип «One Republic». — Мне всегда казалось, что у тебя дома должна быть кошка.

— Пауза и короткий, быстрый взгляд на меня.

«Кошечка… Сладкая… Кошечка.» Я замерла, пытаясь восстановить дыхание.

— Так что с котами? — Андреев насмешливо смотрел на меня, явно меня подначивая.

— Ну, однажды я хотела взять кошку, но у Макса аллергия… на шерсть. — Произнеся это, я сжалась, ожидая, в худшем случае, укорот, в лучшем — неудовольствие.

— Но это же твоя квартира, — стараясь казаться невозмутимым, удивился Алексей.

— Ну, Макс тоже жил здесь.

— Ах, да. И как я забыл? — Андреев скривил губы в усмешке. Потом быстро «исправил» лицо. — А планировку здесь тоже *он* делал?

Это «он» прозвучало, как «да будь он навеки проклят».

— А почему ты решил, что дизайном занимался Макс? — Я стрельнула в него глазами.

— Планировка необычная, — лихо «перевёл» стрелки Алексей. — Никогда не видел такую огромную кухню. Да ещё и с балконом.

— А кухни с балконом и не было, это я всё переиграла. Кухня была маленькой, а балкон примыкал к большой комнате. Я соединила кухню и комнату, а другую большую комнату разделила

на кабинет и спальню.

— Хорошая идея. — Андреев встал, собрал тарелки и положил их в мойку. — Скажи, — стоя ко мне спиной, спросил он, — а если бы так случилось, что ты… ну, вышла бы замуж и у тебя была бы большая семья, то какую квартиру ты выбрала? Вряд ли бы ты осталась здесь.

— Я не выйду замуж, — очень тихо ответила я.

— Да? А почему? Принципы? Религиозные убеждения?

— Потому что, на мой взгляд, брака без детей не бывает.

Андреев дёрнулся, как от удара. Потом на секунду обернулся ко мне, и я увидела его сжатый в узкую линию рот и обточившиеся скулы.

— Ты говоришь глупости, — тихо и веско припечатал он.

— Возможно. — Я даже спорить не стала. И тут раздался оглушительный звонок в дверь. — Ну, всё, начинается, — пробормотал Андреев.

Бросив на Алексея короткий взгляд, я шагнула в прихожую. Заглянула в дверной «глазок». На лестничной клетке стоял мой отец, подкрепленный «тяжелой артиллерией». Роль «Катюши» в данном случае, выпала моей маме. «Ну, умирать, так с музыкой.» Открыв двери и с криком: «Папа,

мама, я так соскучилась!», я бросилась им на шею. Поцелуи и вопросы, как я себя чувствую, были заданы преувеличенно громко и вежливо. Мои давно разведенные родители сейчас производили впечатление двух МУРовцев, проникших на бандитскую территорию, чтобы спасти Володю Шарапова и пристрелить Горбатого. Обнажённые нервы, пульс, настроенный на Андреева, не к месту очнувшееся остроумие заставили меня отступить, совершенно по-идиотски хихикнуть, выбросить руку назад и торжественно заявить:

— Папа, мама, знакомьтесь. Это — мой близкий коллега.

— Доброе утро, — хрипло, но твердо произнёс Андреев. Отец кивнул.

— Н-да? Ну, и на сколько «близкий»? — скрипнула мама, поджимая губы, всем своим видом демонстрируя, что Андрееву не поздоровается. Папа тронул маму за локоть, мол, не начинай.

— Это и есть Алексей Михайлович, я правильно понимаю? — Папа спрашивал меня, но смотрел только на Алексея. Короткая дуэль карих и серых глаз кончился тем, что папа, как это ни странно, отвёл глаза первым и повернулся к маме: — Элина, вы с Алёной чайку попейте, а мы пока кое-что обсудим. Лена, где нам с твоим «коллегой» можно

уединиться?

— В кабинете. Вам же компьютер нужен?

— Нужен, нужен, — вздохнул отец.

— Но я, между прочим, тоже хотела бы поучаствовать в этом разговоре. — Мама театрально вскинула вверх изящную бровь.

— Обязательно, но попозже. — Папа сказал это мягко, но вполне определённо. Помог маме снять пальто, подмигнул мне, и, прихватив портфель, отправился к кабинету.

— Вам чай или кофе принести? — Встряла я, испугавшись первых разрядов молнии, которые сейчас ощутимо шли от отца.

— Потом. Я попрошу, если что. — Папа уверенно шёл по коридору, не сомневаясь, что Андреев за ним последует. Алексей тихо вздохнул, благодарно и мимолетно тронул мой локоть и отправился за моим папой. Мы с мамой послушали, как мужчины затворили дверь кабинета, потом переглянулись.

— Лен, ты соображаешь, что ты наделала, а? — прошипела мама.

— Да. Нет. Я не знаю.

— О господи, а с лицом-то с твоим что! — покачнулась мама. — Я только сейчас заметила этот чудовищный синяк. Какой кошмар! — Мама

всплеснула руками. — А ведь я тебя предупреждала, что сожительство с Сафроновым не доведет тебя до добра. А ты… — но, оценив мой виноватый взгляд, мама сбавила обороты, мягко прижала меня к себе, погладила по спине. — Ладно, детка, пойдем чай пить. Расскажешь мне, что это за «коллега» …

— … Ну, а потом мы из «Шереметьево» приехали сюда, и я попросила Лёшу остаться, — заключила я свой получасовой рассказ о трёх днях, потрясших мой мир до основания.

— Понятно. Ну, и что дальше будет?

— В смысле?

— Ну… — и мама преувеличенно-внимательно осмотрела свои ногти. — Ты же понимаешь, что ради тебя твой отец что угодно сделает. Но это не значит, что ты, — тут мама бросила на меня взор Ивана Грозного, — что ты можешь делать, что хочешь. И меня, как мать, очень интересует вопрос, что собираетесь делать ты и этот молодой человек, которого ты упорно именуешь «коллегой»?

«Когда вы поженитесь?» — вот что я прочитала в маминых глазах.

— Мам, мы это не обсуждали.

— Ах, вы не обсуждали… — Мама зачем-то заглянула в чашку с давно остывшим чаем, покатала

по столу кубик рафинада. — Ты этим молодым человеком очень увлечена, да? — тихо спросила мама. Я кивнула и отвела глаза. — Я так и поняла, заметив, как ты на него смотришь. И точно так же он глядит на тебя, когда ты этого не видишь.

— Мам, — наигранно засмеялась я, — ты же видела Алексея от силы две минуты. Как можно заметить то, что ты говоришь, за такое короткое время?

— Ну, ты моя дочь, и я тебя люблю. И я чувствую, как мужчина относится к моей дочери. Вот будут у тебя свои дети, ты сама это поймешь, — привычно заключила мама.

От новой боли в груди меня избавил звук раскрывающейся двери, тихие голоса из кабинета и шаги в коридоре. Я соскочила с подоконника, мама плавно встала со стула. А на пороге появился отец. Задумчиво посмотрел на нас с мамой.

— Да, интересные дела, — глубокомысленно произнёс папа. — Ну, в общем и целом, история мне понятна. Ладно, давай, Элина, собирайся. Ты же хотела в театр попасть? А мне как раз по дороге, и я могу тебя подвезти.

— Ах, спасибо, — оживилась мама. Оправила платье и тут до меня дошло, с чего это она так нарядилась. Но на моей повестке дня стоял более

насущный вопрос, нежели секреты моих родителей.

— Папа, — я бросилась к отцу и зашептала ему на ухо. — Папа, поверь Алексей не такой плохой, как тебе показалось. Дай ему второй шанс, я прошу тебя.

— Алёнушка, — папа мягко положил свою тёплую ладонь мне на плечо, чем и прервал мои речи. Обозрел мою изуродованную синяком щёку, сверкнул глазами, но быстро взял себя в руки и снова перешёл к своему обычному, чуть покровительственному тону. — Послушай меня. Давным-давно, когда я был, как и ты, молод, у меня был один приятель. Не скажу, что мы много общались, но однажды, к случаю, он сказал мне одну фразу, которую я запомнил. «Не бывает хороших и плохих людей. И человеческую суть определяют не слова и мысли, а поступки. Конкретные действия. Ты отвечаешь только за то, что ты делаешь, а не за то, как поняли это другие». — Папа сделал паузу, давая мне возможность вдуматься в смысл сказанного. — Так вот, цепочка шагов твоих… э-э, скажем так, «приятелей», — и папа поморщился, намекая на Макса и Алексея, — выявила суть каждого. Только один пошёл ко дну, а второй — к обратному отсчёту. Ну, знаешь,

как счётчик обнуляют? — подсказал мне отец, заметив мой недоуменный взгляд. Сообразив, что папа имеет в виду, я закивала. — Так вот, этот твой «коллега» свой счётчик вчера обнулил. И теперь нам с тобой только остаётся посмотреть, что он будет делать дальше... И кстати, — тут отец бросил быстрый взгляд на мою маму, которая за моей спиной, очевидно, посылала ему сигналы, — Алёна, ты уверена, что твоему «коллеге» так уж необходимо было ночевать здесь, а не в гостинице? Потому что я, откровенно говоря, после твоего рассказа про синяк, привёз сюда охрану.

— О Господи, папа, Макс — не разбойник с большой дороги. — Я закатила глаза под потолок.

— Лена, дело не в этом. Просто вы тут вдвоём, и это неприлично. — Мама сделала «страшные» глаза.

— Мне двадцать шесть лет. Я с Алексеем уже спала. И я люблю его.

Папа поперхнулся. Мама густо покраснела и уставилась на меня так, точно на моём лбу вырос третий глаз.

— Лена, ну не так же, — зашипела она. — Ну, не при отце же...

— Я сказала что-то, о чем вы не знаете? — Я даже не улыбнулась.

— Ничего мы так ребеночка воспитали, да? — Задумчиво почесал в голове папа.

— Это у неё от тебя, Григорий, — огрызнулась мама.

— Ага, от меня. И от тебя. Или от нас обоих. — Папа вздохнул. — Ладно, Элина, пойдём.

— Но...

— Пойдем, — нажал голосом папа. — Поверь, *это* долго не продлится.

— Ах, так? — встрепенулась мама, в отличие от меня понявшая намёк отца. — А кстати, этот «коллега» не хочет со мной попрощаться?

— А этот «коллега», кстати, стоит позади тебя. — Папа смерил взглядом бледного Алексея Михайловича и, чуть помедлив, всё-таки протянул ему ладонь.

— Итак, мы договорились? — со значением произнёс мой отец.

— Да. И ещё раз, простите. — Алексей наклонил голову, потом вежливо раскланялся с моей невозможной мамой. Мама величаво проследила, как он поцеловал её пальцы, победоносно накинула на плечи манто и грациозно прошествовала к входной двери.

«А Лёша ей понравился...»

Фыркнув, я обняла папу:

— Мир — это Большой театр, да?

— Точно. А мама в нем — самая большая актриса. — Поймав возмущенный мамин взгляд, папа спохватился. Быстро чмокнул меня и послушно выбежал.

— Григорий, что значит эта твоя последняя ремарка? — донёсся до меня мамин голос. Далее хлопнули двери лифта и в квартире воцарилась тишина.

— Тебе очень сильно влетело? — я обернулась к Андрееву. Он, в свою очередь, успел прислониться плечом к стене и сунуть руки в карманы.

— Что? А, нет... Скажем так, не очень... Могло быть хуже. — Он задумчиво разглядывал плитку на полу, потом спохватился и поднял на меня странно мерцающие глаза. — Ты даже не представляешь, как тебе повезло с родителями.

— Не поверишь, представляю, — вздохнула я. И тут я вспомнила ещё кое-что. — А, кстати, если не секрет, что за обещание ты дал моему папе?

— Не секрет. Сегодня вечером я возвращаюсь в Германию.

— Что? — обомлела я. — Повтори.

— Повторяю, я дал твоему отцу обещание, как можно быстрей закрыть все дела с акциями.

— А как же Макс? — Я сделала последнюю по-

пытку удержать его здесь, и тут же возненавидела свою павшую гордость.

— Ну, до вечера я пока тут, — грустно фыркнул Андреев. — А потом… Лен, давай говорить честно. Это вчера твой Макс был для тебя угрозой. А сегодня он всего лишь предлог, чтобы я здесь остался.

— Понятно. Ладно, делай, что хочешь, — прошептала я и пошла по коридору. Андреев перехватил мою руку:

— Скажи, а что хочешь ты?

И тут я не выдержала. Развернулась к нему, задрала вверх голову.

— Лёш, а *ты* что хочешь услышать от меня? — закричала я. — Что *ты* от меня хочешь? Чтобы я призналась, что я люблю тебя? Я уже это сделала. Чтобы я повисла на твоей шее? А вот этого я делать не стану. — Я отвернулась.

— Подожди, — позвал меня Алексей. — Просто… в общем, это всё сложно, и не ко времени, и мне нужно сначала обнулить все долги, прежде, чем давать обещания, но я хотел сказать тебе всего одну вещь, ещё вчера, в Дании. В общем, я…

От объяснений его избавил поворот ключа в двери.

— Слушай, у тебя не дом, а проходной двор, —

раздражённо скрипнул Андреев. — Это ещё кто?

— Это Макс, — прошептала я.

— Да ну? А откуда такие сведения? Ты же даже в дверной «глазок» не посмотрела. — Алексей прищурился.

— Ну, только у Максима… есть второй комплект ключей от моей квартиры.

— Правда? — огрызнулся Андреев. Сверкнул глазами, но через мгновение смиренно вздохнул. — Ладно, чёрт с ним. В конце концов, я тоже не ангел. Тем более, что сначала надо разобраться с ним, а потом уж с тобой разговаривать …

За это время Макс успел отпереть дверь и вырасти на пороге.

— Лен, я бы хотел, — покаянно начал он и тут увидел Андреева. — Та-ак. А *этот* что тут делает?

— А «этот» здесь вас ждёт, — тут же парировал «Лёха».

Смерив Алексея величавым и недружелюбным взглядом, Макс повернулся ко мне.

— Я бы хотел поговорить с тобой. Наедине, — подчеркнул он. Не успела я ответить, как Андреев сделал шаг вперёд, загоняя меня себе за спину.

— Наедине не получится, — объявил он.

— Это почему? — разозлилась я.

— Потому что вчера он поднял на тебя руку.

— Молодой человек, а вам не кажется, что вы лезете не в своё дело? В конце концов, вас эти пять лет в жизни Лены не было. — Макс принял позу под названием «ты грязь на моём сиянии».

— Нет, мне так не кажется, — огрызнулся Алексей. — И кстати, я вам не молодой человек, «наш дорогой папа» ...

Это странное обращение, адресованное к Максу, я вообще не поняла. Зато Сафронов замер, позеленел и затаил дыхание. Я перевела вопросительный взгляд с затравленного Макса на боевого «Лёху», который взирал на Сафронова с брезгливостью и презрением. Максим сглотнул и забормотал:

— Лен, всё не так, как кажется. Я тебе сейчас всё объясню. Я…

— Вот только попробуй «ей» сейчас «всё объяснить», — пригрозил Андреев. — Только попробуй *ей* всё рассказать, и будешь иметь дело со своими адвокатами.

— А почему с адвокатами? — снова не к месту встряла я.

— Ну, кто-то же должен будет подать «за него» иск за побои с увечьями? — любезно и доходчиво объяснил мне Алексей.

— Лёш, заканчивай это, — одёрнула я своего «спасителя», который сейчас напоминал задиристого мальчишку, а не взрослого человека, который всегда умел себя сдерживать. — Максим, у нас день с самого утра не задался. Извини нас, пожалуйста. Так что ты хотел объяснить мне?

И тут Максим ухмыльнулся.

— Ах, так вот в чем дело, оказывается, — насмешливо процедил он. — То есть «этот» тебе ничего не сказал, да? Ну что ж, в таком случае, у меня ещё есть шанс вернуться в твою жизнь, когда «этот» тебе наскучит. А пока я, если не возражаешь, заберу свои вещи. — И Макс пошёл в спальню.

— Дрянь, — услышала я свистящий шёпот Андреева. — Arsch. Scheisse.

Я замерла. Когда Алексей переходил на «неправильный» немецкий язык, дело было плохо.

И я была трижды права: на ходу бросив мне «только не вмешивайся» Алексей отправился следом за Максом.

— Лёш, не надо!

— Я сказал, не вмешивайся!

Таким тоном он не разговаривал со мной никогда. Пока я моргала, Андреев шагнул в спальне и плотно закрыл за собой двери. А я принялась

барражировать по коридору, нервно ломая руки. Но за дверью, как это ни странно, пока было тихо. Помолившись за двух дураков, сцепившихся из-за одной идиотки, я отправилась в кухню и тут до меня донёсся высокий голос Максима:

— Да, у меня есть дочь. А что ты хотел? «Эта» ведь — полуженщина!

— Я сказал тебе заткнулся!

Следом послушался звук удара, потом визг: «Мальчишка, да я тебя по судам затаскаю!». Мужчины решали проблему насилием, а я сползла на пол. Ужасные слова преображались в осознание элементарной истины. Максим меня ударил не потому, что ревновал, а потому что презирал меня. У него была другая жизнь. Отсюда проистекали его частые отлучки и короткие сообщения. Просто он никогда не был моим. Никогда. Ни разу.

Правда горьким эхом отдалилось от стен и окон моего дома. Грохотом прокатились по кухне и слилось в моих ушах одним жутким, отчаянным воплем, оглушившим меня, затянувшим меня в неведомую пропасть, всё глубже и глубже — туда, где невозможно даже дышать. Я закрыла уши руками. Как из другого мира, до меня донёсся шум падающего тела, грохот шкафа и гневное: «А

теперь быстро проваливай!». Я медленно подняла глаза. Поглядела, как Макс Сафронов покидает «наше» разоренное «супружеское» гнездо с высоко поднятой головой и окровавленным носом, всем видом демонстрируя своё оскорбленное достоинство. Потом увидела Алексея, швырнувшего ему на лестницу уже собранную сумку. Чертыхаясь, Андреев запер дверь. Потирая костяшки пальцев, завертел головой и позвал:

— Лен, ты где?

Я не ответила. Явно нервничая, Алексей быстро прошёлся по комнатам и, наконец, выскочил на кухню. Увидев меня, сидящую на полу, в самом дальнем углу комнаты, и остановился. И вдруг опустился на пол и сел рядом со мной. Оторвал мою руку от раскрытого в беззвучном рыдании рта, притянул меня за плечи.

— Ты всё поняла, да? — тихо спросил он. Зажмурившись, я кивнула. — Вот чёрт, а я так хотел, чтобы ты об этом не узнала.

— Скажи, а как ты это раскопал?

— Благодаря детективному агентству.

Я отвернулась.

— А ещё я хотел сказать тебе одну вещь, — продолжил Андреев. — Дело в том, — он аккуратно распрямил мои заледеневшие пальцы, — что

у каждого мужчины есть где-то единственная женщина, только для него и созданная. И у этой женщины тоже есть такой мужчина. — Он поцеловал мою ладонь, согревая её дыханием. — Но мало кому выпадает счастье встретиться[12]. Я испытал это счастье: у меня есть ты. Пожалуйста, поверь в меня.

Я отвернулась. Он терпеливо ждал, что я скажу. И вот тогда я решилась.

— Ты точно должен уехать? — спросила я. Он кивнул. — Тогда, пока ты здесь, вернись ко мне. Сейчас. Пожалуйста.».

IV .

«Я смотрел в её отчаянные глаза и вспоминал слова, сказанные мне её отцом.

“— Пожалуйста, дай моей дочери время самой понять, что ей нужно. — Поручиков расхаживал по маленькому кабинету.

— Я уеду сегодня, — ответил я.

— Ты считаешь, это поможет? — Поручиков взял в руки детскую фотографию Лены, которая стояла на столе и на которую я смотрел полночи. — Моя дочь влюблена в тебя. Но меня больше

---

[12] Примечания: 12
Источник цитаты: Борис Акунин.

интересует, как ты к ней относишься.

— Я уже сказал вам.

— Прекрасно. — Отец Лены щёлкнул пальцами, а я вдруг понял, от кого Ларионова унаследовала эту привычку. Только у неё она олицетворяла смех, а у него — раздражение. — Пойми меня правильно: нам с её матерью всё равно, как будут звать её избранника, и будешь ли им ты или кто-то другой. Мы просто хотим, чтобы наша дочь была счастлива с человеком, достойным её. Достойным…

— Вы против того, чтобы именно я был с вашей дочерью? — Я спросил напрямик. — Или вас смущает то, что мы всего три дня знакомы?

Поручиков развернулся, вонзив в меня острые зрачки:

— А если я сейчас скажу тебе «да», то ты от неё откажешься?

— Нет.

— Почему?

— Она нужна мне.

— В таком случае, ты дашь моей дочери самой решать, нужен ли ты ей…”

И вот теперь Лена смотрела на меня.

— Займись со мной любовью, — робко прошептала она.

— Лен, я не могу, — начал я и в первый раз увидел её слёзы. При мне она никогда не плакала. Она всегда была гордой. В этом и заключала её порода, которую я угадал при нашей первой встрече. И вот теперь стальной стержень, что был в её позвоночнике, пригибал её к земле. А ещё я подумал, что кем бы я не стану сейчас в глазах отца Лены — плохим, хорошим, умным, дурным — мне нет никакого дела до этого, когда она вот так плачет, глядя на меня.

— Встань, — попросил я её. Лена пошатываясь, поднялась, с отчаянием глядя на меня сверху. — Разденься для меня.

— Но я думала, что ты… сам.

— Нет. С этого дня выбор только за тобою.

Я смотрел, как она медленно стягивает с себя майку. Я давал ей шанс передумать и сбежать от меня, или перевести всё в шутку. Но Лена упрямо стащила голубого «Покемона» и разжала пальцы. Футболка безвольным комком упала на пол. Лена кинула на меня напряженный взгляд. Сообразив, что я ей помогать не стану, а, собираюсь, вот так подперев подбородок, сидеть и её рассматривать, Ларионова раздражённо шмыгнула носом:

— Скажи, может быть, ты просто меня не хочешь?

— Да нет, я-то как раз очень хочу. Вопрос в том, что ты хочешь. Ведь, в конце концов, мы может просто поговорить.

— Это как?

— Ну, по-дружески. — Я пожал плечами.

— По-дружески? — Лена закусила губы и начала быстро расстегивать джинсы. — По-дружески?! — Высвободила пуговицу из петель, потянула вниз молнию. Резким движением наклонилась и выскользнула из брючин.

— Тебе мой дружеский стриптиз нравится? — вредным голосом осведомилась она.

«О! А моя девочка возвращается»

— Мне ты нравишься, а не стриптиз... Ладно, хватит, иди сюда.

Лена воинственно шагнула ко мне. Я положил ладони ей на талию и, притянув к себе, спрятал лицо в мягкой впадине её живота, вдыхая чистый, знакомый запах её шелковой кожи, и тут же ощутил, как две маленькие ладошки осторожно легли мне на голову. Прокладывая дорожку из поцелуев и дыхания вдоль линии её бедер, я погладил её дрожащие ноги, подождал, когда она расслабится и потянул вниз последнюю кружевную полоску. Лена дёрнулась, но всё-таки переступила через резинку трусов и чуть расста-

вила ноги. Вместо того, чтобы ласкать её, я подсек её под колени, услышал «ой!» и, поднимаясь сам, подхватил её. Ларионова ахнула, но уже через секунду покорно обвила меня за шею и положила голову мне на плечо. Держа её на руках, я сел на ближайший стул.

— Может, пойдем на диванчик? — робко предложила она. — Там, в кабинете.

— Зачем? — удивился я.

Она тут же смутилась.

— Подожди, ты не знаешь, что тебе делать? — догадался я. Она подняла личико и, смущаясь, кивнула, — Ясно. Ладно, начнём с простейшего. Можешь снять с меня майку?

Лена подцепила кромку моей футболки и потянула её вверх. Удерживая Ларионову на коленях, я нырнул в горловину футболки, потом высвободил руки. Лена отпустила ткань, которая шлепнулась на пол. Подумала, наклонилась и повторила цепочку моих поцелуев у меня на ключицах.

— Ты в первый раз ласкаешь меня, — прошептал я, поглаживая её под грудью.

— Тебе нравится? — выдохнула она.

— Да. Ты хочешь остановиться? — Я давал ей последний шанс.

— Нет. Я тебя хочу.

— Тогда расстегни мои джинсы.

Лена робко, потом смелей прочертила ногтем дорожку на моём животе, и, пока я сглатывал, нашла все четыре кнопки, расстегнула их и потянула за брючный пояс.

— Не получается, — сдерживая рваные вздохи, беспомощно пожаловалась она. Вместо ответа, я завел её руки себе на шею. Выгнулся и дёрнул джинсы вниз.

— Приподнимись. — Лена подняла бёдра, и джинсы темной тканью обвились вокруг моих ног. — А теперь помоги мне войти в тебя. — Я нашел её губы, и она, издавая тихие, тёплые стоны, начала опускаться на меня. И я моментально почувствовал, какая она узкая.

— Подожди. Не отпускай мои плечи. — Съехав ладонями по её ногам до точёных щиколоток, приподнял её колени и положил её ступни себе на бедра. Обвил ладонями её талию и начал разводить свои ноги в стороны, медленно опуская её на себя. Поймал губами её новый стон и первым сделал движение.

— Медленно, — попросил у неё я. — Только не спеши.

Она сделала поступательное движение. Я

направлял её ровно до тех пор, пока она не задвигалась сама, остро, быстро и резко. Постанывая, прильнула ко мне, обвив одной рукой мою шею, второй упираясь мне в грудь. Но я ждал иной звук. Я уже знал, что, когда ей по-настоящему нравится, в её горле рождается звук, похожий на мурлыканье кошки. И эта странная мелодия продолжается ровно до тех пор, пока Лена не подожмёт на ногах пальчики, не выгнется дугой и не закричит. Моя же проблема заключалась в том, чтобы не потерять голову раньше неё. И я решился на откровенную провокацию. Я позвал её:

— Кошечка...

Лена попыталась улыбнуться, но уже не смогла. Она хрипло мурлыкнула, задрожала, выгнулась и забилась в конвульсиях. Удерживая её, я рванул её на себя и ощутил её мягкую грудь и упругие мышцы, выбивавший из меня первый крик. Последнее, что я услышал, был её шёпот:

— Я так люблю тебя... Не оставляй меня.

Нет, она не снизошла до меня. Это я смог до неё дотянуться.

Позже я перенёс её на диван. Мы ещё долго лежали, она спиной ко мне, я — прижимая её к себе, ласково её поглаживая и глядя на неумолимые стрелки часов. У нас в активе оставался

всего один час. Потом меня ждал самолёт, её — расставание.

— Ты всё-таки уедешь? — Лена перехватила мои пальцы и прижала их к губам.

— Да. Я должен… Послушай, у меня есть к тебе просьба. Я хочу оставить тебе свою карточку.

— Какую, визитную? — грустно усмехнулась Лена.

— Нет, банковскую.

Ларионова немедленно напряглась. «Сейчас спросит, беру ли я её на содержание», — с досадой подумал я. Но Лена расслабила плечи:

— И зачем мне твоя банковская карта?

— Купи сюда новую мебель. И начни прямо с кровати.

Лена пошевелилась и повернулась ко мне. Провела пальцами по моим губам:

— То есть ты действительно собираешься вернуться сюда? — спросила она, разглядывая меня так, точно видела впервые.

— Нет. Это у меня такая привычка подчищать ауру в домах, где меня принимают, — беззлобно съязвил я. — Я же сказал, что я вернусь. — И я цапнул её за палец.

И тут она улыбнулась — легко, чистосердечно. Потом звонко рассмеялась.

— Ну что, договорились? — настаивал я.

— Да. Договорились.

— Скрепим наш сделку? — Она с энтузиазмом кивнула. — Тогда иди сюда. Значит, так…

За три часа до рейса я вылетел из её подъезда, едва успев собрать вещи. Антон уже ждал меня, нетерпеливо поглядывая на часы.

Остаётся только добавить, что через три месяца я уехал из Дрездена. За это время отец Лены замял дело с акциями и разорвал контракт с “Systems One”. Кристофа “ушли” на пенсию, а московское представительство возглавил “Сыч”, примирившийся с Сиротиной. Впрочем, это была совсем другая история…».

Глава 11. C’ est La Vie 2016

«Paint a picture of a perfect place
They’ve got it better than what anyones’s told you
I’ll be the King of Hearts, and you'll be the Queen of Spades
And we'll fight for you like we were your soldiers[13]…
(«All The Right Moves», (c)«OneRepublic»)

28.

«У любви есть много оттенков, но только один смысл. “Любить” — это всегда глагол. Глагол подразумевает действие. Мне остаётся рассказать вам только то, о чём вы уже догадываетесь, и то, о чем вы даже не подозреваете…

Начнём с того, что Алексей вернулся ко мне ровно через неделю. Ещё через три месяца он окончательно перебрался в Москву, изнасиловав все средства связи, которыми смог дотянуться до меня. В ту знаменательную пятницу мы встре-

---

[13] Примечания: 13
«Создай картину совершенных дней. Получишь её — только вскрикни. Ты — Королева Пик, я — твой Король Червей. Другие солдаты погибнут.»

тились с ним в купленной им квартире. И вот я сидела на только что собранном им диване. Походив по пустой комнате, Алексей Михайлович обозрел выбранные мной обои и, наконец, встал напротив меня:

— Лен, а я кое-что сделал.

— Что именно?

— Уволился из «Systems One».

— Зачем? — поразилась я. — Тебе же там нравилось, и ты сам говорил, что у тебя перспективы.

— Нравилось, — он кивнул. — Но, видишь ли, возникла одна идея. И этой проблематикой, откровенно говоря, я всегда хотел заниматься. Речь идёт о принципиально новом программном обеспечении для освоения шельфов. Исследовав рынок, я месяц назад поговорил с Ричардссоном и предложил ему на паях выкупить одну фирму. Эрик согласился. Так что, — и тут Андреев тяжело вздохнул, — поскольку Эрик Ричардссон в Москву вряд ли когда переедет, то я стану совладельцем и главой новой компании.

— Ты? Так, Лёша, стоп. А это программное обеспечение ты будешь продвигать через моего папу? — Я даже выпрямилась.

— Вот вообще не собирался. — Обиделся он. — Но если твой отец согласится отдать мне тебя,

сотрудницу его фирмы, то можно рассмотреть и этот вариант. Ну что, пойдешь под меня? Хочешь, будешь партнерами заниматься...

Я закрыла лицо руками и затряслась от беззвучного хохота. Андреев был просто невозможен с этими его идеями и талантом обращать всё разумное в деньги.

— Лен, ну так что? — поторопил он меня.

— Лёш, скажи, мы теперь с тобой никогда не расстанемся? И ты всегда будешь мной командовать, да?

— М-м, — ухмыльнулся он. — Всегда. И даже дома.

— А при чём тут «дома»? — не поняла я. — Ты живешь здесь, а я живу там.

— Подожди-ка, Лена. Ты что же, думаешь, я поселился здесь, чтобы быть твоим любовником? Может, поженимся уже наконец, и будем жить, как все нормальные люди? Хочешь, мы кота заведём?

И я хихикнула.

— Ну так что ты надумала? — Андреев упрямо смотрел на меня и нервно кусал губы.

Вот здесь было бы вполне уместно сказать, что я ему отказала, потому что это должно было держать изворотливого Андреева в тонусе. Но

это — не правда. Я сказала ему «да». Мама была счастлива. «Это не какой-то там гражданский брак, а стабильные отношения», — гордо заявила она отцу. Папа закатил глаза под потолок и промолчал, усмехаясь. Впрочем, он всегда любил мою мать и лучше всех понимал её.

Остаётся только добавить, что свадьба была очень скромной. У Андреева не было друзей, чтобы приглашать их. А у меня была только одна подруга. Алексей сделал всё, чтобы помирить нас с Яной. Но самое забавное, что на мою свадьбу Яна явилась вместе с Петером Йенсом. Тем самым датчанином, который встречал нас в аэропорту. “Мой жених”, — представила Петера Яна. “Потрясающе. У меня, оказывается, для ЗАГСа свидетель есть”, — весело фыркнул Андреев.

А теперь последнее…

В апреле 2016 года Алексей и я прилетели на Кипр. Андреев хотел навестить могилу своей старой знакомой. Женщину звали Ольга Романова, и в январе 2014-ого она погибла в автомобильной аварии, не справившись с управлением на скалистом участке Patiopoulo[14]. На похороны Ольги

[14] Примечания: 14

Греческая дорога Patiopoulo-Perdikaki входит в десятку самых опасных трасс в мире.

Андреев ездил один. На годовщину я подгадала свои дела так, чтобы быть вместе с ним. И вот теперь, два года спустя, мы снова подходили к невысокому, каменному, снежно-белому кресту. Алексей нашёл мою руку. Постоял, потом глубоко вздохнул и расправил плечи:

— Ну что, пойдем в гостиницу?

— Пойдем.

Мы медленно двигались по дорожке из крупного светлого гравия, когда Алексея окликнули:

— Алексей Михайлович?

Мой муж обернулся. А я увидела в семи метрах от нас высокого темноволосого парня с ясными, насмешливыми, серыми глазами. Он был строен, обаятелен и чем-то напоминал моего мужа. Рядом с парнем стояла миловидная светловолосая женщина.

— Алексей? — снова позвал юноша.

— Да, это я, — медленно произнёс Андреев. — А вы, простите, кто?

— Меня зовут Исаев. Мы с вами как-то раз разговаривали по телефону. — Голос у парня был просто бархатным. — Ира, подождёшь меня? И вы, — тут Исаев взглянул на меня, — пожалуйста, тоже меня извините.

Исаев направился к Алексею, мужчины отошли

в сторону, а до меня донеслось:

«Ольга… Она… Я хотел поблагодарить вас за памятник…».

«Андрей, не стоит...».

Немного побеседовав, мужчины дружески распрощались. Исаев вернулся к блондинке, которую он называл мягко и нежно-раскатисто «Ир-ра». Он что-то заботливо спросил у неё. Женщина кивнула и неосознанным жестом положила руку на живот. А Алексей потянул меня к выходу.

— Лёш, а кто этот Исаев? — спросила я.

— Детектив, из агентства. Это он нашёл информацию о тебе и прислал мне код, которым я закрыл твою отчётность.

— Хороший человек, — фыркнула я.

— Да. Думаю, что хороший. Пригласил нас вечером в гости. Пойдем?

Я, подумав, кивнула.

— А хочешь, Лёш, я тебе тоже один секрет расскажу? Эта Ира беременна. — Я взяла Андреева за руку.

— Какая Ира? — не понял он.

— Ну, девушка этого парня.

— Это его жена. А с чего ты взяла, что она беременна?

— Да как тебе сказать… Вообще-то, — и тут я сде-

лала умное лицо, — в общем, есть такие приметы и симптомы, которые я знала… То есть знаю.

— Что? — Андреев замер. Моргнул и развернулся ко мне: — Лен, а ты случайно не хочешь мне сказать, что ты… ты…

— Тоже, — закончила я за него. — Второй месяц. Скажи, ты рад?

— Да. Нет. Не знаю... Просто это всё неожиданно, — запинаясь, произнёс Андреев. Но в его глазах я уже видела разгорающийся огонёк, плывущий в прозрачных волнах. Огонёк причалил к берегам его глаз, осторожно ступил на землю, поискал меня, нашёл, по-детски озорно улыбнулся и вдруг разлился в чёрных зрачках Андреева непостижимой нежностью. А я поняла, каким будет наш первый ребенок. Сероглазый, добрый, озорной, рождённый в любви мальчик, взявший всё самое лучшее от своих невозможных родителей. Пока будущий отец искал слова, подходящие к случаю, я привстала на цыпочки и поцеловала его.

— Лёш, наверное, ещё рано об этом говорить, но мне почему-то кажется, что у нас будет сын. Скажи, а как бы ты хотел назвать его?

Андреев покусал губы. Помедлил, и, вдруг, решившись, произнёс:

— Сергей. Серёжа.

— Так звали твоего деда, да?

— Нет. Так звали моего отца. Мама… В общем, она мне как-то призналась, что мой отец никогда не знал про меня не потому, что он так хотел, а потому, что она ему обо мне не сказала.

— Жаль.

— Мне тоже жаль… А теперь Ларионова, то есть Андреева, то есть Лена, уж будь так любезна объяснить мне, почему я только сейчас узнал о твоей беременности, и когда ты научишься, наконец...».

Остаётся только добавить, что о прошлом мы никогда больше не вспоминали.

Мы вернули все долги, выплатив их по-полной. И впереди нас ждало только будущее и уже другие истории...».